ISSN 0131-6117

Русская речь

RUSSIAN SPEECH

МОСКВА, 2022

1

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

300 лет Российская Академия Наук

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phiL., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: http://russkayarech.ru/

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

© Российская академия наук

© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2022

ISSN 0131-6117

ISSN 0131-6117

Russian Speech

RUSSKAYA RECH'

MOSCOW, 2022

1

JANUARY–FEBRUARY

Founded in January 1967

6 issues per year

Russian Speech

No. 01 | 2022

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: http://russkayarech.ru/

ISSN 0131-6117

Содержание

Проблемы современного русского языка

7..... *Н. М. Девятова.* Образ мужчины и женщины в зеркале русских сравнений: о наречиях с приставкой *по-* и их культурно значимых смыслах

19..... *Е. Н. Куликовская.* «Слово как действие» в русских заговорах

35..... *А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова.* Грамматическое описание религиозной лексики в современном толковом словаре

50..... *О. Н. Чарыкова, Н. В. Федотова.* Коронавирусный дискурс как источник активизации военной метафоры

Из истории русского языка

61..... *И. А. Горбушина.* О происхождении рус. *кутерьма*

71..... *А. Г. Кравецкий.* Прописная или строчная? К истории орфографических практик XVII–XVIII вв.

82..... *А. А. Кретов.* Утро вечера мудренее?

Язык художественной литературы

90..... *Ю. Г. Захарова.* Иноязычная лексика в письмах А. П. Чехова

106..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева.* Компаративные конструкции и структура повествования (на материале современной русской прозы)

Наука в лицах

119..... На службе русского языка и российской науки (Людмила Алексеевна Вербицкая)

Contents

Issues of Modern Russian Language

7..... *Nadezhda M. Devyatova.* The Image of a Man and a Woman in the Mirror of Russian Comparisons: About Adverbs with the Prefix *Po-* and Their Culturally Significant Meanings

19..... *Ekaterina N. Kulikovskaya.* "How to Do Things with Words" in Russian Charms

35..... *Alexei E. Tsumarev, Larisa L. Shestakova.* Grammatical Description of Religious Vocabulary in a Modern Explanatory Dictionary

50..... *Olga N. Charykova, Nataliya V. Fedotova.* Coronaviral Discourse as a Source of Increased Military Methaphorization

From the History of the Russian Language

61..... *Irina A. Gorbushina.* On the Origin of the Russian *Kuter'ma*

71..... *Aleksandr G. Kravetsky.* Capital or Lowercase Letters? The History of Orthography Practices in the 17th and 18th Centuries

82..... *Alexey A. Kretov.* *"Utro Vechera Mudrenee?"* (Is the Morning Wiser Than the Evening?)

The Language of Fiction

90..... *Yuliya G. Zakharova.* Foreign Language Vocabulary in the A. P. Chekhov's Letters

106..... *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova, Natalia A. Fateeva.* Comparative Structures and Narration Composition in Modern Russian Prose

Science and Persons

119..... In the Service of the Russian Language and Russia's Scholarship (Lyudmila Alekseevna Verbitskaya)

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 07–18

Проблемы современного русского языка

Образ мужчины и женщины в зеркале русских сравнений: о наречиях с приставкой *по-* и их культурно значимых смыслах

Надежда Михайловна Девятова, Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Россия, Москва), Deviatovan@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170017965-0

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются культурно значимые смыслы, формирующие семантику наречий с приставкой *по-*: *по-мужски, по-женски*. Семантика наречий выявляется в результате анализа их сочетаемости. Выявляются их отношения к синонимичным синтаксическим конструкциям — сравнительным оборотам (*как мужчина, как женщина*) и сравнительным придаточным предложениям. Основное различие заключается в том, что семантика наречий формируется за счет постоянных признаков, тогда как сравнительные обороты и придаточные предложения могут называть разные признаки — как постоянные, так и ситуативные. Различия касаются и характера оценки. Образ женщины в наречии выступает как образ положительный, тогда как сравнительные обороты более разнообразны в отношении оценки. Сравнительный образ, формирующий семантику наречий, — это положительный образ, отражающий признаки внешности, привычки, речевое поведение и др. Также выявляется место *по-женски* в другом ряду: *по-женски, по-бабьи, по-бабски*. Наречие *по-женски* здесь выступает как стилистически нейтральная единица, значение которой формируется за счет типичных положительных качеств женщины. Место наречий

в сравнительной системе русского языка определяется тем, что они заполняют лакуну в языке, выступая как способ выражения эталонного сравнения, расширяя репертуар его средств. Они отличаются и особой сравнительной парадигмой. В отличие от конструкций с союзом *как* они могут выражать образное и эталонное сравнение и не выражают сравнения логического.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наречие с префиксом *по-*, образное сравнение, эталонное сравнение, культурно значимые признаки, сочетаемость единицы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Девятова Н. М. Образ мужчины и женщины в зеркале русских сравнений: о наречиях с приставкой *по-* и их культурно значимых смыслах // Русская речь. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170017965-0.

Issues of Modern Russian Language

The Image of a Man and a Woman in the Mirror of Russian Comparisons: About Adverbs with the Prefix *Po-* and Their Culturally Significant Meanings

Nadezhda M. Devyatova, Institute of Humanitarian Sciences, Moscow City Pedagogical University (Russia, Moscow), Deviatovan@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with adverbs with the prefix ‘po-muzhski’, ‘po-zhenski’ (in a masculine way, in a feminine way, correspondingly) and their place in the system of Russian comparison. The article reveals specifics of the semantics of the units, their culturally significant meanings in the analysis of compatibility in comparison with synonymous constructions — comparative phrase ‘kak zhenzshchina’, ‘kak muzhcina’ (as a woman, as a man). The main difference lies in the fact that the semantics of adverbs is formed by

constant features, while comparative phrases and subordinate clauses can name different features — both constant and situational. Differences also concern the nature of the assessment. The image of a woman in an adverb acts as a positive image, while comparative turns are more diverse in terms of evaluation.The comparative image that forms the semantics of the corresponding adverbs is a positive image that reflects features of appearance, habits, speech behavior, etc. The article also reveals the semantics of the word *po-zhenski* in comparison to the words *po-babii, po-babski*. The adverb *po-zhenski* here acts as a stylistically neutral unit, the meaning of which is formed due to the typical positive qualities of a woman. The place of adverbs in the comparative system of the Russian language is determined by the fact that they fill a gap in the language, acting as a way of expressing a reference comparison, expanding the repertoire of its means. They also have a special comparative paradigm. Unlike constructions with the HOW conjunction, they can express a figurative and reference comparison and do not express a logical comparison.

KEYWORDS: adverb with the prefix *po-*, figurative comparison, reference comparison, culturally significant signs

FOR CITATION: Devyatova N. M. The Image of a Man and a Woman in the Mirror of Russian Comparisons: About Adverbs with the Prefix *Po-* and Their Culturally Significant Meanings. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170017965-0.

Сравнение реализуется в языке разными способами, в каждом из которых отражается их языковая специфика и закрепляются значимые для русской языковой культуры смыслы. Прежде всего они связаны с таким компонентом сравнительной конструкции, как эталон сравнения, называющий то, с чем сравнивают.

Речь в первую очередь пойдет о сравнениях, представленных наречиями с приставкой *по-*: *по-женски, по-мужски* и некоторых других, относящихся к системе русского сравнения на том основании, что их толкование опирается на сравнительную конструкцию. Например: *И как она еще молода и красива, просто по-женски красива!* (О. А. Бессарабова. Дневник. 1922) — Ср.: *красива, как женщина; как бывает красива женщина*. Представление о женской красоте имеет отношение не только к языку. В сравнении находят отражение сложившиеся в обществе этические нормы,

представления о прекрасном. Вступая в связь с разными единицами, «наполняясь» их смыслом, наречия *по-женски, по-мужски* формируют определенный этический и эстетический эталон. Наречия соотносятся не только с производящими прилагательными, но и с соответствующими существительными: *как женщина, как мужчина.* Однако их значение не сводится к значению соответствующих оборотов. И наречие, и сравнительный оборот обладают уникальной семантикой.

В настоящей статье мы ставим перед собой цель выявить культурно значимые смыслы, формирующие образы мужчины и женщины в русской языковой культуре и их отражение в синонимичных конструкциях — наречиях и соотносимых с ними сравнительных оборотах.

Об особенностях словообразовательной модели и отдельных типах речь шла в некоторых наших статьях [Девятова 2020 и др.]. Частотность одних наречий и нечастотность других мы объясняем сформированностью/несформированностью стоящего за ними образа сравнения. Материал исследования составили преимущественно данные Национального корпуса русского языка, где представлена значительная статистика употребления наречий. *По-женски* — 448 вхождений, *по-мужски* — 586. Материал дополняется и примерами картотеки автора этой статьи.

Специфика наречий с приставкой *по-* состоит в том, что они имеют неполную сравнительную парадигму. Сравнительной парадигмой мы называем способность сравнительной модели отражать (в разном объеме) такие типы сравнения, как образное, логическое, эталонное. Образное сравнение представляет сопоставление объектов разных онтологических классов. В логическом сравнении представлены объекты одного класса. В эталонном сравнении объект сравнивается со своим классом, с нормой проявления признака [Девятова 2012]. Например: *Я живу, как все люди — как живут все.* Объем сравнительной парадигмы наречий ограничивается образным и эталонным сравнением. Эталонное сравнение незначительно представлено среди конструкций с союзом *как*, и наречия с приставкой *по-* заполняют эту лакуну. Например: — *Пошли, — сказала она и как-то по-особому, по-женски, не то выжидающе, не то насмешливо повернулась к нему, поглядела на него* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978). *По-женски повернулась* — как поворачивается женщина. Смысл *как?* по-разному проявляется в разных контекстах. Богатство контекстов и «текучесть» признака и формируют языковой образ соответствующих наречий. Знание о том, как говорит, поворачивается и т. п. женщина, составляет семантическое наполнение наречия *по-женски.*

Анализ показывает, что образы женщины и мужчины в культурном сознании социума воспринимаются по-разному. В пословицах и поговорках, как отмечает Г. А. Сереброва [Сереброва 2007: 279], образ женщины

подается с точки зрения мужчины. Здесь доминирует отрицательная коннотация. Схожая мысль содержится в исследовании В. А. Ефремова, где речь идет о «разграничении (эксплицитно) мужского как отрицательного и (имплицитно) женского как положительного» [Ефремов 2010: 18]. О высоком образе женщины, о связи женского начала с вечностью, космосом писала О. Ю. Казмирчук, исследуя образ женщины в ранней поэзии Б. Л. Пастернака [Казмирчук 2003: 292]. М. Н. Крылова [Крылова 2015] отмечает, что гендерные различия между мужчинами и женщинами проявляются и при создании сравнений, в частности в выборе эталонов сравнения.

Представление о мужчине и женщине, воплощенное в наречиях, имеет свои отличия. *По-женски и по-мужски* выражают образное сравнение, если относятся к объекту другого класса — соответственно мужчине и женщине. В соединении не со своим объектом иногда лучше проявляются значимые признаки образа. Например: *Взгляд его останавливался то на сандалиях с потертыми ремешками, то на исцарапанных грязных ногах, то на плетях рук, которыми безумец судорожно, по-женски, будто ожидая удара, обхватил грудь, то на бегающих звериных глазах* (Дмитрий Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов. 2013).

По-женски может опираться на разные признаки женского образа: внешность, характер, особенности поведения и др.

По-женски может относиться как к женщине, так и к мужчине. В приложении к мужчине в наречии более ярко проявляется сущность «женскости»: представление о типическом женском образе — красивом лице, женской красоте и обаянии, нежной коже, длинных волосах, покатых плечах и др. Например: *Кожа по-женски нежная. Грудь же покрыта мягкой порослью, светлой, как выгоревший мох* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого. 2000); *Широкие, безбровые, с по-женски длинными волосами, хазары незримо стояли в плавнях — войском водных чудищ* (Александр Иличевский. Перс. 2009); *Красивый мужчина — это как-то по-женски. Я бы не согласился на внешность «парня с обложки»* (Женщина — мужчина. Брак (Форум). 2004). По отношению к мужчине могут употребляться и следующие сочетания: *по-женски поджать ноги; по-женски сведенные коленки; по-женски безмускульные руки; по-женски белое и круглое лицо; по-женски толстый в бедрах.*

Наречие *не по-женски* применительно к внешности мужчины не встречается в русском языке.

Сочетания, характеризующие женщину: лицо (*по-женски привлекательна, красива; лицо, по-женски перекошенное от плача*), глаза (*по-женски блестевшие, тревожные, прекрасные*), волосы (*по-женски длинные, зачесанные назад, выпущенные на лоб*), уши (*мочки ушей по-женски мягко округлены, красивые уши*), плечи (*по-женски покатые*), шея (*по-женски округлившаяся*

шея), живот (*по-женски мягкий, выпирающий*), ноги (*по-женски полные*); руки (*по-женски красивые руки, полные по-женски руки, не по-женски груба ее рука*). Представление о красоте и привлекательности может не конкретизироваться: *по-женски привлекательна, по-женски красива.* Красота женщины, как отмечает В. А. Ефремов, относится к базовым гендерным стереотипам [Ефремов 2010: 18].

Наречие *не по-жен*ски применительно к внешности женщины встретилось в таком контексте: *Другая, шершавая, не по-женски грубая рука трогает Ленькину голову* (А. И. Пантелеев. Ленька Пантелеев. 1938–1952).

Не по-женски не дает антонимичных выражений: **не по-женски некрасивое лицо, *волосы не по-женски короткие, *живот не по-женски плоский.*

Представление о женской красоте, аккумулированное в наречии *по-женски*, складывается из разных признаков внешности: высокая грудь, широкие бедра, мягкий, чуть выпирающий живот, длинные волосы, покатые плечи и др. Например: *Выгоревшие от солнца волосы, деревенская рубашка с большим вырезом на шее, старенькая черная плахта, обтягивающая по-женски развитые бедра* (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. 1927–1933); *Она опустила голову на его мягкое, округленное по-женски плечо и, порывисто вдыхая в себя воздух, выговорила…* (П. Д. Боборыкин. Труп. 1892); *Пропустил вперед очень красивую тоненькую девочку с полными по-женски руками…* (Л. Р. Кабо. Ровесники Октября. 1964. 1997); *Вначале она, правда, обрадовалась, что ущербность заключена не в ней, не в ее по-женски одаренном теле* (Тамара Орлова. Ловушка для ящериц // Октябрь. 2003); *К тому же Динара не так уж по-женски и плоха, а год назад она вообще казалась мне девушкой из грез* (Максим Милованов. Рынок тщеславия. 2000). То, что отмечается как положительный признак для женщины, у мужчины воспринимается отрицательно, например: *по-женски полные бедра, покатые плечи.* При этом гендерно не закрепленные признаки воспринимаются как признаки положительные (*по-женски красивые уши, по-женски полные губы, по-женски свисающая на лоб челка* и др.).

Представление о внешности типичного мужчины менее дифференцированно. Нам встретилось несколько примеров, в которых отрицательная оценка передается антонимом: *не по-мужски широкий таз, не по-мужски маленькие стопы,* из которых следует, что нога мужчины обычно большая, а таз неширокий. Одним из положительных признаков внешности считается общий крепкий вид мужчины. Например: *Захотелось стать сейчас как они: раскованным, по-мужски широким* (Анатолий Приставкин. Радиостанция «Тамара». 1994).

Как можно заметить, внешний облик женщины в сравнениях выглядит более богато, именно с женщиной в русской культуре связаны наши представления о прекрасном. Внешность мужчины не имеет такой

значимости, и многие признаки «оформляются», будучи перенесенными на женщину. Из этих сравнений узнаем, что в мужчине обращает на себя внимание ширина плеч (*по-мужски широкая в плечах*), фигура (*узкий таз* и т. п.), отсутствие красоты (*по-мужски скроенное* (грубое) *лицо*).

Обратим внимание и на то, как сущность женскости проявляется в типичных привычках: *по-женски растопырив руки, разведя руки, с по-женски выгибающими спинами, по-женски подперев подбородок, по-женски семенить ногами, по-женски вилять бедрами* и др.

Образ женщины, формирующий культурную специфику *по-женски,* формируется и за счет других признаков, например речевых особенностей: *по-женски, по-домашнему попросила; голос звучал по-женски; по-женски мягко говорить; по-женски бормотал; рассказать просто, по-женски; вопил по-женски пронзительно; взвизгивает по-женски; сказать по-женски лукаво, по-женски возражала, поахать по-женски, ласково, по-женски звать.*

Речь персонажа может иметь как положительную, так и отрицательную оценку. *Говорить по-женски* — говорить мягко, душевно, лукаво, загадочно. Речевое поведение женщины передается и такими глаголами, как *визжать, кричать*, в контексте которых наречие приобретает отрицательную оценку. «Женская» характеристика такой речи — пронзительно, резко и т. п. Речевое поведение мужчины, похожее на женское, определяется как *не по-мужски*. Например: *И оттого, что он так громко и не по-мужски закричал, ребята будто сжались и притихли совсем* (Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая. 1981). *Не по-мужски,* т. е. скорее по-женски — резко, визгливо и т. п.

Типичное речевое поведение проявляется через действие *поговорить*. В соединении с *поговорить* проявляются истинно мужские качества. Чаще *поговорить по-мужски* встречается без дополнительных пояснений. Например: *Меня снова послали поговорить с ним по-мужски* (Слава Сэ. Другие опусы. 2010); *И вдруг оказалось, что мы, чувствуя вину друг перед другом, так и не смогли однажды сесть и по-мужски поговорить, раз и навсегда покончив с недомолвками и догадками* (Алексей Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой. 2002); *Давай договоримся по-мужски: ты сознаешься и рассказываешь мне некоторые детали, а я тебе сразу же подписываю характеристику* (Александр Городницкий. И жить еще надежде. 2001). *Поговорить по-мужски* предполагает честный, жесткий разговор, отсутствие недомолвок, такой разговор должен достичь своей цели и расставить точки над і в сложившейся ситуации. *По-мужски* в разговоре с другом означает откровенность, отсутствие скрытности. *Поговорить по-мужски* с недоброжелателями не исключает употребление силы. Такой

разговор предполагает достижение цели. Контекст выявляет такое качество мужчины, как мужественность.

Интересны синтагматические ряды, куда вступает интересующее нас наречие: *по-мужски и прямо*, *покончив с недомолвками*. Твердость мужского поведения отражает и метафора *отрубить по-мужски*. Антоним *не по-мужски* в таком контексте означает отсутствие открытости, нечестное поведение, например, *не по-мужски — тявкать из-за угла.*

Речевое поведение женщины выглядит более разнообразно. Контекст *поговорить по-женски* оказывается не столь однозначным. *Поговорить по-женски* — значит открыть свои чувства; поговорить мягко, доброжелательно, откровенно, предполагая ответную откровенную реакцию. В отличие от *поговорить по-мужски* здесь нет сформированного отчетливого образа. Среди «женских» сочетаний отметим: *по-женски победно говорила; объяснять по-женски; обсудить по-женски; по-женски настаивать на своем; рассказать просто, по-женски; проболтаться по-женски* и др. Например: *Я пыталась обсудить с ней все по-женски, но она отказывается общаться* (Татьяна Кузнецова. Можно заработать и на изнасиловании. 2001 // Аргументы и факты. 14.02.2001). В речевом поведении женщина может проболтаться, при этом она открыта, откровенна в своих порывах и чувствах.

По-женски и *по-мужски*, как мы отмечали, имеют антонимы *не по-женски, не по-мужски. Не по-женски* передает отклонение от женского образа и вместе с тем вызывают в памяти противоположные качества. Это касается разных признаков: *не по-женски расставить ноги* (эталоном походки является близкое расположение ног при ходьбе), *не по-женски грохать сапогами* (походка типичной женщины должна быть бесшумной), *резковатая не по-женски* (настоящая женщина должна быть мягкой), *не по-женски сильна* (женщина должна быть слабой) и др. *Не по-мужски* чаще характеризует поведение — *вести себя не по-мужски: не по-мужски обещать и обмануть; не по-мужски подслушивать; не по-мужски прятаться за спинами; не по-мужски изворачиваться* и т. п.

Контекст *поступать по-женски* и *по-мужски* выявляет противоположные качества женщины и мужчины. Например: *Да, он сумеет быть счастлив и без вас, но вас это не оправдывает. Вы поступаете не по-женски. Да и не по-мужски. Не по-человечески* (Ирина Бахтина. Зачем я тебе? 2007). *По-женски* здесь входит в градационный ряд, где является самым слабым членом. *Поступать по-женски* допускает нестрогое соблюдение норм поведения. Поведение *по-мужски* предполагает поведение регламентированное. *По-человечески* в этом ряду отражает сложившиеся нормы поведения в обществе, предполагающие нравственное поведение [Девятова 2020]. *Поступить по-женски* — значит поступить нелогично, поддавшись

минутному порыву. Например: *Я ни его, ни ее еще не знал, но догадался, что у них роман, он явно влюблен, а она поступила чисто по-женски: раз опоздал — взяла и отдала билет какому-то студенту* (Ю. Башмет. Вокзал мечты. 2003).

Женщина и мужчина по-разному характеризуются в отношении к категории счастья. О концепте женского счастья можно говорить как о сформированном, в отличие от счастья мужского [Ганиев 2017]. В понятие женского счастья включается любовь, семейное счастье и его составляющие: муж, дети, достаток. Например: *Будет ли она счастлива по-женски? Добьется ли она того, о чем мечтали все женщины нашей семьи?* (Маша Трауб. Плохая мать. 2010). Мужское счастье может быть разнообразным (счастлив с женой, счастлив сняться в фильме, счастлив в жизни и др.). Например: *«Я женат и счастлив» — писал Пушкин о том, дачном периоде своей жизни* (Ялия Кантор. Пушкинский дом. Открылась мемориальная дача поэта в Царском Селе // Известия. 07.06.2002). Тем не менее контекста *счастлив по-мужски* нам не встретилось.

Назовем и другие женские качества, формирующие семантику наречия. Это аккуратность (*по-женски аккуратная*), наблюдательность (*по-женски наблюдательная*), мудрость (*по-женски мудрая*), обстоятельность, любопытство, хитрость (*по-женски хитрая*), способность обижаться (*обижаться по-женски*), ум (*по-женски умна*), чуткость (*по-женски чуткая*), беззащитность (*по-женски беззащитная*).

Специфика наречий *по-женски* и *по-мужски,* как можно видеть, формируется типичными языковыми контекстами.

Что касается сравнительных оборотов *как женщина, как мужчина* или придаточных предложений с этими единицами, для них характерна свободная сочетаемость. Однако нераспространенных оборотов немного. Нераспространенные субстантивные обороты *как мужчина, как женщина* чаще встречаются в приложениях. Например: *Этим я хочу сказать, что как женщина мать моя была в себе уверена* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок. 1975–1977). Сравнительные обороты *как женщина, как мужчина* не имеют ограничений в сочетаемости. Например: *«Н-н...» — слабо выдохнул он, совсем как женщина, сказав свое «нет» не как отказ — как робость* (Владимир Маканин. Кавказский пленный. 1995); *Татьяна Васильевна работала как мужчина, а боролась с бытом — как женщина* (И. Грекова. Под фонарем. 1963); *В музыке Моцарта Кипренский хотел найти оправдание для себя, — ведь создал же Моцарт, капризный и ветреный, как женщина, проводивший ночи в пирушках и похождениях, эту высокую музыку* (К. Г. Паустовский. Орест Кипренский. 1936). Оборот включается в контекст, где дается обоснование соответствующего сравнения. Нам не встретилось сочетания *по-женски капризная и ветреная*. Чаще употребляется

распространенный оборот или придаточное предложение. Например: *Тебя, тебя в своих стихах прославлю, как женщина прославить не могла* (Анна Ахматова. «Твой белый дом и тихий сад оставлю...». 1913); *И кадровичка, загадочно округляя глаза и поднося палец к губам, как женщина со старого советского плаката «Не болтай!»* (Ирина Павская. Джоконда Мценского уезда. 2006); *Весной земля — как женщина, которую пробуждает пахарь* (Александр Савинов. Средневековье заново: что открывает Робер Фосье? // Знание — сила. 2014); *Ленька ходил винтом вокруг лодки с рыбаком, подсобравшим по бортам снасти, как женщина юбку, ступив в неожиданную лужу* (Александр Иличевский. Перс. 2009).

Сравнительный оборот и придаточное предложение обычно называют другие, нежели наречие, признаки женщины. Это могут быть как положительные, так и отрицательные признаки. Например: *Писатель не имеет права быть скучным, как женщина — неопрятной* (Борис Васильев. Оглянись на середине // Октябрь. 2003); *Ведь без чуда любой монастырь — как женщина без сережек и без колец* (М. Н. Задорнов. Египет // Октябрь. 2002); *Далеко не каждый мужчина способен планировать семейную жизнь столь тщательно и вдумчиво, как женщина* (Александр Лебедев. Львиная женская доля // Семейный доктор. 2003). Есть и общие контексты. Например: *Попробую-ка я с ней поговорить — как женщина с женщиной* (Андрей Лазарчук. Тепло и свет. 1990); *Ленька ходил винтом вокруг лодки с рыбаком как говорит женщина с женщиной* (Александр Иличевский. Перс. 2009), т. е. понимая другую женщину, прояснить ситуацию. Контекст *поговорить* допускает употребление с наречием. Однако в отличие от наречия *по-мужски* мы считаем, что это нетипичный контекст. При сравнении наречия и субстантивного оборота можно наблюдать определенное распределение контекстов. Оборот может соединяться со словами, называющими как постоянные, так и непостоянные признаки. Наречие же формирует свое значение за счет признаков постоянных, называющих типовое представление о мужчине и женщине. При этом основу образа составляют все же положительные признаки.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение *по-женски* в ряду других гендерных наречий *по-бабьи, по-бабски*. Наречие *по-бабьи* может иметь разную оценку. Положительную оценку оно имеет в контекстах, где отражаются народные представления о женщине, русском женском характере — ее поведение, привычки, душевные качества — сущностные качества русской женщины. Приведем эти контексты: *по-бабьи покрывать голову платком, голосить по-бабьи, всхлипывать по-бабьи, пустить слезу, жалеть по-бабьи, подпереть подбородок по-бабьи*. Другие контексты, передающие отрицательные характеристики, не входят в представление о национальном характере: *сказать грубо, по-бабьи, ругались по-бабьи,*

заорала по-бабьи, пискляви́ть по-бабьи, болтать по-бабьи (сплетничая). Наречие *по-бабски* встречается только с отрицательной оценкой. Оно сохраняет пренебрежительный оттенок, характерный для прилагательного *бабский*, и отражает самые неприятные женские качества. Например: *В большой комнате курили, по-бабски ругались секретарша с Ивинской и ждала Некрасова* (Л. К. Чуковская. Полгода в «Новом мире». О Константине Симонове. 1946).

Анализ сравнительной семантики наречий *по-женски, по-мужски* в ряду синонимичных единиц позволил выявить культурно значимые признаки наречий. Эти признаки относятся к числу постоянных характеристик мужчины и женщины. Для образов мужчины и женщины, запечатленных в соответствующих наречиях, значимыми являются признаки внешности, причем в большей мере это характерно для женщины, речевое поведение, межличностные отношения. Возможности взаимозамены наречий субстантивными оборотами ограничены. Обороты *как женщина, как мужчина* обычно представляют конструкции распространенные, чаще называющие ситуативные признаки.

В ряду других синонимичных единиц *по-женски, по-бабьи, по-бабски* наречие *по-женски* является стилистически нейтральным вариантом, значение которого формируется за счет типичных положительных качеств женщины.

Литература

Ганиев Ж. В. К женскому счастью! (риторический аспект) // Филологические науки. 2017. № 4. С. 33–40.

Девятова Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: дис. ... докт. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2011. 468 с.

Девятова Н. М. О сравнительной семантике наречий с префиксом по- и их культурно значимых смыслах // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 2. С. 64–69.

Ефремов В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина — женщина»: автореф. ... докт. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2010. 40 с.

Казмирчук О. Ю. Творчество раннего Пастернака и поэтика символизма: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М., 2003. 386 с.

Крылова М. Н. Сравнительные конструкции современного русского языка в аспекте гендерной лингвистики // Филология и человек. 2015. № 1. С. 7–15.

Сереброва Г. А. Образ женщины во фразеологизмах русского и английского языков // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 279–286.

References

Ganiev Zh. V. [K zhenskomu schastyu! (ritoricheskiy aspekt)]. *Filologicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 33–40. (In Russ.)

Devyatova N. M. *Diktumno-modusnaya organizatsiya sravnitelnyih konstruktsiy v russkom yazyike*. Diss. dokt. filol. nauk [Dictum-modus organization of comparative constructions in the Russian language: doct. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012, 468 p.

Devyatova N. M. [O sravnitelnoy semantike narechiy s prefiksom po- i ih kulturno znachimyih smyislah]. *Russkii yazyk v shkole*, 2020, vol. 81, no. 2, pp. 64–69. (In Russ.)

Efremov V. A. *Dinamika russkoy yazyikovoy kartinyi mira: verbalizatsiya kontseptualnogo prostranstva "muzhchina — zhenschina"*: avtoreferat… dokt. filol. nauk [Dynamics of the Russian linguistic picture of the world: verbalization of the conceptual space "man — woman": doct. philol. sci. abstr.]. St. Petersburg, 2010, 40 p.

Kazmirchuk O. Yu. *Tvorchestvo rannego Pasternaka i poetika simvolizma*. Diss. kand. filol. nauk [The work of early Pasternak and the poetics of symbolism: PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 2003, 386 p.

Kryilova M. N. [Sravnitelnyie konstruktsii sovremennogo russkogo yazyika v aspekte gendernoy lingvistiki]. *Filologiya i chelovek*, 2015, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.)

Serebrova G. A. [Obraz zhenschinyi vo frazeologizmah russkogo I angliyskogo yazykov]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 1, pp. 279–286. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 19–34

Проблемы современного русского языка

«Слово как действие» в русских заговорах

Екатерина Николаевна Куликовская, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Россия, Санкт-Петербург), kulikovskaya.eka@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170017980-7

АННОТАЦИЯ: В работе анализируются русские заговорно-заклинательные тексты с точки зрения теории перформативного высказывания. Перформатив как высказывание, равное поступку (*Завещаю эти часы своему брату; Нарекаю этот корабль «Королева Елизавета»*), впервые описанное Дж. Остином в работе «Слово как действие», и по сей день вызывает живой исследовательский интерес.

Особое внимание в нашей статье уделяется глаголам в форме первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения. Обосновывается выбор слов для анализа, на примерах показано, каким образом при помощи данных лексических единиц выражается намерение заговаривающего. Решается важный вопрос о перформативном статусе глаголов с семантикой, отличной от семантики речевого действия/воздействия, в составе заговоров. Была выдвинута гипотеза о функционировании в текстах заговоров глаголов-перформативов, наделенных ритуальной семантикой (*завязываю, рублю* и пр.), противопоставленных каноническим — широко распространенным и хорошо изученным перформативам (*прошу, молю* и пр.). Сделаны наблюдения, касающиеся специфики заговорных перформативов по сравнению с перформативными глаголами в обыденной речи. Также были выявлены прагматические особенности, характерные для перформативных глаголов в русских заговорно-заклинательных текстах.

Анализ глагольных лексем дает возможность отыскать лексическое, глагольное ядро заговорной перформативности, не ограничиваясь

глаголами со значением речевого действия и в то же время оставаясь в рамках лингвистического анализа. В конце приводится разработанная автором семантическая классификация русских заговорных перформативных глаголов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские заговоры, перформативный глагол, речевые акты, коммуникативное намерение, лексико-семантическая группа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куликовская Е. Н. «Слово как действие» в русских заговорах // Русская речь. 2022. № 1. С. 19–34. DOI: 10.31857/S013161170017980-7.

Issues of Modern Russian Language

"How to Do Things with Words" in Russian Charms

Ekaterina N. Kulikovskaya, Pushkin Leningrad State University (Russia, St. Petersburg),
kulikovskaya.eka@yandex.ru

ABSTRACT: In this paper, I analyze texts of Russian charms from the Theory of Speech Acts point of view. The performative, as an utterance equivalent to an action (for example, *I name this ship "The Queen Elizabeth", I give and bequeath my watch to my brother*) firstly described in "How to Do Things with Words" by J. Austin, is still being studied by linguists.

The article pays particular attention to the verbs in the form of present tense, first person singular, active voice, indicative mood. The paper explains the choice of words for analysis, illustrating it with examples of how the intentions is shown in phrases like that. The paper proposes a new view on the special performative status of the charm verbs with non-speech semantics (*cut, tie*) as opposed to the canonical well-studied ones (*ask, command*). We put forward a hypothesis about the special ritual verbs, which possess ritual semantics unlike canonical performatives. I made observations concerning the specifics of charm performatives in comparison with the same performatives in ordinary speech. The article reveals some pragmatic features, characteristic of performative verbs in Russian incantatory

texts. The analysis of verbs makes it possible to find the lexical, verbal core of charm performativity, not being limited to verbs with the semantics of speech action and at the same time remaining within the framework of linguistic analysis. Finally, the classification of Russian charm performative verbs was built. At the end of the article the author provides a semantic classification of Russian conspiratorial performative verbs.

FOR CITATION: Kulikovskaya E. N. "How to Do Things with Words" in Russian Charms. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 19–34. DOI: 10.31857/S013161170017980-7.

В русистике и исследованиях русского фольклора существует богатая традиция изучения заговора. Заговоры как таинственное средство воздействия на природу, других людей, сверхъестественных существ, передаваемые и устно, и письменно, хранятся и применяются нашим народом по сей день. Поэтические свойства заговоров отражают веру в магические возможности слова, поиски истоков которой неоднократно предпринимались лингвистами, литературоведами, фольклористами и антропологами. Разные теории по-разному объясняют причины этой веры: рассматривается мифопоэтическое представление о языке и осуществление языком своей магической функции [Якобсон 1975]; заговаривание анализируется как социальная практика, основанная на соблюдении конвенций, а заговор — как особый регистр устной речи [Адоньева 2020: 12], а также как практика убеждения и внушения [Черепанова 1995]. Вне зависимости от подхода заговор признается особым типом текста или жанром, важнейшей чертой которого является убеждение в том, что посредством произнесения (а также хранения или написания) определенных слов могут быть осуществлены изменения в физической или психологической действительности.

Для лингвиста основа исследования заговоров может быть найдена в теории перформативности языка [Остин 1986; Searle 1975; Vendler 1976; Арутюнова 1976; Rossolova 2011; Четыркина 2002 и др.]. Под перформативами понимаются высказывания, эквивалентные поступкам (*Клянусь*; *Отрекаюсь; Я требую* и др.). Произнести *Я нарекаю корабль «Королева Елизавета»* означает совершить соответствующее действие — наречение корабля (ср. с высказываниями *Я бегу, Я открываю дверь* и пр., сообщающими некую информацию, способными быть ответом на вопрос

Что ты сейчас делаешь?). Заговорно-заклинательный текст как перформатив рассматривали Е. Н. Левкиевская [Левкиевская 2002], Н. И. Коновалова [Коновалова 2004], М. Вильякайнен [Viljakainen 2011], Д. Вукелич [Vukelić 2019], Д. Николич [Nicolić 2019] и др. А. А. Романов, Е. А. Романова, Е. Г. Федосеева [Романов, Романова, Федосеева 2013] изучают заговор как вид ритуальной коммуникации, обладающий свойством перформативности наряду с другими сакральными коммуникативными актами. Н. В. Гультяева, проанализировав лексику русского заговора, показывает, что рассмотрение заговорной глагольной лексики особенно важно для исследования перформативности заговора [Гультяева 2013: 5, 18].

В качестве самого важного свойства перформатива отмечается его самосоотнесенность: перформативное высказывание направлено само на себя, не сообщая о каком-либо действии, а совершая его. Особое внимание языковедов привлекали перформативные глаголы: семантические свойства перформативного глагола как лексической единицы изучали Э. Кошмидер [Кошмидер 1962], Ю. Д. Апресян [Апресян 1986], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974], Д. Войводич [Войводич 1999], М. Ю. Михеев [Михеев 2003], Е. А. Красина [Красина 1999] и др. Наибольший интерес вызывала перформативная форма глагола в 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.: *нарекаю, объявляю, требую* и пр. Несмотря на то что, как было неоднократно показано, перформативы не сводятся к подобным грамматическим формам, семантика категории перформативности определенным образом отражается в грамматическом значении этих форм в большей степени, чем в значении каких-либо других форм. Главным образом, это такие свойства категории перформативности, как: соотнесенность с актуальным настоящим временем; соотнесенность с действием, происходящим здесь и сейчас; принадлежность высказывания говорящему; активное совершение речевого действия самим говорящим. Именно поэтому, а также потому, что, произнося, например, *Я прошу тебя не делать этого*, говорящий эксплицирует направленность речевого акта просьбы, данные формы представляют особый интерес.

Заговор, с одной стороны, представляет собой перформатив как целостный речевой акт, который становится действенным благодаря выражению намерения заговаривающего и соблюдению необходимых конвенций [см. об этом: Куликовская 2019]. С другой стороны, заговор предоставляет богатейший материал перформативных глаголов, причем как «канонических» (глаголов, содержащих семы речевого действия/воздействия) [Куликовская 2019а], так и нетривиальных перформативов в эксплицитной форме, названных нами «полуперформативными глаголами» [Куликовская 2021].

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы проанализировать роль перформативных глаголов в заговоре как целостном речевом акте,

их значение для выражения намерения заговаривающего. Материалом послужили сборники «Великорусские заклинания» Л. Майкова [Майков 1869] и «Календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока» [Болонев, Мельников, Леонова 1997], а также некоторые материалы новейшего сборника заговоров «Магические практики севернорусских деревень» [Адоньева, Степанов 2020] и сборника материалов экспедиций 1998 г. [Аникин 1998].

Вначале обратимся к намерению заговаривающего. Каким образом оно может быть выявлено? Во-первых, даже ранние собиратели и составители заговоров интуитивно классифицировали заговоры по цели — «для чего» / «от чего» этот заговор. Во-вторых (особенно это касается современных изданий), издание может быть снабжено обширными прагматическими комментариями, содержать фрагменты бесед с информантами. Наконец, прагматика заговора может быть установлена ученым непосредственно при общении с информантом в условиях полевой работы.

Намерение может быть не высказано в заговоре напрямую:

> *Идешь на вечеринку, открываешь двери и скажи, чтобы больше почету было: «Лев, зверь, я вас всех съем»* [Аникин 1998].

В этом смысле заговоры могут представлять собой косвенные речевые акты [Серль 1986]. С подобными актами мы часто сталкиваемся в повседневной жизни: так, высказывание *Что-то холодно* может быть понято как просьба закрыть окно. Хотя и существуют формы высказываний, распознаваемые как просьбы, обещания, клятвы и пр., однако в тех же обстоятельствах для той же цели могут использоваться совершенно другие типы высказываний. Выявить направленность высказывания позволяет анализ контекста.

Однако в некоторых случаях в заговорах используются перформативные глаголы, которые обычно закреплены за определенными типами высказываний:

> *Батюшка Истинный Исус Христос, Матушка Пресвятая Богородица,* ***прошу*** *вас: поставьте у рабы (имярек) мозги в головоньке крепко-накрепко, крепче старых, как при рождении, как на роду наречено, во веки веков* [Болонев и др. 1997: 458].

Очевидно, глагол *прошу* называет акт просьбы, но значит ли это, что данный заговор тождествен речевому акту просьбы? Нет: заговор остается актом заговора, целью которого является воздействие на здоровье пациента. Однако в состав заговора включен речевой акт просьбы, выполняющий вспомогательную функцию указания на адресованность. Проанализированный материал показывает (это видно и из приведенного примера), что адресатом заговора практически никогда не является

реальное лицо, на которое заговаривающий намеревается оказать речевое воздействие. Реальные люди выступают лишь как объекты воздействия, осуществляемого без их участия, вне зависимости от их реакции на заговор; действующими субъектами, исполнителями воли заговаривающего, являются религиозные и мифологические персонажи: Бог, Иисус Христос, Богородица, святые, змеиная царица, заря и пр. Задачей эксплицитного перформатива является адресовать, направить заговор тому «получателю», который в традиционной культуре ассоциируется с выполнением желаемого действия, причем адресовать с учетом правил, принятых при обращении к данному персонажу:

(к змеиной царице) *Я тебе* ***приказываю****: — Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер и всех детей!* [Болонев и др. 1997: 298].

Просьба или приказ могут быть выражены без использования глагола в эксплицитной форме. Так же как и другие ритуальные действия могут быть совершены и без него, а при помощи императива или вообще без использования глагола:

Ангел мой, хранитель мой, ***спи*** *со мной на правом плецике, на ретивом сердецюшке* [Адоньева, Степанов 2020, Т. I: 503].

Если выразить коммуникативное намерение этого оберега, то текст примет следующий вид:

Прошу *тебя: ангел мой, хранитель мой,* ***спи*** *со мной на правом плецике, на ретивом сердецюшке.*

Подобные просьбы и приказы, включенные в структуру заговора, представляют собой, с одной стороны, композиционные элементы заговора, с другой стороны (взятые как отдельные речевые акты), они относятся к косвенным речевым актам, так как, несмотря на то что по форме это просьбы, их прагматика совершенно иная.

Итак, привычные нам, «канонические», перформативы могут быть включены в заговор, но они называют не сам заговорно-заклинательный акт, а другие речевые акты, входящие в состав заговора. Однако в заговорах широко распространены и другие перформативные глаголы, самым интересным из которых является глагол *заговариваю* и его варианты (*уговариваю, выговариваю, наговариваю, переговариваю*):

Заговариваю *я, рабъ Божій (имя рекъ), сими словами, и святыхъ угодниковъ на помощь призываю и умоляю ихъ* [Майков 1869: 117].

Данный глагол мы относим к типичным перформативным глаголам: он содержит сему речевого действия, самосоотнесен, употреблен в форме

1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. В заговоре он называет не какой-либо речевой акт, входящий в структуру заговора, а сам заговор как таковой. По сути, *заговариваю* — это наиболее общий перформативный глагол. Можно считать, что он неявным образом входит в глубинную структуру любого заговора.

Лексическое значение слова *заговариваю* (разумеется, имеется в виду только рассматриваемое значение) можно сформулировать в развернутом виде как «осуществляю речевое воздействие с ритуально-магической целью». Произнося *заговариваю*, коммуникант присваивает себе способность совершать магические действия при помощи слова; перформативно употребляя данный глагол с отсылками к ситуации «здесь-сейчас», коммуникант осуществляет магический акт.

Приведем еще примеры для наглядности:

> *Царь Хлѣбъ, не я тебѣ* ***наговариваю, отговариваю*** *отъ всякаго гада, отъ скверной нечистоты, отъ шальной собаки (такой-то шерсти);* ***наговариваю, отговариваю*** *(имя рекъ) изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ, изъ поджилковъ, изъ состава, изъ полусостава, изъ буйной головы, изъ реберной кости, изъ горючей крови, изъ тощаго живота, изъ дробныхъ кишокъ* [Майков 1869: 69].
>
> ***Отговариваю*** *(имя рекъ) отъ колдуна и колдуницы, отъ чернаго и черемнаго, отъ бѣлаго и русаго, отъ дѣвки самокрутки, отъ бабы простоволоски* [Майков 1869: 93].

Мы видим, что глаголы *заговариваю, отговариваю, наговариваю* выражают намерение магически воздействовать на мир при помощи слова. Таким образом, они эксплицируют речевой акт заговора.

Рассуждая о речевых актах в составе заговора, мы не можем не задаться вопросом — а есть ли в заговоре какие-либо неречевые акты? Обряд, действительно, может производиться и без речевого сопровождения и вербально выраженного желания. В этом случае цель достигается при помощи некоторого действия, которое выступает как способ осуществления желаемого: например, положить немного дерна в каждый угол жилища для защиты от вампиров.

Однако подобные обряды могут и сопровождаться текстом, в котором прямо называется совершаемое действие. Что примечательно, глагол, при помощи которого оно эксплицируется, часто употребляется в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.:

> *Раба Божия Анна у раба Божьего Ивана* ***заедаю, загрызаю*** *тридцать-единую грыжу, тридцать-единый сустав, головную, мозговую, глазную, носовую, ротовую, ручную, локотную и подлокотную, и кожную, и ногтевую, и кровяную* [Адоньева, Степанов 2020, т. 1: 78].

В теории перформативного высказывания такие фразы противопоставляются перформативам как констативы. Ср., например:

*Я **завязываю** галстук.*

В большинстве контекстов, которые можно себе представить, такое высказывание будет считаться констативом: высказыванием, которое не осуществляет никакого действия, а лишь сообщает о действии, происходящем в данный момент, и может быть ответом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?». Однако в ритуальном контексте этот же глагол может превратиться в перформатив. Например:

*Как я этот узел **завязываю**, так я все горести-болезни **связываю**.*

Возвращаясь к примеру с загрызанием грыжи, мы, безусловно, должны сказать, что *заедаю* и *загрызаю* не являются констативами, несмотря на то что проговаривание может сопровождаться обрядовым действием («пригрызания» суставов у младенца). Это перформативно употребленные неперформативные глаголы. Произнесение такого глагола, даже сопровождаемое называемым действием, представляет собой такую же часть обряда, как и само действие. Особенно хорошо это заметно в заговорах, подобных следующему:

*Я не порог **топчу**, я его, раба (имярек), **топчу**, я ему (имярек) сердце **топчу**, я ему (имярек) резвость **укрощаю*** [Болонев и др. 1997: 379].

В таких формулах скрытого сравнения устанавливается метафорическая связь между ритуальным действием и тем желаемым действием, которое должно произойти в реальности в результате обряда. В приведенном примере действие («наступить на порог») становится ритуальным при помощи вербальной части обряда, а именно конструкции с цепочкой однородных сказуемых в перформативной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., которые вводят метафору и раскрывают ее содержание. Метафорический перенос осуществляется по двум направлениям. Во-первых, по признаку действия «топтать», в котором акцентируется значение «главенствовать», связанное с базовой универсальной оппозицией «верх-низ». Кроме того, семантически глагол «топтать» связан со всеми предметами, которые могут быть объектом такого действия: в том числе огонь может затаптываться с целью погасить его. В приведенном примере — *сердце топчу* — актуализировано именно такое значение, что подтверждается синонимией глаголов «сердиться» — «яриться» и уточнением *резвость укрощаю*. Во-вторых, по признаку символического значения порога дома как границы между внутренним пространством дома и внешним миром, переступаемой заговаривающей. Наступая на порог, новобрачная стремится обезопасить себя от возможной «резвости» будущего

мужа и хозяев этого дома, его родителей, посредством ритуального и в то же время обыденного действия — «топтания» порога, причем без называния и толкования данного действия оно не может стать символическим.

Совсем необязательно заговор сопровождается называемыми действиями: обряд может это не предусматривать, действие может быть технически неосуществимым либо же архаичным:

> *Так же раб (имярек)* ***беру*** *ту же калену лукову стрелу и* ***состреливаю*** *с раба (имярек) порчу: с его тела, с его крови, с его легкой печени, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов на пни, на колоды, на зыбучие болота* [Болонев и др. 1997: 462].

Глаголы в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. особенно интересны, поскольку, называя акт, они выражают его направленность, показывая, как его следует «интерпретировать». Данная функция особенно важна для заговоров, так как магические речевые действия особенно нуждаются в толковании — в указании на то, *чего именно* хочет достичь говорящий при помощи этих действий. Посредством эксплицитного перформативного глагола устанавливается и достигается связь между ритуальным действием и целью обряда. Можно предположить, что называние действия, которое служит магическим способом достижения цели, делает упомянутую связь отрефлексированной, осознанной и за счет этого наполняет действие смыслом. Называние способа достижения цели обычно содержится в так называемой «акциональной»[1] части заговора, противопоставленной повествовательным элементам, служащим подготовительным целям, а также «закрепке»[2]. В зачине заговорного текста находятся глаголы, обозначающие действие, которое не ведет к достижению цели заговора, а является маркером подготовительного этапа:

> ***Еду*** *я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места по утренним зорям и вечерним закатам,* ***умываюсь*** *медной росой,* ***утираюсь*** *солнцем,* ***облекаюсь*** *облаками,* ***опоясываюсь*** *чистыми звездами и* ***еду*** *я,* ***еду*** [Болонев и др. 1997: 336].

---

[1] Акциональная, или заклинательная, часть заговора — основная часть заговора. В ней называется ритуальное действие, являющееся способом достижения цели заговора, или/и выражается пожелание. При интерпретации заговора как перформатива именно акциональная часть является центральным элементом текста — именно посредством ее произнесения (часто сопровождаемого соответствующим ритуальным действием) заговаривающий осуществляет желаемое. Некоторые заговоры содержат только заклинательную часть (*Как дитя прятанку перерастёт — так с него переполох пропадёт; Сниму крестом, царским перстом, то, что не от Бога, от чёртова порога. Собаке злой выть, а дитю здоровым быть* и пр.).

[2] Закрепка — часть заговора, магически закрепляющая действие всего предыдущего текста (*А все эти слова до слова заключаю замком крепким и ключ в воду*).

Этот пример показывает особую значимость вербальной составляющей обряда: называние воображаемых действий служит задаче перемещения в мифологический топос, в котором магические практики становятся реализуемыми, и психологической подготовке заговаривающего, защите от страха перед возможными последствиями этих практик — перед магическими нападениями, перед неудачей, ощущением вины и греховности.

В свою очередь, в заключительной части заговора широко распространены перформативы с семантикой закрытия:

Заключаю *крепким замком и ключ — в воду* [Болонев и др. 1997: 349].

Данные перформативы также направлены не на достижение основной цели заговаривающего, а на то, чтобы сделать заговор действенным, обеспечить заговору его магические свойства.

Вышеописанные неперформативные глаголы в перформативном употреблении достаточно широко распространены в заговорах. Рассматривая только эксплицитные перформативные формы, мы выделили глаголы, при помощи которых достигается цель заговаривающего, входящие в следующие лексико-семантические группы:

1. Глаголы действия
1.1. Глаголы физического изменения
1.1.1. Очищение (*парю, умываюсь, утираюся*)
1.1.2. Обработка и рытье (*прирываю, зарываю*)
1.1.3. Глаголы повреждения и разрушения
1.1.3.1. Без инструмента
1.1.3.1.1. Создание надлома
1.1.3.2. При помощи инструмента
1.1.3.2.1. Части тела
1.1.3.2.1.1. Ноги (*топчу, вытаптываю*)
1.1.3.2.1.2. Зубы (*грызу*)
1.1.3.2.2. Оружие (*состреливаю, стрелю*)
1.1.3.2.3. Острый предмет
1.1.3.2.3.1. Протыкание (*колю, порю, втыкаю, калываю, прикалываю, закалываю*)
1.1.3.2.3.2. Разделение на части (*рублю, перерубаю, секу*)
1.1.3.2.3.3. Отделение части от целого (*отсекаю, подрезаю*)
1.2. Глаголы изменения качественного состояния
1.2.1. Охлаждение
1.3. Глаголы перемещения, движения
1.3.1. Направленное перемещение (*выгоняю, гоню, высылаю, погоняю, выкуриваю, кидаю, черпаю, запускаю, сдуваю*)
1.3.2. Движение (*встаю*)

1.4. Глаголы помещения
1.4.1. Покрытие
1.4.1.1. Собственно покрытие (*покрываюся*)
1.4.1.2. Открытие (*отпираю, отмыкаю*)
1.4.1.3. Закрытие (*заключаю*)
1.4.1.4. Одевание (*одеваюся, облакаюся, опоясываюсь*)
1.4.2. Собственно помещение
1.4.2.1. В результате физического действия (*сажу*)
1.4.2.2. Определенным образом
1.4.2.2.1. Окружение (*окружаю*)
1.4.2.2.2. Создание преграды (*ограждаю, огораживаюсь*)
1.4.2.2.3. Закрепление за объектом какого-либо места (*утверждаю, кладу, ложусь*)
2. Глаголы речи
2.1. Ритуально-магическая речь (*уговариваю, отговариваю (-сь), приговариваю (-сь, -ся), заговариваю (-сь, -ся), наговариваю, выговариваю, заклинаю*)
2.2. Обращение
2.2.1. Просьба (*прошу, молю/молюсь, умоляю, жалуюсь, прибегаю*)
2.2.2. Приказ (*приказываю*)
2.2.3. Призыв (*призываю, вызываю, выкликаю, поминаю*)
3. Глаголы социального взаимодействия
3.1. Специализированные ритуальные акты (*отпускаю, крещусь, крестюся*)
3.2. Эксклюзия (*отрекаюсь, отлучаю*)
3.3. Инклюзия
3.3.1. Влияние, подчинение (*укрощаю, предаюсь, корюсь (-ся), отдаю (себя))*
3.3.2. Внешнее проявление отношения *(кланяюсь, покланяюсь (-ся))*
3.4. Обеспечение (*вооружаюся, заряжаю*)
4. Глаголы познания (*справляюся*)

Безусловно, не только эти глаголы заслуживают внимания: неэксплицитные формы в заговорах также демонстрируют интересные закономерности, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей работы. Также представляют интерес неглагольные перформативные единицы.

Таким образом, с точки зрения экспликации намерения в заговорах мы обнаруживаем три основных типа перформативных глаголов:

1. Глаголы, в которых выражается основное пожелание заговаривающего (магическим путем, при помощи речи, воздействовать на природу);
2. Глаголы, выражающие отдельные речевые акты, входящие в состав заговора (просьба, мольба, приказ, отлучение, отречение, призыв);

3. Глаголы, выражающие неречевые акты, которые становятся речевыми лишь в обрядовом контексте и выражают способ достижения цели заговаривающего, обладающие самой разнообразной семантикой (преимущественно действия с объектом).

В заключение отметим, что исследование глагольных единиц в составе заговора является очень продуктивным не только потому, что сами эти единицы являются интересным лексическим материалом, но и потому, что лингвистическое изучение заговорных глаголов вносит определенный вклад в осмысление заговора как речевого акта и жанра. Более того, классификация заговорных глаголов позволяет по-новому подойти к систематизации ритуально-магических практик русского народа и за счет этого углубить наше понимание родной культуры и ментальности.

Источники

Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869. 164 с.

Литература

Адоньева С. Б. Конвенции ритуально-магических актов // Заговорный текст. Генезис и структура / Под ред. Л. Г. Невской, Т. Н. Свешниковой, В. Н. Топорова. М.: Индрик, 2005. С. 385–401.

Адоньева С. Б. Заговоры, обереги и лечебные ритуалы севернорусских деревень // Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы / Под ред. С. Б. Адоньевой, А. В. Степанова. Т. 1. СПб.: Пропповский центр, 2020. С. 11–55.

Адоньева С., Степанов А. Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы. СПб.: Пропповский центр, 2020. Т. 1, 704 с.; Т. 2, 568 с.

Аникин В. П. (ред.). Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. М.: Изд-во МГУ, 1998. 479 с.

Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер.: Литературы и языка. 1986. № 3 (45). С. 208–223.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Болонев Ф. Ф., Мельников М. Н., Леонова Н. В. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. 605 с.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство. Пер. с англ. А. А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева. М.: Прогресс, 1985. С. 238–251.

Войводич Д. О валентности перформативных глаголов в славянских языках // Зборник Матице српске за славистику. 1999. № 56–57. С. 71–94.

Гультяева Н. В. Язык русского заговора: лексика: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Урал. гос. ун-т, Екатеринбург, 2000. 19 с.

Коновалова Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 7 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lechebnye-zagovory-kak-suggestivnyy-tekst (дата обращения: 13.06.2021).

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида / Отв. ред. Ю. С. Маслов. М.: Иностр. лит., 1962. С. 105–166.

Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: Дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. 310 с.

Куликовская Е. Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов // МИРС. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov (дата обращения: 13.07.2021).

Куликовская Е. Н. Перформативность глаголов речевого действия в русских заговорах // Филология и культура. 2019а. № 3 (57) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/performativnost-glagolov-rechevogo-deystviya-v-russkih-zagovorah (дата обращения: 16.07.2021).

Куликовская Е. Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения // Rhema. Рема. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poluperformativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kriterii-i-obosnovanie-vydeleniya (дата обращения: 16.07.2021).

Михеев М. Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание, или Чем можно испортить перформатив? // Логический анализ языка / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 2003. С. 251–260.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. 423 с. [Электронный ресурс]. URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm (дата обращения: 01. 02. 2019).

Романов А. А., Романова Л. А., Федосеева Е. Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. М.: Тверская ГСХА, 2013. 241 с.

Россолова О. А. Перформатив как показатель адресованности высказывания // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 1 (17) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-ofutterance-addressness (дата обращения: 19.05.2020).

Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 195–223.

Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики. Пермь: Пермский университет, 1995. 213 с.

Четыркина И. В. Перформативность как универсальная черта текстов прагматической направленности (на материале древнегерманских заговоров и современных рекламных

текстов) // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. научных тр. Т. 1. Краснодар: КубГУ, 2002. С. 226–232.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс, 1975 [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm (дата обращения: 16.07.2021).

Nicolić D. Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers // Charms and charming. Studies on magic in everyday life. É. Pócs (ed). Ljubljana, Studia Mythologica Supplementa Publ., 2019, pp. 69–86.

Viljakainen M. How Miina Huovinen's incantations are structured // Oral charms in structural and comparative light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR) Committee on Charms, Charmers and Charming. 27–29 October 2011, Moscow. T. A. Mikhailova, J. Roper, A. L. Toporkov, D. S. Nikolaev (eds.). Moscow, Probel-2000 Publ., 2011, pp. 201–207.

Vukelić D. Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition // Charms and charming. Studies on magic in everyday life. É. Pócs (ed.). Ljubljana, Studia Mythologica Supplementa Publ., 2019, pp. 69–86.

References

Adon'eva S. [Conventions of ritual magic acts]. *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura* [A charm text: genesis and structure]. L. G. Nevskaya, T. N. Sveshnikova, V. N. Toporov (eds.). Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 385–401. (In Russ.)

Adon'eva S. [Charms, amulets and healing rituals of northern Russian villages]. *Magicheskie praktiki severnorusskih dereven': zagovory, oberegi, lechebnye ritualy* [Magical practices of northern Russian villages: charms, amulets, healing rituals]. Vol. 1. St. Petersburg, Propp Centre Publ., 2020, pp. 11–55. (In Russ.)

Adon'eva S., Stepanov A. *Magicheskie praktiki severnorusskikh dereven': zagovory, oberegi, lechebnye ritualy* [Magical practices of northern Russian villages: charms, amulets, healing rituals]. St. Petersburg, Propp Centre Publ., 2020. Vol. 1, 704 p.; Vol. 2, 568 p.

Anikin V. P. (ed.). *Russkie zagovory i zaklinaniya: Materialy fol'klornyh jekspedicij 1953–1993 gg.* [Russian charms and spells: Materials of folklore expeditions 1953–1993 years]. Moscow, MGU Publ, 1998. 479 p.

Apres'an Yu. [Performatives in grammar and vocabulary]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1986, no. 3 (45), pp. 208–223. (In Russ.)

Arut'unova N. *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 383 p.

Austin J. How to do things with words. Oxford, Clarendon Press, 1962. (Russ. ed.: Ostin J. Slovo kak deistvie // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov [The new in foreign linguistics: collection of scientific papers. Iss. 17. Theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–131. (In Russ.)

Benveniste E. Problиmes de linguistique gйnйrale. Paris, Gallimard, coll. "Bibliothиque des sciences humaines", 1969. (Russ. ed.: Benvenist E. Obshhaya lingvistika [General linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 448 p.

Bolonev F. F., Mel'nikov M. N., Leonova N. V. *Russkii kalendarno-obr'adovyi fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: pesni, zagovory* [Russian calendar-ritual folklore of Siberia and the Far East: songs, charms]. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian enterprise of the RAS, 1997. 605 p.

Chetyrkina I. [Performativity as a universal feature of pragmatic texts (on the basis of ancient germanic charms and modern marketing texts)]. *Sfera yazyka i pragmatika rechevogo obshheniya* [Sphere of language and pragmatics of speech communication]. Vol. 1. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2002, pp. 226–232. (In Russ.)

Gultyaeva N. *Yazyk russkogo zagovora: leksika*. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Language of Russian charms: vocabulary. Cand. philol. sci. abstr.]. Ekaterinburg, 2000. 19 p.

Jakobson R. *Linguistics and poetics. Poetry of grammar and grammar of poetry*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2010 (Russ. ed.: Jakobson R. *Lingvistika i pojetika. Strukturalizm: "za" I "protiv"* [Structuralism: pros and cons]. Moscow, Progress Publ., 1975. Available at: http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm (accessed 16.07.2021).

Konovalova N. [Healing charms as suggestive text]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2004, no. 7. (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/lechebnye-zagovory-kak-suggestivnyy-tekst (accessed 13.06.2021).

Krasina E. *Semantika i pragmatika russkikh performativnykh vyskazyvanii*. Diss. dokt. filol. nauk [Semantics and pragmatics of Russian performative utterances. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 1999. 310 p.

Kulikovskaya E. N. [Performative verbs in Russian spells as an object of the theory of speech acts]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 2. (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov (accessed 13.07.2021).

Kulikovskaya E. N. [Speech act verb performativity in Russian spells]. *Filologija i kul'tura*, 2019a, no. 3 (57), pp. 65–73. (In Russ.)

Kulikovskaya E. N. [Semi-performative verbs in Russian charms: criteria and definitions]. *Rema. Rhema*, 2021, no. 1, pp. 30–55. (In Russ.)

Mikheev M. [Performative and metatext utterance]. *Logicheskii analiz yazyka* [Logical analysis of language]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 251–260. (In Russ.)

Nicolić D. Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers. *Charms and charming. Studies on magic in everyday life*. É. Pócs (ed). Ljubljana, Studia Mythologica Supplementa Publ., 2019, pp. 69–86. (In Eng.)

Romanov A., Romanova L., Fedoseeva E. *Performativnye ritualnye akty sakralnoi kommunikatsii* [Performative ritual acts of sacred communication]. Moscow, Tver State Agricultural Acad. Publ., 2013. 241 p.

Rossolova O. [Performative as an indicator of utterance addressness]. Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The Humanities", 2011, no. 1 (17). (In Russ.) Available at: https:// cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness (accessed 19.05.2020).

Searle J. [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov* [The new in foreign linguistics: collection of scientific papers. Iss. 17. Theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 195–223. (In Russ.)

Vendler Z. [Illocutionary suicide]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [The new in foreign linguistics: collection of scientific papers. Iss. 16. Linguistic pragmatics.]. Moscow, Progress Publ., 1986.

Viljakainen M. How Miina Huovinen's incantations are structured. *Oral charms in structural and comparative light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR) Committee on charms, charmers and charming. 27–29 October 2011, Moscow*. T. A. Mikhailova, J. Roper, A. L. Toporkov, D. S. Nikolaev (eds.). Moscow, Probel-2000 Publ., 2011, pp. 201–207. (In Eng.)

Voivodich D. [On the valency of performative verbs in Slavic languages]. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*, 1999, no. 56–57, pp. 71–94. (In Russ.)

Vukelić D. Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition. *Charms and charming. Studies on magic in everyday life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, Studia Mythologica Supplementa Publ., 2019, pp. 69–86. (In Eng.)

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 35–49

Проблемы современного русского языка

Грамматическое описание религиозной лексики в современном толковом словаре[1]

Алексей Эдуардович Цумарев[1], Лариса Леонидовна Шестакова[2],
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), zumarew@yandex.ru[1], lara.shestakova@mail.ru[2]

DOI: 10.31857/S013161170018743-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена малоизученной теме — грамматическим особенностям религиозной лексики (относящейся к различным конфессиям) и их адекватному отражению в общем толковом словаре. В исследовании используются материалы нового «Академического толкового словаря русского языка», работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Грамматическая информация в толковом словаре содержится в двух зонах словарной статьи — в зоне грамматических форм и в зоне грамматических (морфологических или синтаксических) характеристик; важную роль в демонстрации грамматических свойств религиозной лексики играют словарные иллюстрации. В статье рассматриваются примеры неточного, неполного лексикографического представления как грамматических форм, так и грамматических характеристик слов с религиозным значением. Показывается, что грамматическое описание конфессиональной лексики не может быть должным образом осуществлено без внимательного изучения живого речевого узуса и пересмотра некоторых традицион-

[1] В основу статьи положен доклад, прочитанный на Международной научной конференции «Язык и религия» (15–17 сентября 2021 г., Екатеринбург, УрФУ).

ных лексикографических решений. Приводимые примеры выявляют связь грамматики с акцентологией (см. вопрос об акцентной схеме вариантов *просфора́/просвира́*), орфографией (см. колебания в написании форм дательного и предложного падежей лексемы *утреня*), лексической семантикой (см. выделение не учтенного общими толковыми словарями омонима *пассия*[2] 'служба Великого поста', характеризующегося признаком «неодушевленность»). Отмечается, что особое внимание должно быть уделено словам, вошедшим в активное употребление в последние десятилетия (см., например, различный грамматический статус языковой единицы *халяль* — как лексемы, с разной частеречной принадлежностью, и морфемы).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный русский литературный язык, религиозная лексика, толковый словарь, лексикография, грамматика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л. Грамматическое описание религиозной лексики в современном толковом словаре // Русская речь. 2022. № 1. С. 35–49. DOI: 10.31857/S013161170018743-6.

Issues of Modern Russian Language

Grammatical Description of Religious Vocabulary in a Modern Explanatory Dictionary

Alexei E. Tsumarev[1], Larisa L. Shestakova[2], Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, zumarew@yandex.ru[1], lara.shestakova@mail.ru[2]

ABSTRACT: The article is devoted to an understudied topic — the grammatical features of religious vocabulary referring to various confessions and their adequate reflection in general explanatory dictionaries. The study uses materials from the new "Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language", which is being developed at the Vinogradov Russian Language

Institute of the Russian Academy of Sciences. Grammatical information in the explanatory dictionary is located in two zones of the dictionary entry — in the zone of grammatical forms and in the zone of grammatical (morphological or syntactic) characteristics. Dictionary illustrations also play an important role in demonstrating the grammatical properties of religious vocabulary. The article deals with examples of inaccurate, incomplete lexicographic representation of both grammatical forms and grammatical characteristics of words with religious meaning. The paper shows that the grammatical description of confessional vocabulary cannot be properly implemented without a careful study of living speech usage and revision of some traditional lexicographic solutions. The examples given reveal the connection between grammar and accentology (see the accent scheme of *prosphorá* 'the communion bread' / *prosvirá* variants below), spelling (the fluctuations in the spelling of the dative and prepositional cases of the lexeme *utrenya* 'the matins'), lexical semantics (the homonym *passiya*[2] 'the service of Great Lent', characterized as "inanimate"). It is noted that special attention should be paid to words that have come into active use in recent decades (see, for example, different grammatical status of *halal'* 'permitted food in Islam' — as a lexeme, belonging to different parts of speech, or as a morpheme).

KEYWORDS: modern Russian standard language, religious vocabulary, explanatory dictionary, lexicography, grammar

FOR CITATION: Tsumarev A. E., Shestakova L. L. Grammatical Description of Religious Vocabulary in a Modern Explanatory Dictionary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 35–49. DOI: 10.31857/S013161170018743-6.

В последние десятилетия в отечественной лингвистике неуклонно растет число работ, посвященных изучению (в самых разных аспектах) религиозного дискурса и религиозной лексики. В некоторых публикациях авторы сосредоточивают внимание на проблемах лексикографического представления этой лексики, в том числе — на страницах толкового словаря (см., например, [Михайлова 2004], [Литвинцева 2018], [Крылова 2020], [Скляревская 2021]). Вопросы грамматического описания религиозной лексики в современном толковом словаре пока не стали предметом специального анализа в научной литературе, хотя и указывалось, что «некоторые лексические единицы, широко употребительные в церковно-бытовой речи, равно как и особенности их семантики и грамматических

свойств, не получают должной лексикографической фиксации (или же получают неполную или неточную интерпретацию)» [Шмелев 2007: 615]. Опыт словарной работы подтверждает мысль о том, что словозначения религиозной сферы могут иметь грамматические особенности, которые необходимо отразить в словаре толкового типа.

Очевидно, что объем и характер грамматической информации о слове религиозного содержания должен соответствовать общим принципам грамматического сопровождения описываемых единиц, принятым в словаре, в данном случае — в «Академическом толковом словаре русского языка» (АToCe), первые два тома которого вышли в 2016 г. [Крысин (ред.) 2016]. С грамматикой в АToCe соотносятся две зоны словарной статьи — **грамматических форм** и **грамматических характеристик**, и обе они отражают специфику религиозной лексемы.

В соответствии с традицией зона грамматических форм следует непосредственно после заголовочного слова (или орфоэпической пометы, которая при необходимости к нему примыкает); после форм приводятся грамматические характеристики (они могут распространяться как на слово в целом, так и на отдельное значение):

> **ДАР,** -а, *мн.* дары́, *м.* … **3.** (*с прописной буквы*) *мн. ч.* (Дары́, -о́в) (часто в сочетании со словом «святые»). *Религ.* Хлеб и вино, которые, согласно христианскому учению, во время литургии преобразуются в Тело и Кровь Иисуса Христа и служат для причащения верующих; Святые Тайны, причастие[2] (во 2 знач.);
>
> **ДЕ́РВИШ** [*дэ́*], -а, *м.*, *одуш.* Мусульманский нищенствующий аскет; факир (в 1 знач.);
>
> **КАНОНИЗИ́РОВАТЬ,** -рую, -руешь; *сов.* и *несов.*, *перех.* … **2.** Причислить (причислять) к лику святых.

Для носителя русского языка может представлять трудность образование разных **грамматических форм** слова с религиозной семантикой, в том числе при наличии у него варианта. Весьма вероятно, что при образовании той или иной формы носитель языка допустит ошибку, даже не осознавая этого.

Сложно выглядит, например, парадигма форм множественного числа существительного *просфора́* и его варианта *просвира́*[2] (‘богослужебный

[2] В «Словаре Академии Российской» (СПб., ч. IV, 1793), а также в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (т. 11, 1961) приводился вариант *просфира́*, в «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук» (СПб., т. III, 1847) отмечена лексема *проскура́*; «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (М., т. III, 1987) дополняет вариативный ряд формами *просвора́*, *просквира́* (все они, подчеркнем, с конечным ударением).

хлеб для таинства Евхаристии’). Затруднения в использовании данной лексемы связаны с распределением в ее формах ударения, которое, как известно, «участвует в образовании слов и форм слов» [Русская грамматика 1990: 36].

В соответствии со словарем [Зализняк 2016] (с которым согласны орфоэпические словари [Касаткин (ред.) 2016], [Еськова (ред.) 2014], [Штудинер 2004]) лексема *просфора́* характеризуется редкой для существительных женского рода с флексией *-а* схемой ударения 1f: во всех падежных формах ударение падает на окончание, кроме И. п. = В. п. мн. ч. (*про́сфоры* — на 1-м слоге основы) и Р. п. мн. ч. (*просфо́р* — на 2-м слоге основы), как у слова *слобода́* (*сло́боды*, *слобо́д*). Ничем не отличается акцентная схема варианта *просвира́*.

Какую информацию о грамматических формах этого слова приводят общие толковые словари?

В случае с вариантом *просфора́* большинство из них описывает падежные формы в согласии с [Зализняк 2016] (заметим, что ударение в И. п. ед. ч. соответствует древнегреческому προσφορά), однако в [Кузнецов (ред.) 2008] заголовок словарной статьи, кроме стилистически нейтрального варианта, содержит вариант с неподвижным (на 2-м слоге) неконечным ударением во всех формах: ... (*разг.*) **ПРОСФО́РА,** -ы, *мн.* просфо́ры, -фо́р, -ам[3].

В случае с вариантом *просвира́* толковые словари приводят следующие варианты (как стилистически равноправные): **ПРОСВИРА́,** -ы́, *мн.* про́свиры, про́свир *и* просви́р, про́свирам *и* просвира́м (см. [Ушаков (ред.) 1939], [Евгеньева (ред.) 1999], [Шведова (ред.) 2007]).

Толковые словари не проводят стилистического различия и между самими вариантами *просфора́* и *просвира́* (последний имеет у М. Фасмера помету *народн.* — народный). Наши наблюдения, учитывающие данные НКРЯ, свидетельствуют, что вариант *просвира́* является сниженным (показательно, что в научно-терминологическом или официальном (см. http://www.patriarchia.ru) дискурсе используется только *просфора́*) и устаревшим. Таким образом, полагаем, что при грамматическом описании пары *просфора́*/*просвира́* нужно рекомендовать следовать словарю [Зализняк 2016], маркируя вариант *просвира́* пометой *разг. устар.*

Интересным представляется случай с формой Р. п. мн. ч. слова *па́сха* в значении ‘сладкое творожное кушанье в форме четырехгранной пирамиды,

[3] Так же поступают авторы «Словаря православной лексики в русской литературе XIX–XX вв. 5–11 классы» Н. В. Баско, И. В. Андреева (с. 191, М., 2012). Особняком стоит словарь «Основы православной культуры» Т. Н. Кабинетской (М., 2011), где в функции заголовка выступает (в качестве единственной) форма И. п. ед. ч. *про́сфора*.

приготовляемое к христианскому празднику Пасхи' [Шведова (ред.) 2007]. В лингвистических словарях в зоне грамматических форм приводится информация о Р. п. ед. ч. (флексия *-и*): **ПА́СХА,** -и, *ж.*, — из чего следует, что во множественном числе нормой является форма *пасх* и эта норма безвариантная. Однако наблюдения над узусом показывают широкое распространение в речи варианта *па́сох*. Появление в заимствованном слове «незаконного» беглого гласного связано, возможно, с влиянием областного, отмеченного в «Словаре русских народных говоров» слова *па́ска* (род. мн. *па́сок*), ср.: *Курьезны были ряды пасок «для свячения», расставленные по сторонам тротуара по Невскому* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову).

Присмотримся к тому, в каких текстах встречается форма *пасох*:

(1) роман И. Шмелева «Лето Господне» (1933–1948): *Протирают* [*творог*] *все, в пять решет;* ***пасох*** *нам надо много*;
(2) «Закон Божий» прот. С. Слободского (1957), считающийся классическим пособием по основам православной веры: *После пасхальной литургии <…> совершается освящение куличей,* ***пасох****, яиц и мяса, для пасхальной трапезы верующих*;
(3) доклад патриарха Алексия II, прочитанный на ежегодном епархиальном собрании г. Москвы: *В нескольких храмах освящение куличей и* ***пасох*** *совершалось даже не в церковной ограде, а за ее калиткой* (Журнал Московской патриархии. 2004. № 2);
(4) «Беседы на Великий пост» математика и богослова прот. А. Геронимуса: *Первый* [*пасхальный*] *тропарь — тот, который поется, в частности, между литургией Великой Субботы и началом праздника Святой Пасхи, когда совершается освящение куличей и* ***пасох*** (издательство Московской патриархии, 2011);
(5) мемуарные очерки выдающегося переводчика Н. Трауберг «Сама жизнь» (2008): *Их семье сразу отошли все досочки для* ***пасох*** *и тому подобное. Я не умею «это» делать, мама — не стала бы. Отошли и рецепты — куличей,* ***пасох****, мазурок, каких-то особенных пасхальных блюд*;
(6) публикация известной православной журналистки М. Городовой, ведущей религиозную рубрику в «Российской газете»: *Приготовление творожных* ***пасох****, куличей и крашение яиц происходит или накануне, в Чистый четверг, или в пятницу поздно вечером* (Российская газета. 30.04.2021).

Подобные примеры, число которых несложно увеличить, заставляют задуматься над возможностью отражения в толковом словаре для значения 'кушанье' двух форм Р. п. мн. ч.: нейтральной *пасх* (см., например,

опубликованный на сайте Московской патриархии 14.04.2020 г. документ «О благословении куличей и пасх в домашних условиях») и сниженной *пасох* (для последней, если принимать во внимание высокий уровень языковой компетенции многих носителей языка, которые ее употребляют, по-видимому, достаточно стилистического маркера *разг.*).

Здесь хотелось бы указать на следующий лексикографический прецедент: в книге польского слависта Р. Левицкого «Христианство. Русско-польский словарь» [Lewicki 2002] при словозначении ‘кушанье’ содержится грамматическая помета «родит. мн. *пасох*» (правда, эта форма дана как единственная).

Включаемая в словарную статью информация о грамматических формах слова может располагаться не только в специально посвященной им зоне, но и в зоне иллюстраций. Так, в статье «Заутреня», помимо традиционного указания «*род. мн.* -ень», полезно было бы использовать, скажем, следующий цитатный пример, подчеркивающий разницу в образовании формы Р. п. мн. ч. у гипонимов *заутреня* и *обедня*: — *Он был набожен, не пропускал ни* ***обеден****, ни* ***заутрень*** (А. Кошелев. Записки Александра Ивановича Кошелева).

Риск ошибки — написания конечного *-и* вместо *-е* — таится в формах Д. и П. п. ед. ч. лексемы *утреня*: *В 6 1/2 поехали к* ***утрени*** *и акафисту.* Николай II. Дневники; *Большинство студентов уже разъехалось, на* ***утрени*** *сегодня — горсточка* (Протопресв. А. Шмеман. Дневники); *Я* <…> *постоянно читаю на* ***утрени*** *шестопсалмие* (Свящ. Г. Чистяков. В поисках вечного града); *Святой Дух — источник всякой премудрости* <…> *(как учит нас антифон 2-го гласа на* ***утрени****), ниспослал тебе Свои щедрые и обильные дары* (http://www.patriarchia.ru/db/text/5852780.html).

Удивительно, что отклонение от орфографической нормы можно обнаружить, даже когда слово *утреня* употребляется в одном контексте со словом *вечерня*: *Так что, когда будете думать о* ***вечерне****, с которой начнутся наши беседы, или об* ***утрени****, поставьте их в контекст такого представления об иконе* [имеется в виду мысль, что «*икона не ставит целью передать портретное сходство, а духовный опыт*». — *А. Ц., Л. Ш.*] (Митр. Сурожский Антоний. Вечерня и утреня. Пер. с англ. Т. Л. и Е. Л. Майданович). Можно назвать две причины этому явлению: во-первых, конечно же, редукция конечного гласного в формах Д. и П. п. ед. ч. (во втором заударном слоге в них произносится [*и*] с призвуком [*э*]), во-вторых, вероятно, влияние грамматики церковнославянского языка на речь людей, которым он близок (в нем нормой в данных словоформах является флексия *-и*). В свете сказанного становится понятно, что в словарной статье «Утреня» желательно привести примеры, иллюстрирующие нормативное употребление этих форм.

Широк спектр специфических **грамматических характеристик** религиозной лексики, требующих фиксации в словаре толкового типа. Эти характеристики касаются признака одушевленности/неодушевленности существительных, ограничений их употребления по числу, наличия кратких форм у прилагательных, именного и глагольного управления и т. д.

Используемая в АToCe помета *одуш*. сопровождает немалое количество слов, принадлежащих религиозной сфере (*аббат, архангел, архиепископ* и т. д.), однако особенно важна она в тех случаях, когда значения религиозной лексемы различаются по признаку одушевленности и имеют разные формы В. п.; см., к примеру, статью слова *апостол*, в которой пометой *одуш*. снабжаются 1-е и 2-е значения (‘каждый из двенадцати учеников Христа’ и ‘ревностный последователь и распространитель какой-л. идеи’) в отличие от 3-го (‘церковная книга’), или статью слова *молитвенник*, в которой одно из значений (‘тот, кто усердно молится Богу’) обладает признаком одушевленности, а другое (‘сборник молитв’) — нет.

Помета *одуш*. может различать и омонимы. Так, в толковом словаре (особенно — большого объема) полезно отразить следующие два омонима (первый из них требует пометы *одуш*.): **ПА́ССИЯ[1],** -и, *ж., одуш. Разг*. Предмет любви, страсти; возлюбленная. — *Всех твоих пассий знаю как облупленных!* Е. Колина. Дневник измены; **ПА́ССИЯ[2],** -и, *ж. Религ*. Вечерняя служба Великого поста, совершаемая по воскресеньям и посвященная воспоминаниям о страстях Христовых. *Впервые указания на то, как следует служить пассии, появляются в Цветной Триоди, напечатанной в 1702 году в Киево-Печерской лавре.* Свящ. Г. Чистяков. Размышления с Евангелием в руках (толкование слова *пассия*[2] приводится по [Скляревская 2016]).

Приведем примеры:

(1) *В этот день и утром на литургии, и вечером на* ***пассии*** [*о. Александр*] *говорил потрясающие вдохновенные проповеди* (З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня);
(2) — *А наша великопостная служба «****пассия****» — откуда пришла? Не знаете? Из католической церкви* (О. Николаева. Мене, текел, фарес);
(3) — *В Великий пост в четыре воскресенья вечером бывают так называемые* ***пассии*** *— богослужение Страстей Господа нашего Иисуса Христа* (Комсомольская правда — Новосибирск. 25.02.2010);
(4) — *По возможности хорошо Великим постом посетить* ***пассию*** *— службу Страстям Христовым* (Липецкая газета. 01.04.2020).

Новая лексика, включаемая в общие толковые словари, разумеется, должна снабжаться всеми необходимыми грамматическими характеристиками. Так, например, пометой *одуш*. следует маркировать еще не учтенное толковыми словарями (в том числе большого объема) слово

свечни́ца в значении ‘женщина, работающая в свечном ящике’ [Скляревская 2016][4], ср.:

(1) *В церкви было пусто, черная* ***свечница*** *шевелилась за стойкой у входа* (Е. Чижова. Лавра);
(2) *Работаю при храме, батюшка меня пристроил* ***свечницей*** (Ъ-Огонек. 15.11.2018);
(3) *К нам вышла женщина, которая представилась просто: Елизавета,* ***свечница*** *храма* (Псковская правда. 28.05.2019).

Касаясь проблемы словарной фиксации форм числа, можно вновь обратиться к слову *Пасха*. В словарях [Ушаков (ред.) 1935–1940], [Чернышев (ред.) 1948–1965] и [Герд, Горбачевич (ред.) 2004–] первые два значения этого слова (‘праздник в иудаизме’ и ‘христианский праздник’) снабжены ограничительной пометой *только ед*. и лишь третье значение (‘кушанье’) дается без этого ограничения.

Образование множественного числа для названий праздников, действительно, в большинстве случаев нехарактерно. Так, в контексте *Ветхий Завет, это — время прообразов и предварений, время* ***богоявлений****, множественных и многообразных* (Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия) мы имеем дело со словом *богоявление* уже не в значении ‘другое название праздника Крещения Господня’ (в этом значении слово пишется с прописной буквы), а в узкоспециальном, философском значении ‘явление божества, Бога в различных религиях; теофания’, которое остается за пределами общего толкового словаря[5].

---

[4] Попутно заметим, что большинство словарных статей, посвященных наименованию лиц женского пола по роду занятий, в толковых словарях содержит отсылку к соответствующей статье, относящейся к наименованию лица мужского пола (*Женск. к* ...). В силу традиции за свечным ящиком в православном храме работают, как правило, женщины, поэтому слово *свечница* должно получить собственное, развернутое толкование (именно такой путь избран, например, в [Евгеньева (ред.) 1999] для пары *дояр — доярка*). После толкования симметричного словозначения в статье многозначного слова *свечник* может быть приведен следующий пример: *Первый человек, которого мы встречаем, переступив порог храма, — это* ***свечник****, он же работник свечного ящика* (журнал «Фома», 29.08.2016).

[5] Наблюдения над современным языком свидетельствуют о необходимости развития лексикографической работы в двух направлениях: 1) усовершенствование описания религиозной лексики в общем толковом словаре, 2) создание специализированного толкового словаря религиозной лексики (различных конфессий) со всей необходимой лингвистической, в том числе грамматической, характеристикой лексем. Важность последнего можно проиллюстрировать, скажем, такими фактами: специфическим в православном дискурсе является использование множественного числа существительного *память* (‘день памяти’) в выражениях типа *индивидуальные* (*соборные*) *памяти святых*; также стилистически маркированной является характерная для христианской литературы модель управления глагола *усыновить* (*кого кому*), созданная с целью описания уникального мистического события — воплощения Христа ради спасения падшего человечества (ср. размышления о молитве «Отче наш...»: *Христос усыновил нас Богу. Себя он назвал нашим Братом и нас сделал сынами Богу* (Архим. Киприан (Керн). Семь слов о молитве Господней).

Но в отношении слова *Пасха* в его эортологических значениях (эортология — историческая наука, предметом которой являются праздники) полезно рассмотреть, в частности, следующие контексты:

(1) *Иудейский Песах в наше время обычно оказывается между католической и православной* ***Пасхами*** (статья П. В. Кузенкова «Пасхалия» в «Большой российской энциклопедии»);
(2) *Иерусалим давно был готов к Пасхе (точнее, к* ***Пасхам*** *— православная и католическая выпали в этом году на один день)* (Комсомольская правда. 09.04.2007);
(3) *Судите сами: Пасху мы празднуем весь год. Семь светлых дней — это само собой, 40 дней до Вознесения — тоже понятно, даже не обсуждается. Но ведь есть еще полсотни воскресений, которые зовутся «малыми* ***Пасхами****»* (И. Тимкин. Как не отнять у самих себя радость. Сайт «Правмир». 23.04.2017);
(4) *Фильм Сергея Ховенко «Красная Пасха» <…> охватывает период между* ***Пасхами*** *1917 и 1918 годов — временной отрезок, который предопределил всю дальнейшую судьбу Русской православной церкви* (Российская газета. 10.04.2017).

Приведенные выдержки убеждают в том, что, в случае коммуникативной потребности обозначить более чем одну праздничную дату, слово *Пасха* вполне легко образует формы множественного числа, без нарушения языковой нормы. Таким образом, эортологические значения слова *Пасха* нужно давать без ограничительной грамматической пометы, приводя примеры на оба числа.

Обращаясь к вопросам описания в толковых словарях имен прилагательных, мы без особого труда можем обнаружить непоследовательность в характеристике многих словозначений по признаку наличия/отсутствия у них кратких форм. Это касается, в частности, прилагательных, которые являются относительными в своем прямом значении (и в смысловых оттенках) и качественными в значении переносном. При прямом значении важно использовать ограничительную помету *только полн. ф.* Приведем (в сокращении) словарную статью «Иконописный», разработанную для АToCa:

ИКОНОПИ́СНЫЙ, -ая, -ое; -сен, -сна, -сно. **1.** *только полн. ф. Прил. к* иконопись. *Иконописное изображение. Иконописный канон. Иконописные сюжеты. Иконописная мастерская.* □ *… По документам известны такие, например, Шуйские иконописные династии, как Зубковы и Болотовы.* И. Грачева. Город мал, да много повидал… ‖ Свойственный иконописи, характерный для иконописи. *Иконописный стиль.* □ *Работа*

«по-сырому», требующая иконописной точности красочного расплыва, Сомовым доведена до совершенства. К. Петров-Водкин. О «Мире искусства».

2. *перен*. Подобный изображениям на иконах; суровый, строгий (о внешности, чертах лица). — *Ты ведь удивительно красивый. --- У тебя княжеский нос, иконописный, как на иконе, с тебя иконы писать, у тебя святое лицо*. В. Личутин. Любостай. *Иконописен образ святого Георгия и у Марины Цветаевой: Сколь грозен и сколь ясен! И плащ его — был — красен, И конь его — был — бел*. В. Муравьев. Старая Москва в легендах и преданиях[6].

Далее обратим внимание на важность более точного, чем обычно принято в толковой лексикографии, описания возможностей управления, в частности глагольного, у слов с религиозной семантикой. Например, у основного значения глагола *исповедоваться* необходимо отметить и проиллюстрировать следующие варианты управления, связанные с обозначением актанта «адресат»:

ИСПОВЕ́ДОВАТЬСЯ, -д у ю с ь , -д у е ш ь с я ; *сов*. и *несов*. **1.** Покаяться (каяться) на исповеди; побывать (быть) на исповеди. *Исповедоваться в грехах. ...* | *кому, у кого* и *перед кем. Даже и люди, энергично борющиеся со своими пороками и страстями, с величайшим трудом подвигаются вперед по пути самосовершенствования и самовоспитания. Исповедуясь перед священником, такой человек ежегодно с горестью констатирует, что в борьбе с основными своими страстями он почти ничего не достиг.* Н. Лосский. Учение о перевоплощении. *Важно помнить, что я исповедуюсь Богу, а не священнику, который является только свидетелем, а если повезет, — помощником*. А. Тимаков. Таинство второй благодати. *Про отца Иоаникия известно было, что у него дар — исповедовать подробно. Исповедуешься у отца Иоаникия — и словно побывал в бане, выходишь пропаренным, чистеньким.* М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние.

Некоторые используемые в религиозном дискурсе конструкции со специфическим управлением могут найти себе место в зоне устойчивых сочетаний (после знака ◊); ср. (нейтральное) *запретить кому-л. служить* и (церковно-официальное) *запретить кого-л. в священнослужении* (или *служении*): *Иерея в Саратове запретили в служении на год, потому*

[6] Дальнейшее авторское развитие грамматического признака «качественность» у прилагательного *иконописный* находим в следующем поэтическом примере: *Красивы мы, Светлей, чем зимы, Иконописнее, чем Спас. В том и беда, Что мы красивы, Когда никто Не видит нас* (Вас. Федоров. Всё вижу...).

что он хотел жениться во второй раз (Фонтанка.Ру. 19.08.2021); *Отец Кирилл же дообщался с католиками до того, что его на полгода запретили в служении* (М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние).

Проблематика грамматического описания религиозной лексики, конечно, не ограничивается вопросами, затронутыми выше. Скажем, при работе с лексемой *халя́ль* целесообразно отразить разный грамматический статус ее употреблений:

а) склоняемое существительное: *Большинство производителей* ***халяля*** *в России не являются последователями ислама* (РИА Новости. 26.11.2007);

б) неизменяемое прилагательное (*халяль = халяльный*): *В его* [*ресторана*] *меню были фирменные бургеры из мраморной говядины, а также из курицы, индейки и мяса* ***халяль*** (Комсомольская правда — Рязань. 05.08.2021).

Кроме того, морфема *халяль* выступает в роли первой составной части сложного слова: — *На сегодня уже все признают существование и важность исламской экономики и* ***халяль****-индустрии* (Аргументы и факты — Казань. 10.06.2021); ср. составное образование ***халяль****-продукты*, зафиксированное в [Лопатин (ред.) 2012].

Кратко сформулируем выводы. Грамматическая квалификация единиц религиозной лексики — важная составная часть лексикографической работы с этими единицами. Как свидетельствуют материалы нашей статьи, традиционное словарное описание нередко оказывается неточным и неполным. Для усовершенствования презентации религиозной лексики в толковом словаре требуется внимательное изучение современного узуса во всем его многообразии, верификация языковых данных с точки зрения литературной нормы; в поле зрения исследователя должны попадать разножанровые религиозно-философские, художественные, публицистические произведения, тексты средств массовой коммуникации. Особое внимание следует уделять актуальным словам и значениям, впервые включаемым в толковый словарь.

Литература

Герд А. С., Горбачевич К. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1– . М.; СПб.: Наука, 2004– .

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 6-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 800 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1008 с.

Крылова И. А. Проблемы описания лексики сферы религии в толковых словарях русского языка // Studia Humanitatis. 2020. № 4. С. 16.

Крысин Л. П. (ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять. Т. 2: Вина — Гяур. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.

Литвинцева К. В. Особенности лексикографического описания религиозной христианской лексики в современном русском языке. Автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 2018. 26 с.

Лопатин В. В. (ред.). Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.

Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка). Автореферат дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.

Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990. 639 с.

Скляревская Г. Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.

Скляревская Г. Н. Лексикография на службе лингвокультурологии: описание религиозной лексики в словаре русского языка XXI века // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 624–631.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948–1965.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Шмелев А. Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 612–621.

Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. 2-е изд., испр. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.

Lewicki R. Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Warszawa, PAX, 2002. 367 p.

Referenses

Chernyshev V. I. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian standard language]. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1948–1965.

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy: svyshe 70 000 slov* [Orthoepic dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms: over 70,000 words]. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p.

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. 4-e izd., ster.* [Dictionary of the Russian language in 4 vols., 4th ed., ster.]. Moscow, Russkii Yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999.

Gerd A. S., Gorbachevich K. S. (eds.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 1–* [Big academic dictionary of the Russian language. Vol. 1–]. Moscow — St. Petersburg, Nauka Publ., 2004– .

Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [Big orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress at the beginning of the 21st century: the norm and its variants]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 1008 p.

Krylova I. A. [Problems of describing the vocabulary of religion sphere in explanatory dictionaries of the Russian language]. Studia Humanitatis, 2020, no. 4, pp. 16. (In Russ.)

Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 1, 2* [Academic explanatory dictionary of the Russian language. T. 1, 2]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, 2016.

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2008. 1536 p.

Lewicki R. Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Warszawa, PAX, 2002. 367 p.

Litvintseva K. V. *Osobennosti leksikograficheskogo opisaniya religioznoi khristianskoi leksiki v sovremennom russkom yazyke* [Features of the lexicographic description of religious Christian vocabulary in modern Russian. Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences]. Avtoreferat dis. … kand. filol. nauk. Moscow, 2018. 26 p.

Lopatin V. V. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* [Russian spelling dictionary: about 200,000 words]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2012. 896 p.

Mikhailova Yu. N. *Religioznaya pravoslavnaya leksika i ee sud'ba (po dannym tolkovykh slovarei russkogo yazyka).* [Religious Orthodox vocabulary and its fate (according to explanatory dictionaries of the Russian language). Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences]. Avtoreferat dis. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2004. 20 p.

Russkaya grammatika (pod red. N. Yu. Shvedovoi i V. V. Lopatina. 2-e izd., ispr.) [Russian grammar (ed. by N. Yu. Shvedova and V. V. Lopatin. 2nd ed., rev.)]. Moscow, Rus. Yaz. Publ., 1990. 639 p.

Shmelev A. D. [Linguistic features of various types of religious discourse]. *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysina (pod red. Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L.)* [Language in motion:

to the 70th anniversary of L. P. Krysina (Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L. eds.)]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2007, pp. 612–621. (In Russ.)

Shtudiner M. A. *Slovar' obraztsovogo russkogo udareniya. 2-e izd., ispr.* [Dictionary of exemplary Russian stress. 2nd ed., rev.]. Moscow, Airis-Press, 2004. 576 p.

Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr "Azbukovnik", 2007. 1175 p.

Sklyarevskaya G. N. *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya. Tolkovo-entsiklopedicheskii slovar'* [Vocabulary of modern Russian Orthodoxy. Explanatory-encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Kontrast Publ., 2016. 688 p.

Sklyarevskaya G. N. [Lexicography in the service of linguoculturology: Description of religious vocabulary in the dictionary of the Russian language of the XXI century]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2021, no. 2 (45), pp. 624–631. (In Russ.)

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. I Nats. Slovarei, 1935–1940.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie. Ok. 110 000 slov. 6-e izd., ster.* [Grammar dictionary of the Russian language: Inflection. About 110,000 words. 6th ed., ster.]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2016. 800 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 50–60

Проблемы современного русского языка

Коронавирусный дискурс как источник активизации военной метафоры

Ольга Николаевна Чарыкова, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), ochar@inbox.ru

Наталия Владимировна Федотова, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Россия, Воронеж), Natali.VL-Fedotova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170017978-4

АННОТАЦИЯ: В последнее время в средствах массовой информации (общероссийских и региональных), на различных интернет-ресурсах, в разговорной речи активно обсуждаются темы, связанные с пандемией COVID-19, что позволяет говорить о появлении нового коронавирусного дискурса. Статья посвящена анализу метафорического использования в данных текстах лексики семантической сферы «война». В результате исследования было установлено, что в коронавирусном дискурсе в метафорическом значении используется военная лексика шести тематических групп: «Наименование военных действий и способов ведения войны», «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения», «Наименование мест ведения боевых действий и несения военной службы», «Наименование видов военного искусства», «Наименование элементов обмундирования и снаряжения военнослужащих» и «Наименование родов войск». Как и в других типах дискурса современного русского языка (в спортивном, в политическом, в театральном и др.), наиболее часто лексика семантической сферы «война» в метафорическом использовании представлена в тематической группе «Наименование военных действий и способов ведения войны». Также в результате проведенного анализа процессов

метафоризации военной лексики в коронавирусном дискурсе было выявлено, что наиболее часто метафорический перенос мотивируется семой «защита», что, вероятно, связано с одним из главных человеческих инстинктов — инстинктом самосохранения, который движет человеком в смертельно опасных ситуациях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военная метафора, коронавирусный дискурс, лексика семантической сферы «война», процесс метафоризации, сема, направление метафорического переноса

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чарыкова О. Н., Федотова Н. В. Коронавирусный дискурс как источник активизации военной метафоры // Русская речь. 2022. № 1. С. 50–60. DOI: 10.31857/S013161170017978-4.

Issues of Modern Russian Language

Coronaviral Discourse as a Source of Increased Military Methaphorization

Olga N. Charykova, Voronezh State University (Russia, Voronezh), ochar@inbox.ru

Nataliya V. Fedotova, Military Training and Research Center of the Air Forces "Air Force Academy under the names of Professor N. Ye. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin" (Russia, Voronezh), Natali.VL-Fedotova@yandex.ru

ABSTRACT: Recently, a large number of texts on the COVID-19 pandemic have appeared in the Russian media (both national and regional), on various Internet resources and in colloquial speech, which allows us to talk about coronaviral discourse — a new type of discourse in the Russian language. The article analyzes metaphorical use of the vocabulary of the semantic sphere "war" in these texts. As a result of the study, it was established that metaphorical usage of military vocabulary in coronaviral discourse can be attributed to six thematic groups: "Names of military operations and methods of warfare", "Names of types of weapons and military machinery, their

elements, properties and storage locations", "Names of places of military hostilities and military service", "Names of types of military art", "Names of items of uniforms and equipment of military personnel" and "Names of arms of military forces". As in other types of discourse of the modern Russian language (sports, politics, theatre, etc.), vocabulary of the semantic sphere "war" in metaphorical use is most often presented in the thematic group "Names of military operations and methods of warfare". Also, as a result of the analysis of the processes of metaphorization of military vocabulary in the coronaviral discourse, it was established that metaphorical transference is most often motivated by the seme "protection", which is probably due to one of the primary human instincts — the instinct of self-preservation, which directs people in lethal situations, such as the conduct of hostilities and the fight against the COVID-19 pandemic.

KEYWORDS: military metaphor, coronaviral discourse, vocabulary of the semantic sphere "war", metaphorization process, sema, direction of metaphorical transfer

FOR CITATION: Charykova O. N., Fedotova N. V. Coronaviral Discourse as a Source of Increased Military Methaphorization. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 50–60. DOI: 10.31857/S013161170017978-4.

С 2020 года употребление военной метафоры в современном русском языке значительно активизировалось, что связано с появлением в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Сближение в языковом сознании коронавирусной и военной сферы закономерно, так как в основе каждой из них заключена интенция борьбы, метафорическая модель «Пандемия коронавируса — это война» отражает восприятие взаимодействия с вирусом как аналога сражения, войны с болезнью.

Военная метафора, под которой следует понимать такой вид метафоры, в семантической структуре которой как эксплицитно, так и имплицитно представлена сема «война», достаточно широко представлена в русском языке, чем обусловлено большое количество ее исследований (например, о военной метафоре в политическом дискурсе писали А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов [Баранов, Караулов 1991, 1994], Э. В. Будаев [Будаев 2006], А. П. Чудинов [Чудинов 2003] и др.; в спортивном дискурсе — А. А. Елистратов [Елистратов 2005], К. В. Снятков [Снятков 2008], Е. Г. Малышева [Малышева 2009], С. А. Кудрин [Кудрин 2011] и др.).

Исходя из того, что термин «дискурс» употребляется в широком и узком значениях, можно принять точку зрения Н. И. Клушиной [Клушина 2011: 29], которая при определении понятия «дискурс» одним из параметров его классификации выделяет тему (спортивный дискурс, медицинский и др.). В последнее время в средствах массовой информации (общероссийских и региональных), на различных интернет-ресурсах, в разговорной речи активно обсуждаются темы, связанные с пандемией COVID-19, что позволяет говорить о появлении нового коронавирусного дискурса.

В настоящее время анализу военной метафоры в коронавирусном дискурсе посвящено сравнительно небольшое количество работ: [Балашова 2020], [Данкова 2020], [Сизых 2020]. Данная статья посвящена функционированию военных метафор в коронавирусном дискурсе в период с марта 2020 года до настоящего времени.

В коронавирусном дискурсе метафорическое переосмысление получают единицы военной лексики шести тематических групп. Рассмотрим их подробнее.

1. Тематическая группа «Наименование военных действий и способов ведения войны» включает следующие лексемы:

атака (атака коронавируса, вирусная атака, паническая атака) / атаковывать / атаковать, бой (личный бой с коронавирусом), биться, блицкриг, бомбёжка / бомбить / разбомбить, взрыв / взрывать / взорвать / взрываться / взорваться, воевать, война, вторжение (вторжение вируса), выстрел, захватить / захватывать / захватив (захватив систему клетки), наступать / наступление, оборона (оборона организма) / оборонять / обороняться, партизанить, прорыв / прорываться / прорваться, сражение / сражаться / сразиться, штурм / штурмовать и др.

Например, **атака**, ср.: **атака короновируса** вместо «взаимодействие с новой коронавирусной инфекцией»: «*Как подготовить свой иммунитет* ***к атаке коронавируса****: советы врача. Врач-инфекционист рассказал, как укрепить свой организм: важно подготовить свой иммунитет* ***к вирусной атаке***» (Сиб.фм. 08.10.2020). В анализируемом контексте метафорический перенос осуществляется на основе семы «стремительность». Направление метафорического переноса: «стремительное наступление войск → быстрые, решительные или неожиданные действия против кого-л., чего-л.».

Бой, ср.: личный бой с коронавирусом в значении «борьба организма с вирусом»: «*“То, что он, к величайшему сожалению, не смог выиграть* ***личный бой с коронавирусом****, говорит об особой опасности этой болезни”, — написал губернатор в телеграмм-канале*» (47-летний профессор воронежского медицинского университета умер от коронавируса // МОЁ! Online. Все новости. Люди. 24.06.2021). Метафорический перенос осуществлен на

основе семы «борьба». Направление метафорического переноса: «вооруженное столкновение войск; тяжелое, решающее сражение → борьба с кем-л., чем-л.».

Наступление вместо «начало эпидемии коронавируса»: «*Этот вариант ковида уже начал* ***наступление*** *на Воронежскую область*» (ВЕСТИ ВОРОНЕЖ: Воронежский пульмонолог о штамме ковида «дельта»: «Такую боль вряд ли с чем-то спутают». 01.07.2021). Семами, мотивирующими метафорический перенос, являются «опасность», «стремительность», «широта охвата». Направление метафорического переноса: «ведя активные военные действия, стремиться захватить → приближение, начало каких-л. опасных действий, событий».

Оборона, ср.: **оборона организма** в значении «выработка антител в организме»: «*Какой бы вакциной ни привился Станислав Черчесов — брешей* ***в обороне организма*** *не будет*» (А. Емельяненков, И. Невинная. Чем различаются три российские вакцины от COVID-19 // Российская газета: Общество. № 39 (8390). 27.02.2021). В анализируемом контексте метафорический перенос осуществляется на основе семы «защита». Направление метафорического переноса: «позиция войск, рассчитанная на ведение оборонительных действий → защита от кого-л., чего-л.».

Прорыв вместо «разработка лекарств против COVID-19»: «*В шаге от* ***прорыва****. Что известно о первых лекарствах против ковида, которые уже тестируют на людях*» (Страна.ua 20.06.2020). Метафорический перенос осуществлен на основе семы «преодоление». Направление метафорического переноса: «преодоление наступающими войсками, частями сопротивления противника → решение какой-л. проблемы».

2. Тематическая группа «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения»:

автомат, арсенал, бомба / бомба замедленного действия, бумеранг, калибр, мина, оружие, пистолет, пуля, радар, снаряд, убойная сила и др.

Например, **бомба замедленного действия** в значении «последствия коронавируса, которые проявляются не сразу»: «*Пандемия коронавируса —* ***бомба замедленного действия***» (https://www.b17.ru/article/pandemiya_koronavirusa/; дата обращения: 09.06.2021). Метафорический перенос осуществлен на основе семы «что-л. ведущее к негативным последствиям». Направление метафорического переноса: «разрывной снаряд, взрывающийся через определенный промежуток времени → что-л. ведущее к каким-л. негативным последствиям, которые проявляются не сразу».

Оружие вместо «средство борьбы с COVID-19»: «*Главным* ***оружием*** *в борьбе с коронавирусом считается вакцинация*» (ВЕСТИ ВОРОНЕЖ: Суточный прирост заболевших ковидом снизился впервые за две недели

(диагноз подтвердился у 426 человек). 12.07.2021). В текстовом фрагменте, приведенном выше, семой, мотивирующей метафорический перенос, является «защита». Направление метафорического переноса: «орудие защиты → средство борьбы с чем-л.».

Снаряд, ср.: **разрыв снаряда** в значении «болезнь или смерть от коронавируса или его осложнений»: «*Я не понимаю людей, особенно пожилых, кто отказывается прививаться или относится к отечественным вакцинам с недоверием. Ведь* ***“снаряды” рвутся*** *рядом! Очень многие мои друзья, родственники, коллеги переболели в тяжелой форме, а иные ушли в мир иной*» (В. Смирнитский: «Мушкетеры всегда в первых рядах» // Семь Дней. № 25. 21–27 июня 2021). В данном примере мотивирующей метафорический перенос семой является «опасность». Направление метафорического переноса: «разновидность боеприпасов для стрельбы из орудий → что-л. опасное, ведущее к каким-л. негативным последствиям».

3. Тематическая группа «Наименование мест ведения боевых действий и несения военной службы» включает лексемы:

бункер (психологический бункер), крепость, линия защиты, линия обороны, линия фронта, окоп (коронавирусные окопы), передний край, передовая, фронт и др.

Например, **окоп** вместо «в одинаковой ситуации (“в одном окопе”), связанной с появлением новой коронавирусной инфекции; нахождение в относительной безопасности»: «*Первый год* ***в коронавирусных окопах****: как Воронеж менялся с приходом COVID-19*» (А. Ежевский // БЛОКНОТ ВОРОНЕЖ. 27.12.20). Направление метафорического переноса: «земляное укрепление, укрытие от пуль, снарядов и т. п. в виде рва с насыпью → общее для группы людей место, служащее для защиты от кого-л., чего-л.». В приведенном выше текстовом фрагменте мотивирующими метафорический перенос семами являются «общий» и «защита». Следует отметить, что последняя сема служит для метафоризации других лексем этой тематической группы: **бункер** в значении «защитная способность психики не реагировать на усложняющуюся ситуацию с COVID-19 в мире»: «*Во время самоизоляции я ушла в свой* ***психологический бункер***» (Из разговорной речи) (направление метафорического переноса: «специально оборудованное подземное место, служащее для защиты от бомб, снарядов, отравляющих веществ → то, что служит защитой, позволяет остаться незамеченным, ускользнуть от чьего-л. внимания»). А также **крепость** вместо «место, которое служит защитой от заражения коронавирусом»: «*Мой дом — моя* ***крепость****: как победить вирус с помощью самоизоляции?*» (Новости восточного округа 03.03.2020) (направление метафорического переноса: «укрепленный пункт с долговременными оборонительными

сооружениями → место, которое охраняет, оберегает, ограждает от каких-л. враждебных действий»).

Передовая и **фронт** в значении «любое медицинское учреждение, где лечат людей, заболевших коронавирусом»: «*Мой милый доктор!!!!! Спасая других и сама заболела. Бог вылечил, а ты снова* ***на передовую****…* ***на фронт****…*» (Запись в социальной сети ВКонтакте. 12.08.2021). В данном примере мотивирующими метафорический перенос семами являются «опасность» и «важность». Направления метафорических переносов: «участок оборонительной линии, ближайший к неприятельскому фронту → место средоточия какой-л. опасной деятельности» и «район, на территории которого идут военные действия → место средоточия какой-л. опасной деятельности».

4. Тематическая группа «Наименование видов военного искусства»:

высший пилотаж, стратегия / стратегический, тактика / тактический.

Например, **высший пилотаж** вместо «демонстрация высокого профессионализма (в борьбе с коронавирусом)»: «*В борьбе с COVID-19 врачи проявляют* ***высший пилотаж!***» (Из разговорной речи). В анализируемом контексте метафорический перенос осуществляется на основе семы «профессионализм». Направление метафорического переноса: «искусство управления летательным аппаратом → искусство лечения от коронавируса».

Стратегический в значении «разрабатывающий план действий (для борьбы с COVID-19)»: «*Достаточных свидетельств, что людям, прошедшим вакцинацию от коронавируса, необходимы бустерные дозы (дополнительные инъекции, которые должны усилить защитный эффект) препарата, пока нет, заявила эксперт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по иммунизации Анн Линдстранд. Эти данные изучает* ***стратегическая*** *консультативная группа экспертов (SAGE) по иммунизации ВОЗ*» (Haqqin.az 12.08.2020). Семой, мотивирующей метафорический перенос, является «общий план действий». Направление метафорического переноса: «наука и искусство ведения войны (общий план ведения войны и боевых операций) → искусство руководства борьбой с чем.-л.».

Тактика, ср.: **тактика лечения коронавирусной инфекции** вместо «рекомендации в борьбе с новой коронавирусной инфекцией»: «*Что пересмотрели* ***в тактике лечения коронавирусной инфекции****, как выбирать респираторную поддержку и предотвращать тромбы*» (Provrach.ru. 28.10.2020). В приведенном примере мотивирующей метафорический перенос семой является «детальный план действий». Направление метафорического переноса: «искусство подготовки и ведения боя как

составная часть военного искусства → совокупность приемов и средств борьбы с коронавирусом».

5. Тематическая группа «Наименование элементов обмундирования и снаряжения военнослужащих» включает лексемы:

бронежилет, обмундирование, щит (витаминный щит).

Например, **бронежилет** в значении «прививка от коронавируса»: «*Артист уверен, что работал только благодаря вакцине. "Я надел этот* ***"бронежилет"*** *и пошел в атаку. Вся моя семья привита, правда, кроме младшей дочери"*» (Юрий Стоянов: «Если надо, уколюсь!» // Семь Дней. № 14. 5–11 апреля 2021). Направление метафорического переноса: «элемент индивидуальной защиты военнослужащего, обеспечивающий защиту верхней части туловища от воздействия холодного и огнестрельного оружия, а также от осколков бомб, снарядов, мин и гранат → то, что будет служить защитой от чего-л.». В данном примере мотивирующей метафорический перенос семой является «защита». Следует отметить, что данная сема служит для метафоризации и других лексем этой тематической группы: **обмундирование**, ср.: **полное обмундирование** вместо «медицинская маска или респиратор, перчатки, защитный костюм, очки и т. д.»: «*Мы живем вместе, само собой. Просто я изолировалась в комнате. И вижу ее на большом расстоянии, надевая* ***полное обмундирование***» (И. Макаричева. Кристина Асмус провела карантин с дочкой // Семь Дней. № 46. 9–15 ноября 2020) (направление метафорического переноса: «предметы обихода военнослужащего → то, что должно защитить от чего-л.»). А также **щит**, ср.: **витаминный щит** в значении «витамин D и цинк для укрепления иммунитета, для предотвращения заболевания COVID-19»: «*Еще один незаменимый элемент во время пандемии — цинк. Как работает* ***"витаминный щит"*** *и важна ли дозировка...*» (ВЕСТИ ВОРОНЕЖ: Воронежцам рассказали, какая дозировка витамина D поможет избежать коронавируса. 10.11.2020) (направление метафорического переноса: «предмет воинских доспехов для защиты от ударов в виде округлой или прямоугольной деревянной или металлической плоскости → медицинские средства защиты от коронавируса»).

6. Тематическая группа «Наименование родов войск» представлена одной лексемой — ***артиллерия,*** ср.: **тяжелая артиллерия** вместо «сильные лекарственные препараты при лечении (индийского штамма коронавируса)»: « — *По сравнению с предыдущим штаммом болезнь развивается за 3–4 дня и прогрессирует просто на глазах. Мы уже не смотрим за динамикой развития сюжета, а просто сразу включаем* ***тяжелую артиллерию***» (ВЕСТИ RU: Счет идет на дни: главврач 52-й больницы дала неутешительный прогноз. 06.07.2021). В приведенном выше текстовом фрагменте

мотивирующей метафорический перенос семой является «наиболее результативное средство». Направление метафорического переноса: «род войск с огнестрельными орудиями различных калибров и конструкций → мощная поддержка кем-л., чем-л. — кого-л.».

Анализ показал, что, как и в других типах дискурса современного русского языка [Федотова 2018а; Федотова 2018б; Федотова 2019а; Федотова 2019б; Федотова 2020], наиболее часто лексика семантической сферы «война» в метафорическом использовании представлена в тематической группе «Наименование военных действий и способов ведения войны» (53 %). В тематической группе «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» (20 %), «Наименование мест ведения боевых действий и несения военной службы» (14 %) и «Наименование видов военного искусства» (8 %) наблюдается средняя частотность употребления. В тематической группе «Наименование элементов обмундирования и снаряжения военнослужащих» (4 %) и «Наименование родов войск» (1 %) частотность употребления низкая.

Наиболее часто (около 40 % выявленных метафорических значений военной лексики) перенос осуществляется на основе мотивирующего семантического признака «защита», что, вероятно, связано с отражением в языковом сознании одного из главных человеческих инстинктов — инстинкта самосохранения, который движет человеком в смертельно опасных ситуациях.

Ситуация с COVID-19 во многих странах мира продолжает оставаться нестабильной: каждый день в выпусках новостей звучат новые «сводки с фронта боев с коронавирусом», в городах вводятся «комендантские часы», врачи и медсестры продолжают совершать настоящие подвиги: лечат и спасают от смерти «раненых». Исходя из вышесказанного, можно предположить, что коронавирусный дискурс будет пополняться новыми примерами лексики семантической сферы «война» в метафорическом использовании, и это может стать предметом дальнейших исследований лингвистов.

Литература

Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 777–800.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Институт русского языка АН СССР, 1994. 265 с.

Будаев Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 67–74.

Данкова Н. С., Крехтунова Е. В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // Научный диалог. 2020. № 8. С. 69–83.

Елистратов А. А. Военная лексика в языке спорта // Русская речь. 2005. № 2. С. 64–69.

Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. 2011. Вып. 9. С. 26–33.

Кудрин С. А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели : автореф. дис. … канд. филол. наук / Москва, 2011. 22 с.

Малышева Е. Г. Метафорическая модель «Спорт — это война» в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 14–20.

Сизых М. М. Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса) // Филологический аспект. 2020. № 05 (61) [Электронный ресурс]. URL: https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metafora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html (дата обращения: 22.08.2021).

Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. … канд. филол. наук / Череповец, 2008. 25 с.

Федотова Н. В. Специфика употребления военной метафоры в медицинском дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018а. № 2. С. 60–62.

Федотова Н. В. Специфика употребления военной метафоры в спортивном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018б. № 2 (80). Ч. 2. С. 378–383.

Федотова Н. В. Функционирование военной метафоры в обиходно-бытовом дискурсе современного русского языка // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019а. С. 40–52.

Федотова Н. В. Функционирование военной метафоры в современном политическом дискурсе // Русская речь. 2019б. С. 7–33.

Федотова Н. В. Военная метафора в театральном дискурсе современного русского языка // ФИЛОLOGOS. 2020. Вып. 1 (44). С. 80–87.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

References

Balashova L. V. [Militaristic metaphor as a way of forming the COVID-19 concept in V. V. Putin's speech]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 777–800. (In Russ.)

Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (dictionary materials)]. Moscow, Institute of Russian Language, USSR Academy of Sciences, 1991. 193 p.

Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow, Institute of Russian Language, USSR Academy of Sciences, 1994. 265 p.

Budaev E. V. [«Can metaphors kill?»: The pragmatic aspect of political metaphor]. *Politicheskaya lingvistika*, 2006, rel. 20, pp. 67–74. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2003. 248 p.

Dankova N. S., Krekhtunova E. V. [Representation of a pandemic in the media: a metaphorical image of war (based on the material of American newspapers)]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 8, pp. 69–83. (In Russ.)

Elistratov A. A. [Military vocabulary in the language of sport]. *Russkaya rech'*, 2005, no. 2, pp. 64–69. (In Russ.)

Fedotova N. V. [Specific use of military metaphor in sports discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018a, no. 2 (80), part 2, pp. 378–383. (In Russ.)

Fedotova N. V. [Specific use of military metaphors in medical discourse]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2018b, no. 2, pp. 60–62. (In Russ.)

Fedotova N. V. [Functioning of the military metaphor in the everyday life discourse of the modern Russian language]. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, 2019a, pp. 40–52. (In Russ.)

Fedotova N. V. [The functioning of the military metaphor in modern political discourse]. *Russkaya rech'*, 2019b, pp. 7–33. (In Russ.)

Fedotova N. V. [The military metaphor in the theatrical discourse of the modern Russian language]. *FILOLOGOS*, 2020, rel. 1 (44), pp. 80–87. (In Russ.)

Klushina N. I. [From style to discourse: A new turn in linguistics]. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda*, 2011, rel. 9, pp. 26–33. (In Russ.)

Kudrin S. A. *Bazovye metafory sportivnogo diskursa kak tekstoporozhdayushchie modeli*. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Basic metaphors of sports discourse as text-generating models]. Moscow, 2011. 22 p.

Malysheva E. G. [Metaphorical model "Sport is war" in journalistic sports discourse (based on the texts of modern print and electronic media)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 328, pp. 14–20. (In Russ.)

Sizyh M. M. [Military metaphor in COVID-19 reception (based on the material of modern Russian media discourse)]. *Filologicheskii aspekt*, 2020, no. 5 (61), pp. 14–20. (In Russ.) Available at: https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metafora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html (accessed 22.08.2021).

Snyatkov K. V. *Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa*. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse]. Cherepovets, 2008. 25 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 61–70

Из истории русского языка

О происхождении рус. *кутерьма*

Ирина Александровна Горбушина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), irgor84@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170018740-3

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена рус. *кутерьма*, которое многие этимологи считают заимствованием из тюркских языков. Большинство исследователей (В. И. Даль, А. Г. Преображенский, Н. В. Горяев, М. Фасмер, П. Я. Черных), кроме А. И. Соболевского, который предположил славянское происхождение этого слова, возводили его к тем или иным тюркским лексемам, но никто не предложил однозначной этимологии. Более того, среди филологов нет единодушного мнения даже о том, из какого именно тюркского языка и от какой лексемы произошло слово *кутерьма*.

В данной статье предполагается, что *кутерьма* — русское слово, входящее в гнездо с корнем **kut-*, как и глагол *кутить* (в первичном значении ‘вьюжить’). В подтверждение этого автор обращается к диалектному материалу. В русских диалектах содержатся многочисленные варианты форм слова *кутерьма* (*кутелица, кутелища, кутель, кутельба, кутельга, кутельма, кутер(ь)га, кутерня, кутерьба, кутеря, кутеряга, кутёха, кутига, кутиловка, кутиха* и др.), которые иллюстрируют его суффиксальный характер. Кроме того, диалекты сохранили первичное значение слова *кутерьма* ‘вьюга, метель’, которое впоследствии путем метафорического переноса дало современное литературное значение ‘беспорядок, сумятица’.

Таким образом, слово *кутерьма* образовано суффиксальным способом от глагола *кутить* в его первичном значении и сначала значило ‘вьюга’.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская этимология, тюркизмы, диалекты, формы слова, переносное значение слова

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горбушина И. А. О происхождении рус. *кутерьма* // Русская речь. 2022. № 1. С. 61–70. DOI: 10.31857/S013161170018740-3.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

From the History of the Russian Language

On the Origin of the Russian *Kuter'ma*

Irina A. Gorbushina, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), irgor84@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the Russian word *kuter'ma,* which a lot of etymologists consider a borrowing from Turkic languages. Most researchers (V. I. Dal', A. G. Preobrazhensky, N. V. Goryaev, M. Vasmer, P. Y. Chernych), except for A. I. Sobolevsky, who supposed this word was of Slavic origin, had ascribed it to different Turkic lexemes. However, none of the researchers could come up with the clear etymology of the word ans there is no common opinion from which Turkic word the lexeme *kuter'ma* derived.

This article supposes that the word *kuter'ma* has Russian origin and is included in the lexical famili with the root **kut-*, like the verb *kutit'* (in it's first meaning 'to whirl'). To confirm it author refers to the dialect material. Russian dialects contain a lot of variable forms of the word *kuter'ma* (*kutelitsa, kutel', kutel'ba, kutel'ga, kutel'ma, kuter(')ga, kutern'a, kuter'ba, kuter'a, kuter'aga, kut'okha, kutiga, kutilovka, kutikha* etc.), which illustrate its suffixal character. Moreover, dialects conserved the first semantic of the word *kuter'ma* 'the blizzard' which later transformed into the modern literary semantic 'the disorder, upset, chaos'.

So, the word *kuter'ma* is formed from the verb *kutit'* in its primary meaning with the help of suffixes and first used to mean 'blizzard'.

KEYWORDS: Russian etymology, Turkisms, dialects, forms of the word, figurative meaning of the word

FOR CITATION: Gorbushina I. A. On the Origin of the Russian *Kuter'ma*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 61–70. DOI: 10.31857/S013161170018740-3.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was supported by the RFBR grant as a part of the project No. 19-012-00059 "The vocabulary of Slavic languages as the heritage and development of the Proto-Slavic lexical fund: word-formation, semantic and etymological aspects of analysis in lexicographic representation".

Слово *кутерьма* традиционно считается в русской этимологии тюркизмом. Еще В. И. Даль, писавший это слово как *кутерма*, толковал его с пометкой «татарское»:

> «**Кутерма́** ж., татрс. суета, сумятица, хлопоты, суматоха; безпорядокъ, безтолочь; крикъ, брань, ссора. // Непогодь, вьюга, метель, кур*а*; // об. человѣкъ, произведшій кутерму, путаницу и суматоху; // ж. орнб. займы товаром, забор вдолгъ, на сроки, на счеты. // Рыба кутема. // **Кутерми́ть**, производить кутерму, путаницу или безпорядокъ. **Кутерга́** ж. тер. влгд. кутерма, в знач. вьюги и сумятицы» [Даль 1935: II, 230–231].

Как видим, В. И. Даль говорит о тюркском происхождении слова *кутер(ь)ма*, но не приводит того татарского слова, которое было заимствовано русским языком. А. Г. Преображенский согласен с версией о тюркском происхождении слова (которое в его словаре представлено уже в современном написании), но откровенно признается, что не только не найдено конкретного тюркского слова, которое в русском языке зазвучало бы как *кутерьма*, но даже неизвестен язык-источник:

> «**Кутерьма́**, Р. кутерьм*ы суматоха, безтолковщина*; вѣроятно, сюда же діал. твр. кутерг*а вьюга, сумятица* (ДСл. 2, 231).
>
> — По Горяеву (Сл. 177), заимств. изъ тюрк. Изъ какого? Въ осм.-тур. есть кўтўдў *шумъ, скандалъ, суматоха* (см. Радл. Сл. 1484), но вполнѣ соотвѣтствующаго нѣтъ» [Преображенский 1914: 421].

Разделяет это мнение и М. Фасмер, но и он в своем словаре не дает четкой этимологии этого слова: «**Кутерьма́** "суматоха, неразбериха", также "вьюга, непогода". Неясно. Возм., из тюрк.; но кюэр., тар. kütürma (так подгоняют лошадей) (Радлов 2, 1484) или тат. kütärma satuvy "ремесло

бродячего торговца”, казах. kötörmo — то же (Радлов 2, 1278 и сл.; 1483), не могут считаться несомненным первоисточником, как и тур. götürma — сущ. от götürmak “поднимать, взваливать на кого-л. что-л.”, принятое за первоисточник Локочем» [Фасмер 1996: II, 434].

П. Я. Черных добавляет: «Только русское. Ср. в том же знач.: укр. **розгардіяш, гармидер** (ср. польск. harmider — тж.); блр. **сумятня, мітусня**; болг. **суматоха, безвредие, неразбория**. В русском языке известно с конца XVIII — начала XIX в… Надо полагать, тюркское слово, хотя источник его установить не просто» [Черных 1999: I, 459].

«Этимологический словарь русского языка» под редакцией Н. М. Шанского высказывается осторожно: «Предположительно — заимствовано из тюркск. яз. Впервые отмечается в “Письмовнике” Курганова 1769 г. (388): “вьюга, *кутерма*, непогодь”» [Шанский 1982: 2/8, 461]. Заметим, что в этом контексте значение ‘вьюга, непогода’ явно первично по сравнению с современным значением.

Не больше ясности вносит и «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой:

> «**Кутерьма** (разг.) Суматоха, беспорядок… *Происх. неясно; возм., заимств. из тюрк., источник неясен» [Шведова (отв. ред.) 2007: 393].

Итак, слово *кутер(ь)ма* большинством русских филологов считалось тюркизмом без ясной этимологии. Включено оно и в «Словарь тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой:

> «**Кутерьма́**, ж. (и устар. *кутерма*), разг. суматоха, сумятица || хаос, беспорядок || то же, что *кутерга́* (см.). Сл. Акад., 1792 *кутерма́*; Ушаков, 1, 1559 *кутерьма́*… Фасмер считает, что вопрос о тюрк. происхождении кутерьма в знач. суматоха, неразбериха, а также вьюга, непогода неясен» [Шипова 1976: 215–216].

Тем не менее не все филологи единодушны в этом мнении. А. И. Соболевский предлагал версию славянского происхождения слова *кутерьма* от глагола *кутить*, хотя практически не раскрыл ее:

> «Единственное, что затрудняетъ лингвиста въ **скатьрть* или **скатьрьть*, это — сложный суффиксъ слова. Но срв. *четверть, кутерьма* (при *кутити*), *пустельга*» [Соболевский 1914: 444].

М. Фасмер категорически отвергает версию А. И. Соболевского: «Невероятно сближение с *кутить*» [Фасмер 1996: II, 434], — никак, однако же, не объясняя свою точку зрения.

Между тем эта версия отнюдь не фантастична. В сущности, аргументов, подтверждающих тюркское происхождение слова *кутерьма*, только

два: созвучные тюркские слова (которые сами авторы словарей не считают несомненным первоисточником) и отчасти — отсутствие этого слова в других славянских языках. С другой стороны, есть немало фактов, формальных и семантических, свидетельствующих в пользу версии А. И. Соболевского и позволяющих раскрыть ее.

Прежде всего, невозможно игнорировать многочисленные формы этого слова в русских диалектах, причем не только в южных и юго-западных (что могло бы быть аргументом в пользу тюркской версии), но и в северных и северо-восточных: *кутёж* ‘погода со снегом и дождем’ (Калуж.), *куте́лица* ‘вьюга, метель’ (Твер. Калин., Арх., Волог.), *куте́лища* ‘вьюга, метель’ (Стариц. Калин.), *ку́те́ль* ‘вьюга, метель’ (Калин.), *кутельба́* 1. ‘вьюга, метель’ (Рыб. Яросл.). 2. ‘столб пыли’ (Олон. Рыбников), *кутельга* (ударение не зафиксировано) ‘вьюга, метель’ (Волог.), *ку́тельма* ‘вьюга, метель’ (Медвежьегор. КАССР), *ку́тер(ь)га́* ‘вьюга, метель’ (Тотем. Волог.), *кутере́га* ‘вьюга, метель’ (Русская диалектология [без указания места]), *кутере́ша* ‘вьюга, метель’ (Русская диалектология [без указания места]), *кутерма́* 1. ‘забор товара в долг, взаймы’ (Оренб. Даль). 2. см. *кутерьма; кутерня́* ‘вьюга, метель’ (Русская диалектология [без указания места]), *кутерьба́* ‘вьюга, метель’ (Пашск. Ленингр.), *кутер(ь)ма́* ‘вьюга, метель’ (Сольвычег., Волог., Ленингр., Арх., Вышневолоч., Калин., Перм., Свердл.), ‘непогода’ (Чухл., Костр., Прилуцкий), ‘сильная пыль’ (Перм.), *кутерьма́* ‘о драке’ (Курск. Яросл., Тобол.), *кутерма́* ‘о ссоре’ (Арх.), *кутерьма́* ‘о ссоре’ (Николаев, Самар.): *«Ну, брат, в такую я кутерьму попал, что насилу ушёл»* (Тарус., Калуж., Яросл., Тобол.), *кутерьма́* м. и ж. ‘о суетливом человеке’ (Сольвыч., Волог.), *куте́ря* ‘суматоха’ (Твер.), *кутеря́га* ‘вьюга, метель’ (Волог.), *кутёха* ‘пурга’: *«По-нашему пурга, по-старинному кутёха»* (Подпорож., Ленингр.) и *кутеха́* ‘сильный порывистый ветер’ (Перм.), *ку́тига* ‘вьюга, метель’ (Калуж.), *кути́ловка* ‘вьюга, метель’ (Каргоп., Арх.), *кути́ха́* ‘вьюга, метель’ (Новг., Ленингр., Псков., Волог., Калин.): *«Зимой-то кути́ха така бывает»* (Перм.), *«Кутиха́ пошла, метель, вьюга»* (Вышневол. Калин.), *ку́тна* ‘вьюга, метель’: *«Хоть кутна какая, всё одно в клуб прибредётся»* (Медвежьегорск. КАССР), *ку́тня* ‘вьюга, метель’: *«Эка ведь ку́тня седни, глаз отворить не моги»* (Петрозав. Олон.), *кутня́* ‘шумная разгульная попойка, кутёж’: *«У нас каждый день кутня́»* (Смол., Ворон.), *кутья́* ‘хлопья падающего снега’: *«Посмотри, на улице кутья́ летит»* (Куйбыш.), ‘плохая погода’ (Волог.), *кутя́рга* ‘вьюга, метель’ ([Русская диалектология], без указания места) [Филин (гл. ред.) 1980: 166–180].

Такая вариативность «завершающей» части слова характерна для суффиксов, что подтверждает версию А. И. Соболевского о суффиксальном образовании слова *кутерьма*. Правда, говоря о словообразовательной

стороне, приходится признать, что суффикс *-ерьм-* зафиксирован еще только в одном слове: *бахтерьмá* (*бахтармá, бахтормá, бармá*) ‘трубчатый (или — реже — пластинчатый) слой нижней части шляпки гриба’: *«А грибы-то с бахтерьмой»* (ПИН. Влт.) [Гецова (ред.) 1980: 133]. Поэтому вероятнее, что в слове *кутерьма* представлен не суффикс *-ерьм-*, а два суффикса: **-ěl’-,* характерный для существительных, обозначающих погодные явления (ср. **kap-ěl-ь, *met-ěl-ь*), в котором затем могла произойти смена плавных (ср. *гвыль/гвырь* ‘опухоль’, *дятел/детерь, котерник/котельник* ‘полотенце’ [Михайлова 2013]), и суффикс, обозначающий действия абстрактного характера, предстающий в разных вариантах: **-ьт-/*-ьb-/*-ьg-/*-ьn’-* (ср. **strěl-ьb-a, *voz-ьn’-a, *sǫ-tor-ьт-a* ‘беспорядок, суматоха’). В других вариантах анализируемое слово предстает только с одним суффиксом: **kut-ex-a, *kut-ěl-ь*, **kut-er’-a, *kut-ix-a, *kut-ьn’-a* и др.

Можно предположить еще один вариант происхождения слова *кутерьма*: одноструктурное образование от **ter-* ‘тереть’, по аналогии с упоминавшимся выше (и близким по значению) **sǫ-tor-ьт-a* ‘беспорядок, суматоха’. Однако эта версия менее вероятна, так как предполагает сочетание архаичного префикса *ку-* с корнем *тер-*, а если бы это было так, то не могло бы быть слов *кутиха, кутёха, кутёж* и др., где корень *тер-* не участвует.

Таким образом, если отбросить все суффиксы, остается корень *кут-*. Каково же его значение?

Литературное значение глагола *кутить* — ‘мотать, повесничать, пьянствовать, буянить’. От него происходят существительные *кутúла* ‘тот, кто кутит, транжира’ и *кутёж* ‘действие по глаголу *кутить*, шумное застолье’. Нетрудно заметить, что здесь один шаг до значения ‘суматоха, беспорядок, сумятица’, то есть *кутерьма*. Сюда же диал. *кутермúть* ‘проказничать; что-либо смешивать, путать’ (Курск.) [Филин (гл. ред.) 1980: 168].

Однако едва ли слово *кутерьма* произошло непосредственно от *кутить* в его литературном значении, хотя бы потому, что в говорах оно во всех своих формах имеет основное значение, только вскользь упомянутое В. И. Далем, А. Г. Преображенским и М. Фасмером: ‘вьюга, непогода’ [Филин (гл. ред.) 1980: 166–180]. Значения ‘суматоха, беспорядок’, ‘пьянство’ упоминаются только у форм *кутель* и *кутеря* как вторичные.

Глагол *кутúть* имеет также диалектное значение ‘кружить, крутить (о вьюге, метели)’ [Филин (гл. ред.) 1980: 169] (ср. также *кутлúвый* ‘вьюжный’ [Филин (гл. ред.) 1980: 170] и *кутóвить* ‘поднимать пыль, пылить’ (Перм.) [Филин (гл. ред.) 1980: 173]). Это значение в большей степени, чем литературное, может быть производящим для слова *кутерьма*, что подтверждается аналогичными словами, обозначающими непогоду и образованными от глаголов движения: **vьjuga (< *viti sę), *metělь (<*mesti).*

Возникает закономерный вопрос: связаны ли между собой литературное и диалектное значения глагола *кутить*? А. Г. Преображенский отвечает на этот вопрос утвердительно [Преображенский 1914: 421–422]. Н. В. Горяев, напротив, считает эти два глагола омонимами [Горяев 1896: 177].

В. В. Виноградов, приведя в своей статье мнения обоих ученых, согласен с А. Г. Преображенским: «В русском литературном языке XVIII в. глагол *кутить* применялся не только к обозначению действий ветреной, бурной, вьюжной погоды, но и служил образной характеристикой поведения вздорного человека — буяна, бунтовщика, сплетника, интригана и спорщика» [Виноградов 1968: 112]. Более того, автор подчеркивает, что в народной речи эти два значения сближены гораздо больше, чем в литературном языке: «Переносное значение *кутить* ярче всего выступало в поговорочном выражении *кутит и мутит*, которое употреблялось и по отношению к метели, и по отношению к вздорным и буйным людям» [Виноградов 1968: 113].

В. В. Виноградов ссылается на И. Желтова, который сопоставлял рус. *кутить* с чеш. *kutiti* 'трясти, шевелить, рыть, копать' и приходил к выводу: «Нынешнее употребление глагола *кутить* в смысле бражничать возникло уже впоследствии на том основании, что хмельные обыкновенно бывают беспокойны. Впрочем, глагол *кутить* и доселе еще употребляется у нас в первоначальном своем значении: 'быть беспокойным' в выражении *кутить и мутить*, означая именно беспокойную деятельность» [«Филологические записки», 1874, вып. VI, стр. 65–66. Цит. по: Виноградов 1968: 112].

Итак, значение глагола *кутить* 'бражничать' является следствием метафорического переноса основного значения. Вопрос, считать ли два значения слова *кутерьма* ('беспорядок' и 'вьюга') гомогенными омонимами, образованными от двух значений глагола *кутить*, или значение 'беспорядок' так же метафорически образовано от значения 'вьюга', как *кутить* 'бражничать' от *кутить* 'быть беспокойным'? Более вероятен второй вариант. Представить себе, что два разных значения, параллельно и независимо одно от другого, образовались от глагола *кутить* с помощью одних и тех же суффиксов, — почти невозможно. Гораздо естественнее, что, когда глагол *кутить* развил из основного значения 'кружить, вьюжить' значение 'бражничать', вслед за ним и производное от него слово *кутерьма* стало обозначать не только 'вьюга', но и 'беспорядок'.

И еще одно любопытное, снова диалектное, значение глагола *кутить* — 'распространять сплетни, клевету' [Филин (гл. ред.) 1980: 169]. Оно тоже явно метафорическое, как и его литературный синоним *сплетничать*, восходящий к глаголу **plesti,* или слово *каверза* (< **verzti* 'плести'). Нет ничего удивительного в том, что корень **kut-* дал значение как 'вьюга, метель', 'беспорядок', так и 'сплетня'. Сплетня — тоже результат

кружения, переплетения слухов. Хотя слово *кутерьма* в значении ‘сплетня’ в словарях не зафиксировано, но в калужском говоре наблюдаются существительные *кутеме́рка* ‘сплетница’ (Калуж.) [Филин (гл. ред.) 1980: 167], *кутиме́р* ‘сплетник’ (Калуж.) [Филин (гл. ред.) 1980: 169] и *кути́мер* кал. ‘сплетникъ, перенощикъ, мутникъ, баламутъ’ [Даль 1935: II, 231] и *кутиме́рка* ‘женск. к *кутимер’* (Калуж.) [Даль 1935: II, 231], [Филин (гл. ред.) 1980: 169].

Семантический переход ‘метель, вьюга’ > ‘путаница, суматоха’ отмечает Ж. Ж. Варбот: «В русских говорах слово *завороха* может обозначать не только путаницу, но также и метель, вьюгу (Даль 2, СРНГ[1])… Есть в русских говорах еще слово *завиру́ха,* которое обозначает (в разных местностях) то путаницу, то метель, то кашу из муки, а на Среднем Урале — непоседу (СРНГ)» [Варбот 2011: 524]. Как можно видеть, в лексемах гнезда **kut-* также можно найти многие из этих значений.

Каково же происхождение славянского корня **kut-*, к которому восходит глагол *кутить*? В. В. Виноградов считает, что «этимология этого слова точно не открыта» [Виноградов, 111]. «Этимологический словарь славянских языков» выводит этот корень из «и.-е. **keu-t-/*kou-t-,* производного с помощью суффикса *-t-* (прич.?) ‘согнутое, крюк’, что объясняет все представленные значения: ‘гнуть(ся); прятать; копаться; искать; кружить, крутить; грести; охранять, воспитывать; затевать, действовать’» [Трубачев (ред.) 1987: 139–140]. Не исключена связь с **kutati* ‘добывать, искать; разгребать, рыться; пеленать, обвивать’: словарь справедливо замечает, что «итератив-дуратив… ожидался бы в виде **kutjati*, хотя в общем подобные отклонения встречаются» [Трубачев (ред.) 1987: 139].

В любом случае приведенные аргументы указывают на то, что слово *кутерьма* может считаться не этимологически темным тюркизмом, а чисто русским словом, входящим в гнездо со славянским корнем **kut-*.

Источники

Горяев Н. В. Этимологический словарь русского языка. Тифлис, Типография канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. [4], 451, XL, LXII с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. II. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1955. [Репринтное издание 1935 г.]. 807 с.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Вып. 6. М., 1914.

Соболевский А. И. Нѣсколько замѣток по славянскимъ вокализму и лексикѣ // Рус. филол. вестник. Варшава, 1914. № 2. Т. 77. С. 431–448.

[1] «Словарь русских народных говоров».

Литература

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской филологии. СПб.: Нестор-История, 2011. 648 с.

Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. IV // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 111–137.

Гецова О. Г. (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 168 с.

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск — М.: Изд-во КГПА, 2013. 350 с.

Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. М.: Наука, 1987. 285 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. II (Е — Муж). СПб.: Издательство «АЗБУКА», Издательский центр «Терра», 1996. 672 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 16 (Куделя — Лесной). Л.: Наука, 1980. 376 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1 (А — Пантомима). М.: Русский язык, 1999. 624 с.

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. II, вып. 8 (К). М.: Издательство Московского университета, 1982. 470 с.

Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1164 с.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. 444 с.

References

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of modern Russian language]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ.,1999. 624 p.

Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 16. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p.

Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Regional dictionary of Arkhangelsk]. Iss. 1. Moscow, Publ. of Moscow University, 1980. 168 p.

Mikhaylova L. P. *Slovar' ekstentsial'nykh leksicheskikh edinits v russkikh govorakh* [Dictionary of extensional lexical units in Russian dialects]. Petrozavodsk — Moscow, 2013. 350 p.

Shanskii N. M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Vol. 2, iss. 8. Moscow, Publ. of Moscow University, 1982. 470 p.

Shipova E. N. *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1976. 444 p.

Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2007. 1164 p.

Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 13. Moscow, Nauka Publ., 1987. 285 p.

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi filologii* [Research on Russian and Slavic philology]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2011. 648 p.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. In 4 vols. Vol. 2. St. Petersburg, AZBUKA Publ., Publ. Center "Terra", 1996. 672 p.

Vinogradov V. V. *Istoriko-etimologicheskie zametki. IV* [The historical-etymological notes. IV]. Etimologiya 1966, 1968, pp. 111–137. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 71–81

Из истории русского языка

Прописная или строчная? К истории орфографических практик XVII–XVIII вв.

Александр Геннадьевич Кравецкий, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), krav62@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170018741-4

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена практике постановки прописных букв в церковных и светских изданиях XVII–XVIII вв. Грамматика Смотрицкого предписывала маркировать прописными буквами имена собственные, географические названия и nomina sacra. Однако на практике книги церковной печати не следовали этой рекомендации. Лишь в послесловиях и предисловиях эти правила отчасти соответствовали тем нормам, которые описывались у Смотрицкого. При этом последовательно прописными буквами выделялись лишь имена и титулы светских правителей. В первых изданиях, напечатанных гражданской азбукой, прописные буквы употреблялись хаотично, однако имена и титулы светских правителей и здесь писались с прописной буквы. К середине XVIII в. утверждаются общие принципы использования прописных букв в текстах новой орфографии. Эти принципы кодифицируются в грамматиках и начинают восприниматься как универсальные, относящиеся как к русскому, так и к церковнославянскому языку. В последней четверти XIX в. имела место продолжительная дискуссия о необходимости использования прописных букв в церковнославянских книгах. Эта идея была отвергнута, но сам факт этой дискуссии показывает, что в этот период представление о нормативном правописании определяется нормами русской, а не церковнославянской орфографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык, русский литературный язык, русский гражданский алфавит, орфографическая реформа, Петр I,

секулярная культура, церковная культура, прописные буквы, строчные буквы

для цитирования: Кравецкий А. Г. Прописная или строчная? К истории орфографических практик XVII–XVIII вв. // Русская речь. 2022. № 1. С. 71–81. DOI: 10.31857/S013161170018741-4.

From the History of the Russian Language

Capital or Lowercase Letters? The History of Orthography Practices in the 17th and 18th Centuries

Aleksandr G. Kravetsky, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), krav62@mail.ru

abstract: The article is devoted to the practice of capitalization in church and secular publications of the 17th and 18th centuries. Smotritsky's *Grammar* prescribed to capitalize proper names, geographical names and nomina sacra. However, in reality books of the church press did not comply with this recommendation. It was solely in prefaces and afterwords that the norms described by Smotritsky were partially followed, and it was only the names and titles of secular rulers that were consistently marked with capital letters. In the first editions, which were printed in the civil alphabet created by Peter the Great, capital letters were used randomly, but the names and titles of secular governors were capitalized. By the middle of the 18th century, the general principles of using capital letters in the new orthography had been approved. These principles were fixed in grammars and began to be perceived as universal, belonging to both the Russian and Church Slavonic languages. The last quarter of the 19th century was marked by a lengthy discussion about the need to use capital letters in Church Slavonic books. This idea was rejected, but the very fact of such a discussion shows that during

this period the idea of normative spelling was determined by the norms of Russian rather than Church Slavonic orthography.

KEYWORDS: civil Russian alphabet, orthographic reform, Church Slavonic, Peter the Great, secular culture, church culture, uppercase letters, lowercase letters

FOR CITATION: Kravetsky A. G. Capital or Lowercase Letters? The History of Orthography Practices in the 17th and 18th Centuries. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 71–81. DOI: 10.31857/S013161170018741-4.

В настоящей статье речь пойдет об употреблении прописных букв в начале имен собственных, географических названий и nomina sacra, а также о становлении той нормы, которой мы придерживаемся в настоящее время. Известно, что в древнерусской и в европейской средневековой книжности прописные буквы употреблялись для того, чтобы маркировать начало относительно крупного фрагмента текста, который мог включать в себя несколько предложений [Осипов 2010: 57]. Задача орфографического маркирования тех или иных слов не ставилась, хотя теоретически она могла решаться при помощи знака титла. В грамматике Мелетия Смотрицкого имеется указание на то, что титло является указанием на особое достоинство того, кого это слово обозначает[1]. При этом следует отметить, что предписания грамматики Смотрицкого, касающиеся как употребления титла, так и прописных букв, не всегда соответствуют реальной практике книгопечатания.

I

Издатели ранних славянских печатных книг не придерживались общеобязательных правил употребления прописных букв. Если мы возьмем первые славянские издания Библии, то обнаружим, что в Библии Франциска Скорины (1517–1519) прописные буквы используются в личных именах и топонимах, в то время как nomina sacra пишутся со строчной буквы (иногда под титлом, иногда без). А в напечатанной Иваном Федоровым Острожской Библии (1581) и в Московской Библии (1663) прописные буквы используются только в начале стихов.

[1] «Ѹ҆потребляемѣ ѻ҆бѣ [титла и словотитла] ѿ Валлїграфъ бывають в҃ самыхъ точїю и҆менехъ Божїихъ, и҆ Божїей чести служащихъ» [Смотрицкий 2000: 154]. Этот пассаж повторен и в московском издании этой грамматики 1648 г.

В первом издании грамматики Мелетия Смотрицкого (1619) вопросу об употреблении прописных букв посвящен специальный раздел. Здесь говорится, что с прописной буквы пишутся первые слова стихотворных строк, а также слова, читающиеся после точки. С прописной буквы также рекомендовалось писать имена собственные, в число которых Мелетий включает также слова *Бог* и *Господь*. Кроме того, прописные буквы должны были использоваться как знак уважения («достоинства») в словах *Царь*, *Патриарх*, *Епископ*, *Воевода* и т. д., а также в названиях наук — *Грамматика*, *Логика*, *Философия* — и в наименованиях частей речи: *Имя*, *Местоимение*, *Глагол*[2].

Просмотр богослужебных книг XVII–XVIII вв. позволяет прийти к заключению, что большинство книг, напечатанных в Киеве и Львове, используют прописные буквы в соответствии с правилами, изложенными в грамматике Смотрицкого[3]. Однако московские издания[4] дают совсем иную картину. Здесь прописные буквы в основном тексте используются исключительно для обозначения начала фрагмента (песнопения, стиха или предложения). Однако в послесловиях (или предисловиях), рассказывающих об обстоятельствах издания книги, наблюдается куда большее разнообразие. В части изданий[5] в послесловиях (предисловиях) и в основном тексте прописные буквы употребляются одинаково, маркируя начало фрагмента. Но в большей части просмотренных нами книг, напечатанных

---

[2] Приведем этот раздел целиком. «Во пра́вописанїю нале́жнѹ вѣ́цшими пи́смены пи́шема бы́ти нача́ла стїхѡ̀в и҆лѝ вѣ́ршѡв: ꙗ҆́кѡ,

Бг҃ѹ даю́щѹ за́вистъ ни ма́ла спѣ́етъ:

Не даю́щѹ же всѧ̑к трѹ́дъ во тщі́е сѧ дѣ́ет.

То́чѡкъ: ꙗ҆́кѡ, Ча́до а҆́ще приступа́еши рабо́тати Гдⷭ҇ви ѹ҆гѡтовѝ дш҃ѹ свою̀ во и҆скѹше́нїе. И҆ме́нъ ѻ҆́бственный: ꙗ҆́кѡ Бг҃ъ, Гдⷭ҇ь, І҆и҃с, Хрⷭ҇т, А҆да́м, Є҆ва: и про̑ч. Досто́инствъ: ꙗ҆́кѡ Ца́рь, Патрїа́рхъ, Є҆пско́пъ, Воево́да: и҆ про̑ч. Хѹдо́жествъ ꙗ҆́кѡ Гра̑мма́тїка, Ло́гїка, Фїлософі́а, Ѳеологі́а: и про̑ч. Ча́стїй хѹдо́жествъ: ꙗ҆́кѡ, И҆ма̀, Мѣ́стонме́нїе, Глаго́л: и҆ про̑ч.[Смотрицкий 2000: 144]. Обращает на себя внимание, что слово І҆и҃с здесь написано со строчной буквы. Это написание не является опечаткой, поскольку такое же описание обнаруживается и в московском издании этой грамматики 1648 года [Смотрицкий 2007: 65]. Можно предположить, что строчная буква здесь объясняется тем, что слово І҆и҃с понимается не как имя собственное, а как атрибутив со значением ‘помазанник’ (ср. Пс. 17.51: творѧ́й мл҃ть хрїстѹ̀ своемѹ̀ дв҃дѹ). При этом в большей части изданий богослужебых книг, использующих прописные буквы в начале имен собственных, слово хрїстъ пишется со строчной буквы: чт҃ныѧ стр҃ти твоѧ̀ вл҃ко І҆и҃с (Воскресный октоих, Киев, 1629. Л. 251).

[3] Например, Анфологион (Киев, 1619), Октоих воскресный (Киев, 1629), Триодион (Львов, 1642), Требник Петра Могилы (1646), Акафисты (Киев, 1663), Триодь Цветная (Киев, 1724).

[4] Были просмотрены следующие московские издания: Минея общая 1600 г., Служебные минеи 1627–1646 гг., Мартовская минея 1724 г., Типиконы 1682 г. и 1695 г., Постные триоди 1650 г., 1699 г., 1725 г., Цветные триоди 1635 г., 1648 г., 1653 г., 1670 г., 1680 г., 1686 г., 1693 г., 1732 г., Служебники 1602 г. и 1695 г., Октоих 1631 г.

[5] Цветная триодь 1653 г., Служебник 1602 г., Минея март 1724 г., Октоих 1631 г.

в Москве, в основном богослужебном тексте прописные буквы маркируют начало фрагмента, а в послесловии использование этих букв соответствует тем тенденциям, которые провозглашены в грамматике Смотрицкого. В качестве примера приведем фрагмент предисловия к московскому изданию Цветной триоди 1732 г.: «Во сла҃вꙋ ст҃ыѧ ѐдиносꙋ́щныѧ, животворѧ́щїѧ, и҆ нераздѣли́мыѧ тр҃цы, Ѻ҆ц҃а и҆ Сн҃а и҆ ст҃а́гѡ Дх҃а : Повелѣнїемъ Бл҃гочести́вѣйшїѧ Вели́кїѧ Гдⷭ҇ни на́шеѧ Ѵ҆мператрі́цы А҆ННЫ І҆ѡА́ННОВНЫ Самоде́ржицы всерѡссі́йскїѧ: Бл҃гослове́нїе҄м же Ст҃ѣ́йшагѡ Прави́телствꙋющагѡ СѢ́НО́ДА : напеча́таса Кни́га сїѧ Пентїкоста́рїонъ, є҆́же є҆́сть Пѧтьдесѧ́тница. в҆ цр҃твꙋющем вели́комъ гра́дѣ Москвѣ.[6] Мы видим, что с прописной буквы здесь написаны все слова, относящиеся к светской и церковной власти, в том числе и прилагательные[7] (Бл҃гочести́вѣйшїѧ, Вели́кїѧ, Ст҃ѣ́йшагѡ Прави́телствꙋющагѡ). При этом прилагательные, являющиеся устойчивыми наименованиями Троицы (ст҃ы́ѧ ѐдиносꙋ́щныѧ, животворѧ́щїѧ, и҆ нераздѣли́мыѧ) и Духа (ст҃а́гѡ), пишутся со строчной буквы, как и само слово тр҃ца. Но именования лиц Троицы — Ѻ҆ц҃ъ, Сн҃ъ, Дх҃ъ пишутся с прописной[8]. С прописной буквы также написано слово Кни́га и ее название в двух вариантах (Пентїкоста́рїонъ и Пѧтьдесѧ́тница). С прописной буквы также написано название города Москва̀, в то время как стандартные эпитеты к наименованию этого города — цр҃твꙋющий, вели́кий — пишутся со строчной буквы. Наконец, обращает на себя внимание, что имя императрицы и слово Синод напечатаны особыми, более крупными литерами[9]. Таким образом, мы можем сказать, что наиболее последовательно прописные буквы использовались в словах, имеющих отношение к наименованию власти.

В предисловиях/послесловиях к изданиям XVII в. мы наблюдаем сходные тенденции, хотя реализованы они с разной степенью последовательности. Наиболее интересный в этом отношении материал дает послесловие к Цветной триоди 1648 г. Это послесловие имеет достаточно большой объем — более 5 страниц и начинается с общих рассуждений о Боге как о начале мироздания. В этой части прописная буква употреблена только

---

[6] Предисловие размещено в начале книги вне нумерации листов.

[7] В грамматике Смотрицкого ничего не говорится об использовании прописных букв в начале прилагательных.

[8] В грамматике Смотрицкого слово «Троица» не приводится среди слов, которые следует писать с прописной буквы, а слова «Отец, Дух, Сын» приводятся.

[9] В более поздних изданиях для этого также могли использовать разрядку. Согласно определению Синода, принятому в 1888 г., «Высочайший титул, а также имена Их Императорских Величеств, Наследника Цесаревича и всего Царствующего Дома в современных синодальных изданиях печатаются строчными буквами, но вразбивку» [Соколов 1907: 7].

один раз — в начале текста, в то время как и личные имена (прро́къ дв҃дъ), и наименования Бога (всемл҃рдаго бг҃а и҆ гдⷭ҇а на́шегѡ і҆с҃а х҃а) написаны со строчной буквы. Впервые прописная буква появляется на второй странице при первом упоминании светского властителя (Вели́кагѡ Гдⷭ҇рѧ цр҃ѧ и҆ вели́кагѡ кн҃зѧ А҆леѯі́ѧ михаи́ловича всеѧ̀ рꙋсі́и самоде́ржьца). Мы видим, что прописная буква употреблена в словах *великий государь* и в имени *Алексий*, в то время как в остальных царских регалиях, его отчестве, а также в названии страны прописной буквы нет. На следующей странице титул Алексея Михайловича написан несколько иначе: Гдⷭ҇рь Цр҃ь и҆ вели́кі́й Кн҃зь А҆леѯі́й михаи́ловичь всеѧ̀ рꙋсі́и самоде́ржьцѧ. Здесь, как мы видим, с прописной буквы написаны существительные (кроме *самодержец*), входящие в царский титул. В этом же послесловии титул патриарха написан со строчных букв и только его имя с прописной (вели́кагѡ гдⷭ҇на ст҃ѣ́йшагѡ І҆ѡ́сифа патрі́арха моско́вскагѡ и҆ всеѧ̀ рꙋсі́и). Любопытно, что в именах и титулах предшественников Алексея Михайловича прописные буквы не употребляются (пра́дѣда своегѡ̀ цр҃ѧ и҆ вели́кагѡ кн҃зѧ і҆ѡа́нна васи́лі́евича всеѧ̀ рꙋсі́и. и҆ дѣда своегѡ̀ цр҃ѧ и҆ вели́кагѡ кн҃зѧ ѳеѡ́дора і҆ѡа́нновича). Лишь на последней странице предисловия прописные буквы начинают спорадически появляться в именах собственных, в наименовании Богородицы и в титуле не только царя, но и патриарха (Бцⷣ҇ꙋ, Мр҃і́ю, Сѵ̈меѡ́на, Вели́кагѡ гдⷭ҇на Ст҃ѣ́йшагѡ І҆ѡ́сифа).

Употребление прописных букв в предисловии к Цветной триоди 1648 г. не подчиняется строгим правилам, и можно говорить лишь о тенденциях. При этом наиболее последовательно проводится правило, согласно которому прописными буквами маркируются в первую очередь слова, относящиеся к титулу действующего светского правителя.

II

Новый этап этой истории начался после азбучной реформы Петра I. В новом алфавите не было знака титла, который ранее маркировал nomina sacra и делал прописные буквы избыточными.

Первой книгой, изданной с использованием новой азбуки, стала Геометрıа славенскı землемѣрıе… [Геометрия 1708]. Для нашей темы эта книга дает мало материала, поскольку там очень широко используется капитель — шрифт, целиком состоящий из прописных букв. Тем не менее можно отметить, что прописные буквы использованы в именах собственных (Платонъ, Петръ Алексıевıчь) и названии месяца (Мартъ). Эти буквы также употребляются в наименованиях научных областей («въ Математическıхъ ıскусствахъ», «имѣетъ между Iскуствамı математическımı Первенство»), названиях народов, включая образованные от них прила-

гательные («ГЕОМЕТРІА есть слово Греческое», «на Латінскомъ языкѣ», «древнихъ Грековъ», «оную Грекі почиталі»), географических названиях («въ… Москвѣ», «во Америку»). При этом ряд случаев использования прописных букв трудно объяснить («сочіняютъ Календары», «крѣпості Обороняті»). Некоторые случаи не подчиняются каким бы то ни было правилам и могут считаться ошибками («дѣлаются періемъ, Карандашамі, ціркулнымі концамі», при том что на другой странице слово «карандаш» написано со строчной буквы[10]).

Второй книгой, изданной в новой орфографии, стали переведенные с немецкого языка «Пріклады како пішутся комплементы…» [Приклады 1712]. Задача этой книги — дать образцы, на которые можно ориентироваться при составлении письменных текстов. Поэтому можно было бы ожидать, что здесь будет предложена какая-то система употребления прописных букв. Знакомство с этой книгой показывает, что слова, относящиеся к религиозной сфере, включая nomina sacra, пишутся со строчной буквы («Сїце просїмъ мы и въ предь нашего господа, да бы от насъ мїлости своеи не отнялъ», «божїю вѣрному сохраненїю»), а в написании титулов светских властителей прописная буква используется, но непоследовательно («цесарское велїчество», «всемїлостївѣїшїй Цесарь и государь», «не токмо Цесарская жалованная грамота», «по вышеназначенному Цесарскому… указу»). Единственным разделом книги, где наименования государственных деятелей последовательно выделяются при помощи прописной буквы, является титульный лист («Государь», «Царь», «Царевїчь», «Князь», «Россїя», «въ Градѣ Москвѣ лѣта Господня 1712 Феѵруарїа»). Поскольку это единственный случай упоминания в книге российских властителей (остальной текст книги является переводом, а значит, упоминаемые в тексте правители — иноземцы), можно предположить, что при написании титулов отечественных правителей прописная буква была необходима, а когда речь шла об иноземцах, прописная буква использовалась факультативно.

Источником, позволяющим проследить, как устанавливались правила использования прописных букв, являются номера «Ведомостей» [Ведомости 1722]. В номере от 19 июня 1722 г. прописные используются только в качестве маркера начала текста (как буквица в рукописных книгах), а имена собственные, титулатура, имена Божии и т. д. пишутся со строчной буквы[11]. А менее чем через месяц (в номере от 5 июля) прописные буквы уже используются в географических названиях («изъ Царя Града»,

[10] [Геометрия 1708: 1–12].

[11] Единственное исключение — выходные данные: «Печатано въ Московской Тѵпографїи 1722, Іунїа въ 19 день». Это исключение показательно, поскольку, как мы видели выше, в богослужебных книгах XVII в. прописные буквы не использовались в основном тексте, но использовались в выходных данных.

«въ островѣ Хїо», «Гишпанскїе офїцеры», «въ Генуа», «изъ Эденбурга»), в титулах, в том числе и иноземных («Министры», «великий Визирь», «для французжскаго Консула»), при характеристике гражданских церемоний («со многою Магнїфїценцїею») и т. д.

Отдельно следует сказать об изданиях богослужебных текстов в гражданской орфографии[12]. Судя по всему, употребление прописных букв в этих книгах принципиально не отличается от их употребления в книгах светского содержания. Так, в молитвослове для матросов, напечатанном гражданским шрифтом в 1727 г., с прописной буквы пишутся слова *Господь*, *Бог*, однако слово *Христос* пишется со строчной («Господи Їисусе хрїсте») [Указ 1727: 1]. При этом в более позднем издании 1741 г. в том же контексте слово *Христос* пишется уже с прописной буквы [Указ 1741: 1]. В издании 1727 г. в ряде случаев после точки следует строчная буква (такое возможно в книгах церковной печати)[13]. В издании 1741 г. после точки прописная буква употребляется уже вполне последовательно.

Можно с уверенностью сказать, что к 1765 г., когда Екатерина II инициировала издание гражданской печатью более 60 церковных служб, система распределения прописных и строчных букв вполне сформировалась. В этих книгах правила употребления прописных букв ничем не отличаются от норм, принятых в то время.

III

Рассмотренный выше материал позволяет сделать вывод, что в книгах церковной печати (в первую очередь это можно сказать о книгах, которые печатались в Москве) прописные буквы наиболее последовательно использовались при написании имен и титулов светских властителей, в то время как остальные слова, включая nomina sacra, писались со строчной, а их особый статус маркировался при помощи знака титла. Этого принципа Московский печатный двор, а затем и Московская синодальная типография придерживались на всем протяжении своего существования. В светских изданиях, напечатанных после орфографической реформы Петра I, знак титла не использовался, однако под влиянием церковных книг память о нем как о маркере сакральности сохраняется[14]. Единственным стандартным средством, позволяющим выделять имена собственные

[12] О таких изданиях XVIII в. см.: [Кравецкий 2017: 228–229; Кравецкий 2019; 2021].

[13] В церковнославянских грамматиках среди знаков препинания упоминается «малая точка».

[14] Характерно, что в грамматике русского литературного языка, составленной в 30-е годы XVIII в. В. Е. Адодуровым, имеется большой раздел, посвященный знаку титла. В нем говорится, что в печатных книгах титло не используется, а в скорописи хоть и используется, но исключительно как знак сокращения и не указывает на важность предмета [Успенский 1975: 119].

и другие значимые слова, стали прописные буквы. В первых книгах, напечатанных по новой гражданской орфографии, мы наблюдаем полный разнобой в употреблении прописных букв. Однако к середине века норма более или менее стабилизуется.

Если в грамматике Ломоносова (1757 г.) раздел о прописной букве ограничивается самым общим указанием на то, что прописной буквой «имена почтенные и собственные начинаются» [Ломоносов 1952: 437], то в более поздних грамматиках уже содержатся достаточно пространные разделы, описывающие случаи употребления прописных букв. В «Начальных правилах русской грамматики» Н. Греча, выдержавших в 1828–1858 гг. одиннадцать изданий, сказано, что с прописной буквы начинаются «наименования собственные, из какой бы части речи они ни были составлены», «наименования истинного Бога и определения оных», «имена, титла (и относящиеся к ним слова определительные) Державных и Высочайших Особ пишутся сплошь прописными буквами», «Чины и титла, названия народов, людей, исповедующих какую-либо Веру, собственные наименования наук и художеств, наименования судилищ, присутственных мест и проч.» [Греч 1842: 127].

Можно сказать, что в XIX в. кодифицированные нормы использования прописных букв в книгах гражданской печати начинают восприниматься как универсальные. В результате расширяется степень их использования и в книгах церковной печати. Именно в этом контексте следует рассматривать начавшуюся в 1876 г. дискуссию между Московской и Санкт-Петербургской синодальными типографиями об использовании прописных букв в книгах церковной печати. Если Московская типография предлагала следовать прежней норме и использовать прописные буквы исключительно для выделения начала текстового фрагмента или стиха, то справщики Санкт-Петербургской типографии считали, что написание слова *бог* со строчной буквы является демонстрацией неуважения к Богу. В ходе этой дискуссии выяснилось, что не существует описания церковнославянской орфографии и грамматики, на которое книжные справщики могли бы ориентироваться. Участники дискуссии воспринимали правила русской гражданской орфографии как общенациональные и пытались распространить их действие и на книги церковной печати. В конечном счете победила традиционная орфография и предложение использовать в богослужебных книгах прописные буквы в соответствии с предписаниями грамматик русского языка было отвергнуто (подробнее см. в [Кравецкий 2015]). Однако сам факт этой дискуссии показывает, что к середине XIX в. представления о нормативном правописании ассоциировалось с грамматиками русского языка даже в тех случаях, когда речь шла о церковнославянском языке.

Источники

Ведомости от 19 июня и 5 июля. М., 1722. 16 с.

Геометрıа славенскı sемлемѣрıе… М., 1708. 233, [11], 4 с.

Греч Н. И. Начальные правила русской грамматики. СПб.: В типографии издателя, 1842. 144 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 996 с.

Прıклады како пішутся комплементы… М., 1712. 300 с.

Соколов Д. Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию [Учительская библиотека по вопросам школьного воспитания и обучения. Вып. IV]. СПб.: Редакция журнала «Народное образование», 1907. 40 с.

Указ всем во флоте Российском обретающимся… коим образом и в которое время… приносить Господу Богу моления. СПб., 1727. 21 с.

Указ всем в войске Российском обретающимся… коим образом и в которое время… приносить Господу Богу моления. СПб., 1741. 24 с.

Литература

Кравецкий А. Г. Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876–1892) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 127–163.

Кравецкий А. Г. К истории и предыстории литургических переводов XVII–XXI вв. // Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Monotematický súbor štúdií / Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, Slovenský komitét slavistov / ed. by P. Žeňuch, P. Zubko. Bratislava: Veda, 2017. С. 227–238.

Кравецкий А. Г. Церковная служба как часть государственного церемониала: об одном эксперименте Екатерины II // Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции (Рим — Салерно, 4–9 февраля 2019 г.) / Отв. ред. И. Вернер, Н. Запольская, М. Обижаева. М.: Индрик, 2019. С. 112–115.

Кравецкий А. Г. Гражданский шрифт в изданиях богослужебных текстов XVIII века: сборники молитв для матросов и солдат // Труды Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова. № 1. 2021. С. 186–204.

Кузьминова Е. А. (сост.). Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой. М.: Издательство МГУ, 2000. 528 с.

Осипов Б. И. Судьбы русского письма. История русской графики, орфографии и пунктуации. Москва–Омск: Издательский центр «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М.: Наука, 1975. 231 с.

References

Kravetsky A. G. [Materials of the debate on the use of capital letters in church press books (1876–1892)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, no. 5. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2015, pp. 127–163. (In Russ.)

Kravetsky A. G. [History and prehistory of liturgical translations of the 17th–21st centuries]. *Liturgicke yazyky v duchovnei kulture Slovanov*. Ed. by P. Žeňuch, P. Zubko. Bratislava, Veda Publ., 2017, pp. 227–238. (In Russ.).

Kravetsky A. G. [Church service as part of state ceremony: an experiment of Catherine II]. *Devyatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniya. Materialy konferentsii (Rim — Salerno, 4–9 fevralya 2019 g.)* [Ninth Roman Cyril and Methodius readings. Conference proceedings (Rome — Salerno, February 4–9, 2019]. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 112–115. (In Russ.)

Kravetsky A. G. [Civil script in publications of liturgical texts in the 18th century: Collections of prayers for sailors and soldiers]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2021, no. 1, pp. 186–204. (In Russ.)

Kuzminova E. A. *Grammatiki Lavrenitya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Grammars of Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky]. Compilation and commentary by E. A. Kuzminova. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2000. 528 p.

Osipov B. I. *Sud'by russkogo pis'ma* [The fate of Russian writing]. Moscow — Omsk, Publishing Center "Omsk Scientific Bulletin", 1995. 319 p.

Uspenskii B. A. *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke* [The first Russian grammar in the native language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 231 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 82–89

Из истории русского языка

Утро вечера мудренее?

Алексей Александрович Кретов, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), kretov@rgph.vsu.ru

DOI: 10.31857/S013161170017979-5

АННОТАЦИЯ: В русской пословице *Утро вечера мудренее* ‘сложный вопрос лучше отложить до утра: утреннее решение будет разумнее’ смысл целого противоречит современному значению слова *мудрёный* ‘трудный для понимания, выполнения и т. п.; сложный’. Между тем народные говоры знают и исторические словари отмечают у слова *мудрёный* также значение ‘умный, разумный, сообразительный’. В этом значении слово *мудрёный* нередко употребляется и в русских народных сказках. «Словарь русского языка XI–XVII веков» и «Словарь русского языка XVIII века» отмечают у слова *мудрёный* значение ‘связанный с проявлением разума, благоразумия, мудрости; мудрый, разумный’ и ставят ему в соответствие пословицу *Утро вечера мудренее*. В XVIII веке значение ‘мудрый, умный’ было вытеснено в сферу просторечия, а вторичное значение ‘сложный, трудный’ осталось стилистически нейтральным. В XX веке исходное значение слова *мудрёный*, закрепленное в пословице, было утрачено литературным языком, но сохранилось в диалектах. Это привело к конфликту между значением пословицы и вторичным значением слова *мудрёный*, противоречащим смыслу пословицы. В системе современного русского литературного языка первичное значение слова *мудрёный* выводится из значения глагола *мудрить* ‘обдумывать решение каких-л. сложных проблем, заданий, искать способ выполнения какой-л. работы’, если видеть в отглагольном прилагательном народный аналог церковно-славянского страдательного причастия, подобный парам *варить — варёный*, *дарить — дарёный*, *морить — морёный* и *мудрить — мудрёный*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, фольклор и литература, паремиология, русская лексикология, историческая лексикология, диалектология, внутренняя форма, пословица *Утро вечера мудренее*
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кретов А. А Утро вечера мудренее? // Русская речь. 2022. № 1. С. 82–89. DOI: 10.31857/S013161170017979-5.

From the History of the Russian Language

"Utro Vechera Mudrenee?" (Is the Morning Wiser Than the Evening?)

Alexey A. Kretov, Voronezh State University (Russia, Voronezh), kretov@rgph.vsu.ru

ABSTRACT: In the Russian proverb *Utro vechera mudrenee* (The morning is wiser than the evening) 'it is better to postpone a complicated issue until the morning: the morning decision will be more reasonable' the meaning of the whole phrase contradicts the modern meaning of the word *mudrenyi* 'difficult to understand, perform, etc.; complex'. Meanwhile, the word *mudrenyi* has the meaning 'clever, reasonable, quick-witted' in folk dialects and historical dictionaries. In this meaning the word *mudrenyi* is often used in Russian folk tales.

The word *mudrenyi* has the meaning 'associated with the manifestation of reason, prudence, wisdom; wise, reasonable' in the "Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries" and the "Dictionary of the Russian language of the XVIII century". These dictionaries put the word in line with the proverb *Utro vechera mudrenee*. In the XVIII century, the meaning 'wise, clever' became colloquial, while the meaning 'complex, difficult' remained stylistically neutral. In the XX century, the standard language no longer used the original meaning of the word *mudrenyi* fixed in the proverb, but dialects preserved it. This led to a conflict between the meaning of the proverb and the secondary meaning of the word *mudrenyi*

which contradicted the meaning of the proverb. If we treat the verbal adjective as a folk analogue of a Church Slavonic passive participle similar to the pairs *varit'* (to boil) — *varenyi* (boiled), *darit'* (to give) — *darenyi* (given) and *mudrit'* (act wisely) — *mudrenyi* (done wisely; wise), the primary meaning of the word *mudrenyi* is derived from the meaning of the verb *mudrit'* 'to think about the solution of some complex problems, tasks, to look for a way to do some work' in the system of the modern Russian standard language.

KEYWORDS: the Russian language, folklore and literature, paremiology, Russian lexicology, historical lexicology, dialectology, internal form, the proverb *Utro vechera mudrenee* (The morning is wiser than the evening)

FOR CITATION: Kretov A. A. *"Utro Vechera Mudrenee?"* (Is the Morning Wiser Than the Evening?). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 82–89. DOI: 10.31857/S013161170017979-5.

The morning is more complicated than the evening
(https://translate.yandex.ru)

The morning is wiser than the evening
(https://translate.google.ru)

С детства из сказок входит в нашу жизнь пословица *Утро вечера мудренее*: — «Что же делать, как же быть?» — «Молись богу да ложись спать; **утро вечера мудренее**. Завтра все узнаешь» [Афанасьев 1984, т. 2: 112], «Не тужи, царевич, ложись лучше спать; **утро вечера мудренее»**, — сказал Иван купеческий сын; сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной» [Афанасьев 1984, т. 2: 221]; «Не плачь, не тужи, — сказала лягушка, — ложись да засни, **утро вечера мудренее**, — все будет исправно!» [Афанасьев 1985, т. 3: 263].

Не менее выразительны в сборнике А. Н. Афанасьева и такие контексты употреблений пословицы: «*Поужинай, помолися да спать ложися* ***утро мудреней вечера!****»; «Ступай, богу молись, да спать ложись;* ***утро вечера мудренее****; к утру все будет сделано»; «Молись-ка Спасу, выпей квасу да ложись спать;* ***утро вечера мудренее****»; «Пошел к реке и лег на берегу под лодку: — Переночую пока здесь, а утром увижу, что делать;* ***утро вечера мудренее****».*

Литературные контексты употребления пословицы близки сказочным: «***Утро вечера мудренее***… *Завтра потолкуем как следует*» (И. Тургенев. Два приятеля); *«Ну, нет, так нет!.. Подождем утра, авось что другое придумаем —* ***утро вечера мудренее***! *А теперь, ребятушки, пора бы и соснуть*» (А. Толстой. Князь Серебряный); *«Несчастные люди, чтоб не гневать Бога, чтоб не совсем отчаиваться, утешают себя пословицею, что "****утро вечера мудренее****", которая иногда и сбывается…»* (А. Островский. Не было ни гроша и вдруг алтын); *«Ну, ступай, спать…* ***Утро вечера мудренее****… Ступай же, спи…»* (П. П. Мельников. В лесах) [Михельсон].

Для всех этих примеров подходит толкование, которое дается словарем Ушакова: «**Утро вечера мудрене́е** (пословица) — утреннее решение будет правильнее; лучше отложить до утра» [Ушаков 1938: 273]. Ср. в Малом академическом словаре (МАС): «**Утро вечера мудрене́е** (*посл.*) — лучше отложить до утра следующего дня (так как решение на свежую голову правильнее, разумнее)» [Евгеньева (ред.) 1983: 308]. Не противоречит ему и толкование В. П. Жукова: «Говорится тогда, когда откладывают решение, исполнение чего-л. до утра в надежде, что утром на свежую голову все будет яснее, виднее» [Жуков 2000: 338].

По этому толкованию получается, что утро «правильнее, разумнее». Однако значение слова *мудрёный*, представленное в «Большом академическом словаре» (БАС), прямо противоположно: «**МУДРЁНЫЙ**… *Разг.* **1.** Трудный для понимания, выполнения и т. п.; сложный. *На первый взгляд кажется,* ***мудрёная*** *вещь, а как всмотришься поближе, да вдумаешься хорошенько, видишь — вещь очень* ***простая****.* Железнов, Уральцы. — *Довольно-таки* ***мудрёная*** *задача, господин полковник, — ответил поручик, — с тремястами человек, без артиллерии задержать шестидесятитысячную армию.* Степан. Порт-Артур» [Балахонова (ред.) 2008: 468].

Налицо противоречие между пониманием пословицы и слова *мудрёный*. Получается, что *утро* труднее, сложнее для понимания, чем *вечер*. А это противоречит не только употреблению и толкованию пословицы, но также жизненному опыту и здравому смыслу, подтверждаемым наукой: с утра думается лучше.

В том же БАСе слово *мудрёный* трактуется как прилагательное: «**МУДРЁНОСТЬ** Свойство по знач. прил. мудрёный» [Балахонова (ред.) 2008: 468]. Между тем по форме это не обычное прилагательное, а отглагольное — от глагола *мудрить*. Ср. *варить — варёный*, *дарить — дарёный, морить — морёный.*

У глагола **МУДРИТЬ** словарь дает два интересных для нас значения: «*Разг.* **1.** Обдумывать решение каких-л. сложных проблем, заданий, искать способ выполнения какой-л. работы. <…> *Вот и* ***мудри*** *тут, вот*

и придумывай, под каким инженерным соусом подать студентам математическое жаркое. Шулейкин, Дни прожитые.

2. Делать что-л. излишне сложно, искать более сложные решения чего-л., пренебрегая простыми и ясными путями. <…> — *Я их [суда] на бревна посажу, зацеплю лебедкой.. — и баста! Нечего тут* ***мудрить****, спокон веков так таскали*. Устьянцев, Почему море соленое» [Балахонова (ред.) 2008: 460–470].

Второму значению глагола *мудрить* ‘усложнять’ соответствует отмеченное там же значение слова *мудрёный* ‘усложнённый: трудный, сложный’.

Тогда его первому значению ‘применять мудрость к решению сложных проблем’ должно соответствовать слово со значением ‘умудрённый: умный, разумный, сообразительный’.

Именно такое значение у этого слова и фиксирует «Словарь русских народных говоров»: «**Мудрёный** и **му́дреный** 1. Му́дреный. Умный, разумный, сообразительный. *Там ребята хороши, вочень му́дреные*. Смол., 1914» [Сороколетов (ред.) 1982: 330].

В этом же значении слово *мудрёный* употребляется и в русских народных сказках.

> «*Василиса Премудрая* ***хитрей, мудреней*** *своего отца уродилась, он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть*» [Афанасьев 1984, т. 2: 266]; «*А Сенька Малый шел позади и вырезал из дядиных сапогов подметки. “Ну, Сенька, — сказал дядя, — я хитер, а ты* ***хитрее*** *меня!”. Идут они дальше; а навстречу им три мужика, ведут на базар быка продавать. “Как бы нам, дядюшка, этого быка достать?” — спрашивает Сенька. “Эх ты; ведь теперь не ночь; серед бела дня не украдешь”. “Небось украду!” “Что ж ты, али и взаправду* ***мудреней*** *дяди хочешь быть?”*» [Афанасьев 1985, т. 3: 109–110]; *«И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтоб от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все это сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно* ***мудрен****, а если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы»* [Афанасьев 1984, т. 2: 39]; *«Царь рассудил, что и того Семиона учить не надобно, потому что он и так* ***мудрен»*** [Афанасьев 1985, т. 3: 232].

Следовательно, в пословице *Утро вечера мудренее* закрепилось более древнее значение слова *мудрёный* ‘наделённый способностью легко

понимать сущность явлений действительности; умный, знающий, проницательный' от значения глагола *мудрить* 'делать(ся) мудрым; действовать мудро'.

Оба эти значения в наречии *мудренó* отмечены еще в конце XVIII века, ср. «Словарь академии Российской»: «**Мудренó**. нар., 1) Искусно, чудно, хитро. *Сделано мудрено.* 2) Трудно, нелегко. *Мудрено это делать, Мудрено жить в свете* [САР 1793: 315].

Современный взгляд на язык XVIII века представлен в [СлРЯ XVIII в.]: «**МУДРЕ́НЫЙ…** 1. Требующий мудрости, опыта, знаний для исполнения или понимания; сложный, трудный. *Изволили уже, надеюсь, вы разуметь, что вся сия мудрость не столько в самом деле* ***мудрена****, сколько она вам сперва показалась.* Трд. Ортогр. 24.

2. *Прост*. Мудрый, умный. *Хитрее,* ***мудренее****, смысленее лисицы быти*. ВЛ 483. <…> *Как он был человек не гораздо* ***мудреный****, то и высококумие его не далеко простиралось.* Зап. Блтв Ш 369| *В посл.* **Утро вечера мудренее.** Брсв Посл. 219. *Так не к чему спешить;* ***день ночи мудренее.*** Дмтр. I 90 [СлРЯ XVIII в., 2003: 59–60].

В древнерусском языке просторечное в XVIII веке значение было первым: «**МУДРЕНЫЙ…** 1. Связанный с проявлением разума, благоразумия, мудрости; мудрый, разумный. *Растет… душа тъщаниемъ* ***мудрьнымъ****.* Пч., 153. XIV–XV в.в. XIII в. ***Утро вечера мудренѣе.*** Сим. Послов., 145. XVII в.

2. Сложный, искусный, замысловатый. *Город высокъ и хорошъ и* ***мудренъ*** *деломъ.* Петлин, 290.1618 г.» [СлРЯ XI–XVII в.: 294].

Эти два значения имеют соответствие в глаголе *мудрити* и наречии *мудрено*: «**МУДРИТИ,** 1. Учиться мыслить, рассуждать <…> 3. Обращаться к кому-л. с хитроумным словом, предложением» [СлРЯ XI–XVII в.: 294]. «**МУДРЕНО**, *нареч*. 1. С большим умом, мудро, разумно. <…> 2. Сложно, искусно, замысловато <…>» [СлРЯ XI–XVII в.: 293–294].

Ослабление первичного значения у глагола и утрата (в литературном языке) отглагольным производным этого значения при сохранении вторичного значения и привели к затемнению внутренней формы пословицы для носителей современного русского литературного языка.

Литература

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах (серия «Литературные памятники») // Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Т. I–III. М.: Наука, 1984–1985.

Балахонова Л. И. (ред.). Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; Т. 10 (Медяк — Мячик). М.: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2008. 573 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К–О / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд. (испр. и доп.). М.: Рус. яз., 1983. 736 с.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотипное. М.: Рус. яз., 2000. 544 с.

Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. Т. 1–2. СПб.: тип. Ак. наук, 1896–1912. 2208 с.

САР — Словарь Академии Российской. Часть IV, от М до Р. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, 1793.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Текст / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) и др. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 358 с.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13 (Молдавский — Напрокудить). СПб.: Наука, 2003. 272 с.

Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 18 (Масленичек — Мутарсливый). Л.: Наука, 1982. 368 с.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. II (К–Ояловеть). М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. 1040 с.

References

Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki* [Russian folk tales. The series “Literary monuments”]. Prepared by L. G. Barag, N. V. Novikov, V. I–III. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985.

Balakhonova L. I. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; V. 10 (Medyak — Myachik). Moscow, Nauka Publ.; St. Petersburg: Nauka Publ., 2008. 573 p.

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. V. 2 *K–O*]. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Language. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 736 p.

Mikhel'son M. I. *Khodyachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazhenii i otdel'nykh slov* [Walking and apt words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words]. St. Petersburg, Academy of Sciences, 1896–1912. 2208 p.

SAR — *Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy of Sciences]. Part IV (from M to R). St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1793.

SlRYa XI–XVII vv. — *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Tekst* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Text]. SA SSSR, Institute of the Russian Language; ed.: S. G. Barkhudarov. Moscow, Nauka Publ., 1982, is. 9, pp. 358.

SlRYa XVIII v. — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Moldavskii — Naprokudit'* [Dictionary of Russian of the XVIII century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, is. 13. 272 p.

Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Maslenichek — Mutarslivyi* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, is. 18. 368 p.

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language. V. 2 (K–Oyalovet')]. Moscow, Gos. Izd. Inostr. I Naz. Slovarei, 1938. 1040 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 90–105

Язык художественной литературы

Иноязычная лексика в письмах А. П. Чехова

Юлия Георгиевна Захарова, Тихоокеанский государственный университет (Россия, Хабаровск), 009687@pnu.edu.ru

DOI: 10.31857/S013161170017984-1

АННОТАЦИЯ: Письма А. П. Чехова анализируются в историко-лексикологическом аспекте как важный источник изучения иноязычной неологии в русском языке (речи) второй половины XIX в. Рассматриваются применяемые в современной лингвистике термины *иносистемная* и *интерсистемная лексика*, а также критерии, позволяющие считать иноязычное слово вошедшим в лексическую систему языка-реципиента. Иносистемные единицы демонстрируют начало или предысторию процесса заимствования некоторых слов. Они передаются латинской графикой полностью или частично перекодируются, чаще всего используются в письмах из-за границы и связаны с отражением европейской жизни. Интерсистемные лексемы перекодированы графико-фонетически (при помощи транскрипции или транслитерации) и морфологически, но не вошли в систему русского литературного языка. Вместе с тем они представляют интерес, поскольку были довольно частотными в речи и обладали словообразовательным потенциалом (ср. *инсипид — инсипидный — инсипидно*). Эпистолярные тексты отражают и иноязычные заимствования второй половины XIX в. — субстантивную, глагольную, адъективную лексику. Нередко она становится объектом метаязыковой рефлексии, которая позволяет судить о времени появления слова в русском языке, особенностях его семантической адаптации, прагматических характеристиках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неология XIX в., иносистемная, интерсистемная лексика, лексическое заимствование, адаптация иноязычного слова

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Захарова Ю. Г. Иноязычная лексика в письмах А. П. Чехова // Русская речь. 2022. № 1. С. 90–105. DOI: 10.31857/S013161170017984-1.

The Language of Fiction

Foreign Language Vocabulary in the A. P. Chekhov's Letters

Yuliya G. Zakharova, Pacific State University (Russia, Khabarovsk), 009687@pnu.edu.ru

ABSTRACT: The letters by A. P. Chekhov are analyzed as an important source of studying foreign language neology in the Russian language (speech) of the second half of the XIX century. The terms foreign-system and intersystem vocabulary used in modern linguistics are considered, as well as criteria that allow to affirm incorporation of a foreign-language word into the lexical system of the recipient language.

Foreign-system units illustrate the beginning or prehistory of the process of borrowing of some words. They are either fully transmitted by Latin script or partially recoded; most often they are used in letters from abroad and associated with descriptions of European life. Intersystem lexemes are transcoded graphically and phonetically (using transcription or transliteration) and morphologically, but they are not included in the system of the Russian literary language. At the same time, they are of interest because they were quite frequent in speech and had word-forming and semantic potential (for example, *insipid* — *insipidnyi* — *insipidno*). Epistolary texts also reflect foreign language borrowings of the second half of the XIX century, including substantive, verbal, and adjectival vocabulary. Often such borrowings become the subject of metalanguage reflections, which makes it possible to assess the time of a word's appearance in the Russian language, the features of its semantic adaptation and pragmatic characteristics.

KEYWORDS: neology of the XIX century, foreign-system, intersystemic vocabulary, lexical borrowing, adaptation of a foreign word

FOR CITATION: Zakharova Yu. G. Foreign Language Vocabulary in the A. P. Chekhov's Letters. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 90–105. DOI: 10.31857/S013161170017984-1.

Письма А. П. Чехова представляют большой интерес для изучения различных лексико-семантических процессов второй половины XIX в., в том числе заимствования на разных его этапах, употребления в русской речи иносистемных и интерсистемных единиц. Вместе с тем письма литератора до сих пор не были предметом специального историко-лексикологического исследования.

В традиционных классификациях иноязычных слов по степени их ассимиляции в принимающем языке выделяют несколько групп: лексические заимствования, которые занимают первое место как полностью освоенные [Маринова 2018: 77], кроме того, варваризмы, иноязычные вкрапления [Добродомов 1990: 158].

В современной лингвистике также разработана классификация лексики иноязычного происхождения в семиотическом аспекте, т. е. с точки зрения межъязыкового перекодирования или переключения кодов.

Кодовым переключением называют переход с одного языка на другой [Вайнрайх 1972: 28; Хауген 1972: 69]. В результате кодового переключения появляется иносистемная лексика — знаки не основного, а иного кода сообщения, и в одном контексте сосуществуют единицы различных знаковых систем — иноязычные и исконные [Проценко 2006: 96].

На наш взгляд, Е. А. Проценко предложен удачный термин — *интерсистемная лексика*, под которым лингвист понимает единицы, перекодированные по правилам другого языка, существующие на уровне контекста, соотносящиеся с системами двух контактирующих языков, но не принадлежащие ни к одной из них [Проценко 2006: 96]. В отличие от иносистемных, интерсистемные единицы употребляются в графике принимающего языка (т. е. записываются кириллицей), для них характерны процессы словообразовательной, морфологической, семантической адаптации в русском языке. Например, в эпистолярии писателей встречаются слова *фютильность* (франц. *futilité* — «пустота»), *пекуниарный* (франц. *pécuniaire* — «денежный»), *швунг* (нем. *Schwung* — «размах, устремление»), *карбонщик* (итал. *carbonaro* — «угольщик»; «вольнодумец») и др.

Л. П. Крысин считает необходимыми признаками, позволяющими разграничить заимствования и другие типы иноязычных слов, 1) графическую и фонетическую передачу иноязычного слова средствами заимствующего языка, 2) соотнесение его с определенными грамматическими категориями и классами, 3) семантическое освоение иноязычного слова: дифференциацию значений и их оттенков между новыми и существующими в языке словами, 4) регулярную употребляемость в речи: для нейтральной лексики — в различных жанрах литературной речи, для терминологии — устойчивое употребление в своей терминологической области, наличие парадигматических отношений с терминами данного терминологического поля [Крысин 2004: 44–50].

Л. П. Крысин подчеркивает, что фиксация иноязычного слова в толковом словаре является завершающим этапом его освоения, поскольку большинство словарей русского языка являются нормативными. Полагаем, что этот критерий может быть применим к лексике, заимствованной русским языком во второй половине XIX в. Широкое отражение слова в энциклопедических словарях, толковых словарях иностранных слов, толковых словарях русского языка (в том числе академических) этой эпохи свидетельствует о его узуальном характере, освоенности принимающим языком.

Вместе с тем отсутствие слова в указанных словарях или фиксация его только в иноязычной графике не всегда говорят о том, что оно не было освоено языком, поскольку словари могли значительно отставать от речевой практики. В связи с этим привлекались данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ, ruscorpora.ru), которые позволяют определить приблизительное время начала употребления слова и частотность его использования. Привлекался также «Исторический словарь галлицизмов» Н. И. Епишкина: этот источник содержит богатый иллюстративный материал, во многом помогающий датировать появление галлицизмов в русском языке и определить степень их распространенности.

В состав иносистемных единиц включаем слова, полностью переданные латинской графикой или частично графически перекодированные. Частичное перекодирование представляет собой смешение русской и иноязычной графики: к нетранслитерированному иноязычному слову после апострофа добавляется русское окончание, например:

> *Из* ***express'ов*** *хорош тот, который выходит из Парижа в 11 утра и приходит в Ниццу в полдень* (А. А. Хотяинцевой, 1897, Ницца) [Чехов 1979, т. 7: 130]; *Ехал я из Вены на* ***express'е*** *в I классе* <…> *У меня было отдельное купе* (О. Л. Книппер, 1900, Ницца) [Чехов 1980, т. 9: 151].

Объектом нашего внимания являются те иносистемные единицы, которые отражают самый ранний этап или предысторию слова, позднее вошедшего в состав русского литературного языка. Эпистолярий А. П. Чехова позволяет дополнить картину развития лексической системы русского языка второй половины XIX в., уточнить данные этимологических словарей. В письмах встречаются слова *atelier* (*ателье*), *en face* (*анфас*), *express* (*экспресс*), *mise en scène* (*мизансцена*), *plage* (*пляж*), *saldo* (*сальдо*), *service* (*сервис*), *vernissage* (*вернисаж*).

Бóльшая часть иносистемных единиц употреблена в письмах, которые были отправлены из-за границы, и связана с непосредственным влиянием языка-источника, с отражением жизни и быта другой страны.

Слово *вернисаж* используется в письмах А. П. Чехова 1898 и 1899 г., самые ранние примеры употребления в НКРЯ датируются 1908 г. Первую фиксацию в кирилловской графике существительное получает в 1901 г. в Большой энциклопедии под редакцией С. Н. Южакова: «*Вернисажъ* — у франц. художников канун открытия парижского Салона для публики, своего рода “генеральная репетиция” последнего» [Южаков 1901: 681].

А. П. Чехов использует слово в частично перекодированном виде, с русским окончанием:

> *Здоровье мое немножко лучше, чем в тот день, когда мы вместе были на* ***vernissag'e*** (И. Я. Павловскому, Ялта, 1899) [Чехов 1980, т. 8: 38].

Новизну, неосвоенность слова в русском языке подчеркивает метаязыковая рефлексия: словосочетание *так называемый*, пояснение в контексте:

> *Был в Salon'e на* <u>*так называемом*</u> ***vernissag'e*** *—* <u>*это канун открытия*</u>*, когда в Salon'e не протолпишься* (М. П. Чеховой, Париж, 1898) [Чехов 1979, т. 7: 203].

Существительное *ателье* впервые фиксируется в словаре иностранных слов Бурдона — Михельсона в 1880 г. со значением «мастерская художника, живописца» [Черных 1999, т. 1: 58]. Слово также получило отражение в словарях иностранных слов А. Н. Чудинова [Чудинов 1894: 130], энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [ЭСБЕ 1890, т. 2: 420], однако одно из писем А. П. Чехова показывает, что в конце XIX в. его графический облик варьировался, слово могло употребляться во французской графике:

> *Ежедневно с 8 утра до 12 я пребываю в* ***atelier*** *художника, который пишет меня* (С. Н. Филиппову, Ницца, 1898) [Чехов 1979, т. 7: 189].

Судя по материалу словаря галлицизмов Н. И. Епишкина, русский графический облик слова окончательно закрепился только в XX в. [Епишкин 2010]. Наречие *анфас* (франц. en face) получает отражение в словарях русского языка поздно — с 1935 г. [Ушаков 1935]. Первый пример графически и фонетически (при помощи транскрипции) перекодированной единицы со слитным написанием (*анфас*) встречается в НКРЯ в 1909 г. Письмо А. П. Чехова показывает, что начало употребления слова во французской графике в значении термина портретного искусства («напротив, лицом к художнику, фотографу») приходится на конец XIX в.:

> *Меня пишет Браз. Мастерская. Сижу в кресле с зеленой бархатной спинкой.* ***En face*** (А. А. Хотяиновой, Ницца, 1898) [Чехов 1979, т. 7: 190].

Употребление некоторых иносистемных единиц отражает предысторию вхождения какого-либо слова в русский язык. По данным НКРЯ, слово *сервис* в латинской и кириллической графике встречается в русских текстах с конца XVIII в. при описании заграничной жизни. Первые окказиональные заимствования лексемы были из английского языка. Например, ее употребляет Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1793) [НКРЯ]. Во второй половине XIX в. отмечается влияние французского языка, существительное используется в контекстах, связанных с жизнью во Франции [Епишкин 2010]. Ср. у А. П. Чехова:

> *Жизнь здесь дешевая. За 14 франков мне дают комнату во втором этаже,* ***service*** *и все остальное* (А. С. Суворину, Биарриц, 1897) [Чехов 1979, т. 7: 49].

Заимствование слова *сервис* в конечном счете было связано с английским языком, но появилось оно только в 30–40 гг. XX в. С пометой «*нов.*» существительное фиксируется, например, в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1940, т. 4: 153].

Длительной оказалась и история вхождения лексемы *экспресс* (франц. *express*) в русский язык. По наблюдениям П. Я. Черных, это существительное в современном значении («скорый поезд») впервые отмечается в письме А. И. Герцена 1859 г. при упоминании заграничных условий транспорта [Черных 1999, т. 2: 443]. Все примеры из НКРЯ, которые датируются 70–90 гг. XIX в., также относятся к названию заграничных поездов. В приведенных выше контекстах из писем А. П. Чехова слово используется во французской графике. Таким образом, лексема была заимствована русским языком не ранее начала XX в. Первую фиксацию она получает в третьем издании словаря В. И. Даля [Даль 1909, т. 4: 1531].

Термин бухгалтерии *сальдо* впервые фиксируется в качестве заимствования из итальянского языка в словаре иностранных слов А. Д. Михельсона (1883): «остаток, подлежащий уплате по заключении счетов; состояние счета» [Михельсон 1883: 614]. Судя по письму А. П. Чехова, слово окончательно не было адаптировано в русском языке до конца XIX в., поскольку употребляется автором в качестве иносистемной единицы:

Попросите Вашего бухгалтера, чтобы он понатужился и, несмотря на недосуг, устроил бы так, чтобы с 1-го января не было никаких ***saldo*** (А. С. Суворину, Мелихово, 1894) [Чехов 1977, т. 5: 345].

Существительное *пляж* получает отражение в словарях с XX в., впервые — в третьем издании словаря В. И. Даля: «Пляж фрн. plage, морской берег, особ. в курортах» [Даль 1907, т. 3: 336]. Письма А. П. Чехова позволяют датировать начало вхождения лексемы в русский язык концом XIX в. Наряду с ее иносистемным вариантом употребляется графически и фонетически (с помощью транскрипции) перекодированный:

Несмотря на дурную погоду, на ***plage'e*** *кипит жизнь. Езда, крики, смех, трубные звуки* (А. И. Суворинoй, Биарриц, 1897) [Чехов 1979, т. 7: 46]; ***Plage*** *интересен; хороша толпа, когда она бездельничает на песке* (А. С. Суворину, Биарриц, 1897) [Чехов 1979, т. 7: 50]; *Пусть Варвара Алексеевна продаст или подарит кому-нибудь участок в Туапсе, а я ей найду кусочек* ***пляжа*** *с бухтой, с купаньем в Крыму* (В. М. Соболевскому, Ялта, 1900) [Чехов 1980, т. 9: 18].

Н. М. Шанский отмечал, что существительное *мизансцена* было заимствовано из французского языка в первой трети XX в. Самый ранний пример употребления лексемы в русском языке (в форме множественного числа — *мизансцены*) встретился ученому в книге П. А. Маркова «Новейшие театральные течения» (1924) [Шанский 2007, т. 10: 191].

Началом вхождения существительного в русский язык можно считать конец XIX в. В письмах А. П. Чехова 90-х гг. оно употребляется во французской графике, род согласуемых слов варьируется — женский или мужской:

Если случится быть в Москве, то побывайте в театре «Эрмитаж», где ставят пьесы Станиславский и Вл. Немирович-Данченко. ***Mise en scène*** *<u>удивительная</u>, еще небывалая в России. Между прочим, ставится и моя злосчастная «Чайка»* (П. Ф. Иорданову, Ялта, 1898) [Чехов 1979, т. 7: 272]; *То, что составляет Вашу авторскую индивидуальность, у Вас на заднем плане, а не на переднем —* ***mise en scène*** *с <u>ее</u> шумихой, явления и уходы, роли* <…> (Е. П. Гославскому, Мелихово, 1899) [Чехов 1980, т. 8: 171];

Он сказал, что будет печатать пьесы с декорациями, гримом, с полным ***mise en scène*** *и проч. и будет продавать недорого* (Вл. И. Немировичу-Данченко, Мелихово, 1899) [Чехов 1980, т. 8: 200].

Существительное встречается в 90-х гг. у других авторов и в кирилической графике, но род также варьируется:

*Впрочем, она говорила, что он может ставить «****мизансцен****» как угодно* (П. Гнедич. За рампой. 1892) [НКРЯ];

Вся постановка «Федора» для Литературного кружка <…> была заказана и сделана в течение минувшего лета, никаким изменениям осенью не подвергалась и совершенно не соответствует московской ***мизансцене*** [НКРЯ].

Среди интерсистемных единиц интерес вызывают лексемы, переданные в письмах русской графикой, не отраженные в толковых, энциклопедических словарях XIX в., не вошедшие в состав литературного языка, но при этом обладавшие определенной распространенностью в речи во второй половине XIX в. В письмах А. П. Чехова встречаются слова *жен-премьер, мизерабельный, инсипид.*

Французское существительное *jeune premier* (*жен-премьер*) встречается в разных источниках с 50-х гг. XIX в. в вариантах, перекодированных при помощи транскрипции: *жон-премье* (1854), *жен премье* (1897) — или транслитерации: *жен-премьер* (1863), (1880) — у А. Ф. Писемского [Епишкин 2010], ср. в письме А. П. Чехова:

Что же это Вы ни строчки не написали мне о литературно-арт<истическом> обеде? Во всех литературно-артистических предприятиях всегда литераторы были на седьмом плане; передовой отряд всегда составляли ***жен-премьеры****, осипшие тенора, адвокаты-неудачники и разведенные дамы* (Н. А. Лейкину, Мелихово, 1893) [Чехов 1977, т. 5: 195–196].

Слово *жен-премьер* не вошло в состав русского литературного языка, но впервые фиксируется в качестве термина театрального арго в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «Драматический артист, исполняющий роли первого любовника» [Ушаков 1935, т. 1: 858].

Прилагательное *мизерабельный* было образовано при помощи суффикса *-н-* для передачи французского *miserable* «худой, дрянной, плохой, жалкий» [Макаров 2004: 805]:

Продажа, учиненная мною, может показаться невыгодной <…>, но она тем хороша, что развязала мне руки. <…> К тому же Маркс издает великолепно. Это будет солидное издание, а не ***мизерабельное*** (М. П. Чеховой, Ялта, 1899) [Чехов 1980, т. 8: 52].

Это прилагательное в русском фонетическом и словообразовательном облике стало активно употребляться со второй половины XIX в. в письмах, дневниках, художественной литературе [Епишкин 2010]. Оно отражено с пометой *устар*. в большом и малом академическом словарях современного русского языка, но в лексикографических изданиях XIX в. не фиксируется.

Судя по письмам русских писателей, в конце XIX — начале XX вв. в речи определенное распространение получило французское слово *insipide* — «безвкусный; нескладный, нелепый, пошлый» [Макаров 2004: 703], образованный от него при помощи суффикса *-н-* адъектив *инсипидный* и наречие *инсипидно*. Иносистемное прилагательное *insipide* и интерсистемные лексемы *инсипидный, инсипидно* русские литераторы употребляли в значениях «бесцветный, пресный, невыразительный, скучный»; «бесцветно, скучно».

Л. Н. Толстой:

Горе мое, милая Танечка, что в этом присесте писания писем ответ на твое попал последним. Постараюсь все-таки не быть слишком ***insipide*** (Т. Л. Сухотиной, Ясная Поляна, 1902) [Толстой 1984, т. 20: 532].

М. Е. Салтыков-Щедрин:

А Феоктистов по поводу «Чижикова горя» говорит, что скучнее и ***инсипиднее*** *ничего он не знает, даже дочитать не мог. Выходит, что ежели я цензурно пишу, то никуда не гожусь; ежели нецензурно, то меня имеют в виду* (В. М. Соболевскому, Петербург, 1885) [Салтыков-Щедрин 1977, т. 20: 122];

Получил я Ваше письмо и много Вам благодарен. И за общий отзыв о моей книге и за высказанное Вами, по ее поводу, замечание. И рад буду, если книга моя даст Вам хоть несколько минут развлечения в немецком захолустьи, которое зимою должно быть порядочно ***инсипидно*** (П. В. Анненкову, Петербург, 1882) [Салтыков-Щедрин 1977, т. 19, кн. 2: 141].

А. П. Чехов в одном из писем употребляет интерсистемное слово *инсипид* со значением субстантивата — «пошляк». Такое значение отсутствовало во французском языке, по-видимому, оно является индивидуально-авторским:

К великому моему удовольствию, приехала к нам изумительная астрономка. <…> Во-первых, она свободна и самостоятельна, во-вторых, она не признает мужчин, в-третьих, все печенеги и ***инсипиды*** *<…>* (А. С. Суворину, Богимово, 1891) [Чехов 1976, т. 4: 257].

Письма А. П. Чехова отражают большой приток заимствованной лексики в русский язык второй половины XIX в.:

— субстантивной — а) наименования лиц по роду занятий, политическим взглядам, состоянию здоровья: *дегенерат, декадент, инженю, крупье, марксист, портье, рантьер*; б) отвлеченные существительные: *апломб, милитаризм, морфинизм, олеография, популяризация, факельцуг, эксцесс, эмоция* и др.;
— глагольной — *бойкотировать, дозировать, интервьюировать, прогрессировать, пульверизовать, специализироваться, телефонировать, узурпировать, утилизировать, штудировать*;
— адъективной — *альтруистический, тенденциозный, претенциозный* и др.

В составе заимствованных лексем интерес вызывают прежде всего те, которые являются объектом авторской рефлексии. Метаязыковая рефлексия позволяет судить о новизне иноязычного слова, степени его освоенности, распространенности, стилистической маркированности и др. По замечанию Э. А. Китаниной, «авторские рефлексии представляют собой объективацию мыслей адресанта, связанных с "качествами" иноязычного слова, и поэтому чрезвычайно важны для характеристики прагматических свойств "чужих" элементов» [Китанина 2005: 10].

В письме может содержаться прямое указание на то, что писатель слышит иностранное слово впервые:

> *Прав тот доктор, мой товарищ по гимназии, мною забытый, который неожиданно прислал мне из кавказской глуши письмо; он пишет: «Все лучшие интеллигенты приветствуют переход Ваш от пантеизма к антропоцентризму». Что значит* ***антропоцентризм****? Отродясь не слыхал такого слова* (А. С. Суворину, Мелихово, 1893) [Чехов 1977, т. 5: 164].

В качестве метаоператоров в данном случае выступают метаязыковой термин, называющий языковую единицу, — *слово*; вопросительное предложение и метаязыковой комментарий, указывающий на новизну лексемы. Интересно, что адресант упомянутого А. П. Чеховым письма, И. И. Островский, также сопровождает слово *антропоцентризм* вводным предложением, свидетельствующим о неуверенности автора в правильности употребленного им слова, его редкости, неосвоенности языком:

> *Лучшие интеллигенты, читавшие Ваш последний рассказ, приветствуют в нем переход с Вашей стороны от пантеизма к* ***антропоцентризму****, если можно так выразиться. <…> Все таланты и лучшие люди*

должны <…> *парализовать те препятствия, которые стоят на пути решения насущных человеческих вопросов* [Чехов 1977, т. 5: 449].

Существительное *антропоцентризм* (фр. *anthropocentrisme*) в словарях XIX — начала XX вв. не отражено. В словаре иностранных слов под редакцией Ф. Н. Берга фиксируется только термин *антропоцентрическое миросозерцание* [Берг 1901: 48], а в энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона (1912) — *антропоцентрическое мировоззрение* [ЭСБЕ 1912, т. 3: 101]. Первые примеры употребления термина в НКРЯ датируются 1907 г.

Новое иноязычное слово может толковаться в тексте при помощи пояснительной конструкции, что свидетельствует о возможном незнании его значения адресатом:

Кстати: в Милане я осматривал ***крематорию****, т. е. кладбище, где сожигают покойников* <…> (М. П. Чеховой, Милан, 1894) [Чехов 1977, т. 5: 320].

Существительное *крематорий* могло быть заимствовано из французского или немецкого языка. Первый крематорий в Париже, который был построен в 1886 г., назывался *crématorium*, это существительное было новообразованием к *crémation* [Черных 1999, т. 1: 442]. Латинизированное существительное *Krematorium* в конце XIX в. появилось и в немецком языке [Шанский 1982, т. 8: 380]. Судя по письму А. П. Чехова, в русском языке слово первоначально было оформлено как существительное женского рода с флексией *-а*, вариант *крематория* отмечает и Н. М. Шанский в «Курсе гигиены» Ф. Ф. Эрисмана (1887 г.) [Шанский 1982, т. 8: 380].

Слово *графомания* (фр. *graphomanie*) было заимствовано в русский язык в конце XIX в., впервые фиксируется в энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона в 1893 г. Значение неологизма могло быть недостаточно освоено адресатом письма, что приводило к его употреблению в составе плеонастического (лексически избыточного) сочетания. Делая стилистическую правку художественных текстов, А. П. Чехов объяснял подобные ошибки:

Есть 2–3 неловких выражения, которые я подчеркнул. <…> *«Страсть к* ***графомании****» не годится, потому что само слово «графомания» содержит уже в себе понятие — страсть* (Е. М. Шавровой-Юст, Мелихово, 1897) [Чехов 1978, т. 6: 357].

А. П. Чехов неоднократно дает оценку стилистической уместности, оправданности употребления заимствованных неологизмов в художественном произведении. Например, писатель оценивает использование слов *флирт, чемпион, корректный*.

*Я писал Вам не о грубости, а только о неудобстве иностранных, не коренных русских или редкоупотребительных слов. <…> Я мирюсь в описаниях с «коллежским асессором» и с «капитаном второго ранга», но «**флирт**» и «**чемпион**» возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение* (А. М. Пешкову (М. Горькому), Ялта, 1899) [Чехов 1980, т. 8: 11].

*Не изображайте никогда земских начальников. <…> К фигурам новейшей формации, как земский начальник, я питаю такое же отвращение, как к «**флирту**», — и потому, быть может, я не прав* (А. М. Пешкову (М. Горькому), Ялта, 1899) [Чехов 1980, т. 8: 12].

*Такой **корректной** distinguee* («изысканной». — *Ю. З.*) — *это пора уже в тираж погашения, как и слово «флирт»* (Е. М. Шавровой-Юст, Мелихово, 1896) [Чехов 1978, т. 6: 232].

Все три указанных слова были заимствованы из западноевропейских языков в конце XIX — начале XX вв.

Первый пример употребления английского существительного *флирт*, попавшего в русский язык при посредстве французского языка [Черных 1999, т. 2: 317], датируется в НКРЯ 1891 г., а самая ранняя словарная фиксация относится к 1901 г. [Берг 1901: 673]. Согласно П. Я. Черных, слово *чемпион* было заимствовано в русский язык из английского в начале XX в., в словарях иностранных слов отмечается с 1904 г. [Черных 1999, т. 2: 379]. Процитированное письмо А. П. Чехова содержит одни из ранних примеров употребления лексемы в русском языке конца XIX в.

Самые ранние примеры употребления прилагательного *корректный* (фр. *correct*) датируются в НКРЯ 90-ми гг. XIX в. Н. М. Шанский, вслед за Ю. С. Сорокиным, полагал, что французское *correct* «правильный, корректный», восходящее к латинскому языку, в XVIII–XIX вв. во французском получило особое терминологическое значение «тактичный в обращении с людьми, вежливый», и именно в этом значении было усвоено русским языком [Шанский 1982, т. 8: 332]. Однако, судя по материалу словаря иностранных слов М. Попова (1904), семантическая структура прилагательного в русском языке изначально была широкой, включала как прямое, так и производное значения: «исправный; согласный с какими-нибудь правилами; иногда добросовестный» [Попов 1904: 204]. Примеры из НКРЯ также показывают, что прилагательное было заимствовано в русский язык одновременно и в прямом («правильный»), и в переносном («тактичный, вежливый») значениях, свойственных французскому языку:

*Наружности своей он старается придать возможно более **корректный** отпечаток, посвящая ей по крайней мере часа три-четыре в сутки* (А. И. Куприн. Киевские типы. 1895–1897) [НКРЯ];

*Во всяком случае, это, что называется, человек в высшей степени «**корректный**». Слишком глубоко и откровенно ставить вопросы он не любит; но раз вопрос назрел сам собой, он пытается разрешить его по возможности «прилично», то есть все-таки по-человечески* (Н. П. Карабчевский. Речь в защиту Ольги Палем. 1895) [НКРЯ].

Во втором примере новизну слова, моду на него подчеркивают метаоператоры: кавычки, вводное предложение «что называется». В переносном значении, для характеристики человека употребляет прилагательное *корректный* в одном из писем и А. П. Чехов:

*Коломнин **корректный** человек, к тому же он любит Таганрог, и если не прислал телеграммы, то, вероятно, по причинам от него не зависящим* (П. Ф. Иорданову, Ялта, 1898) [Чехов 1979, т. 7: 292].

Таким образом, письма А. П. Чехова позволяют дополнить картину развития русской лексической системы второй половины XIX в., проследить путь иноязычного слова от иносистемной единицы до заимствования. Интерес представляют не только языковые, но и речевые единицы, которые использовались разными авторами XIX в. и обладали семантическим и словообразовательным потенциалом. Особую ценность имеют в письмах метаязыковые контексты, дающие возможность судить о времени появления иноязычного слова в языке-реципиенте, специфике его употребления, семантической и стилистической адаптации.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.08.2021).

Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. М.: Художественная литература, 1978–1985.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1–9. М.: Наука, 1974–1980.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.

Литература

Берг Ф. Н. (ред.). Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М.: Тип. т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1901. 752 с.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты / Сост. и ред. В. Ю. Розенцвейг. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. Под ред. И. А. Бодуэн де Куртенэ. М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.

Добродомов И. Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. С. 158–159.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с. [Электронный ресурс]. URL: http://gallicismes.academic.ru/ (дата обращения: 28.08.2021).

Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2005. 40 с.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь / Подготовлен по изданию 1884 г. М.: АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.

Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 240 с.

Михельсон А. Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. СПб.: Русская типография, 1883. 752 с.

Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 458 с.

Проценко Е. А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 2. С. 92–99.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике / Сост. и ред. В. Ю. Розенцвейг. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999.

Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Изд. В. И. Губинский. 1-е изд. Спб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 989 с.

Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–10. М.: МГУ, 1963–2007.

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

Южаков С. Н. (ред.). Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова [и др.]. СПб.: Книгоизд. т-во «Просвещение», 1901. Т. 4. 794 с.

References

Berg F. N. (ed.). *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. Moscow, Book Publishing Partnership "I. N. Kushnerev i K", 1901. 752 p.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999.

Chudinov A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. V. I. Gubinskii (ed.). 1st ed. St. Petersburg, 1894. 989 p.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: *v 4 t.* [The explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vol]. I. A. Boduen de Kurtene (ed.). 3rd ed. Moscow, Book Publishing Partnership M. O. Vol'f, 1903–1909.

Dobrodomov I. G. [Borrowing]. *Lingvisticheskii ehnciklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Enciklopediya, 1990, pp. 158–159. (In Russ.)

Enciklopedicheskii slovar' [Encyclopedic dictionary]. Ed. by F. A. Brokgauz, I. A. Efron. St. Petersburg, Printing House of the Joint-stock Company Brokgauz-Efron, 1890–1907.

Epishkin N. I. *Istoricheskii slovar' gallicizmov russkogo yazyka* [The historical dictionary of Russian gallicisms]. Moscow, ETS, 2010. 5140 p. Available at: http://gallicismes.academic.ru/ (access 28.08.2021).

Haugen E. [Language contact]. Rosenzweig V. Y. (Comp. and ed.). *Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Iss. 6. Language contacts]. Moscow, Progress Publ., 1972, pp. 61–80. (In Russ.)

Kitanina E. A. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke* [Pragmatics of a foreign language word in Russian]. Abstract of Philol. Doct. diss. Krasnodar, 2005. 40 p.

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [The Russian word, native and alien: Studies on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 888 p.

Makarov N. P. *Polnyi francuzsko-russkii slovar'* [Complete French-Russian dictionary. Prepared according to the 1884 edition]. Moscow, AST-Astrel' Publ., 2004. 1309 p.

Marinova E. V. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The theory of borrowing in basic concepts and terms: a dictionary-directory]. 3rd ed., ster. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 240 p.

Mikhel'son A. D. *Ob"yasnitel'nyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s ob"yasneniem ikh kornei* [Explanatory dictionary of foreign words that came into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. St. Petersburg, Russian Printing House, 1883. 752 p.

Popov M. *Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke* [Complete dictionary of foreign words that are used in Russian]. Moscow, Book Publishing Partnership I. D. Sytin, 1904. 458 p.

Procenko E. A. [To the problem of classification of foreign origin vocabulary]. *Bulletin of the Voronezh State University. Series Linguistics and Intercultural Communication*. 2006, no. 2, pp. 92–99. (In Russ.)

Shanskii N. M. (ed.). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Vyp. 1–10. [Etymological dictionary of the Russian language]. M., MGU, 1963–2007.

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vol.]. M., Sovetskaya Enciklopediya: OGIZ Publ., 1935–1940.

Weinreich U. [Monolingualism and multilingualism]. Rosenzweig V. Y. (Comp. and ed.). *Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Iss. 6. Language contacts]. Moscow, Progress Publ., 1972, pp. 25–60. (In Russ.)

Yuzhakov S. N. (ed.). *Bol'shaya enciklopediya: slovar' obshchedostupnyh svedenii po vsem otraslyam znaniya* [Big encyclopedia: a dictionary of publicly available information on all branches of knowledge]. Ed. by Yuzhakov S. N. SPb, Book Publishing Partnership "Prosveshchenie", 1901. V. 4. 794 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 106–118

Язык художественной литературы

Компаративные конструкции и структура повествования (на материале современной русской прозы)

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), zoyap@mail.ru

Наталья Александровна Фатеева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), nafata@rambler.ru

DOI: 10.31857/S013161170018742-5

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается связь компаративных конструкций (метафор и сравнений) со структурой повествования. Материалом для анализа служат произведения современной русской прозы: романы Е. Водолазкина, Ш. Идиатуллина, М. Степновой, В. Пелевина, М. Кучерской, О. Ермакова, А. Волоса, А. Иванова, Г. Яхиной, А. Сальникова и др. Показано, что характер компаративных конструкций и их распределение в тексте связаны с точкой зрения повествователя и персонажа. Выбор образа сравнения определяется оценочной, оптической, пространственно-временной точкой зрения героя произведения или рассказчика. Точка зрения персонажа и, соответственно, выбор образа сравнения могут определяться возрастом героя, его профессией, временем действия произведения, национальной культурой, к которой относится персонаж. Компаративные конструкции служат средством разграничения разных субъектно-речевых планов в структуре повествования, а также различных темпоральных планов произведения. Характер тропеических конструкций зависит от типа повествования и характера

нарратора. В сказе и сказоподобных формах возрастает роль разговорных, просторечных и жаргонных метафор и сравнений. В контаминированных формах повествования, объединяющего повествование от 1-го и 3-го лица, характер и количество компаративных тропов могут служить сигналом, разграничивающим эти нарративные типы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компаративная конструкция, метафора, сравнение, структура повествования, тип повествования, нарратор, субъектно-речевой план, интерференция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Компаративные конструкции и структура повествования (на материале современной русской прозы) // Русская речь. 2022. № 1. С. 106–118. DOI: 10.31857/S013161170018742-5.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX — начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

The Language of Fiction

Comparative Structures and Narration Composition in Modern Russian Prose

Natalia A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow), ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), nafata@rambler.ru

ABSTRACT: The article examines the relationship of comparative structures (metaphors and similes) with the structure of the narrative. The material for the analysis is the works of modern Russian prose: the novels of E. Vodolazkin, Sh. Idiatullin, M. Stepnova, V. Pelevin, M. Kucherskaya, O. Ermakov, A. Volos, A. Ivanov, G. Yakhina, A. Salnikov, etc. It is shown that the nature

of comparative constructions and their distribution in the text is connected to the point of view of the narrator and of the character. The choice of the image of comparison is determined by the evaluative, optical, spatio-temporal point of view of the character or the narrator. The point of view of the character and, accordingly, the choice of the image of comparison can be determined by the age of the character, his/her profession, the time period described in the work, and the national culture to which the character belongs. Comparative structures serve as a means of differentiating between different subject-speech planes in the structure of the narrative, as well as different temporal planes of the work. The nature of metaphors and similes depends on the type of narration and on the narrator. In skaz and skaz-like forms, the role of colloquial, vernacular and slang metaphors and similes increases. In contaminated narrative types that combine the 1st and the 3rd person narratives, the nature and number of comparative tropes can serve as a signal to differentiate these narrative types.

KEYWORDS: comparative construction, metaphor, simile, narrative structure, type of narration, narrator, subject-speech plan, interference

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Comparative Structures and Narration Composition in Modern Russian Prose. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 1. Pp. 106–118. DOI: 10.31857/S013161170018742-5.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project 19-512-23004 "Metaphorical picture of the world of modern Russian and Hungarian prose of the late XX — early XXI century (comparative analysis)".

Компаративные конструкции в современной прозе активно изучаются в разных аспектах: анализируются семантические классы их опорных слов, определяются формальные типы конструкций, выделяются и описываются ключевые метафоры, характеризуются их функции в тексте [Гик 2021; Звездина 2014; Иванова 2021; Резанова, Пановица 2014 и др.], однако недостаточно изучена связь компаративных тропов со структурой повествования.

Цель данной статьи — рассмотреть соотнесенность метафор и сравнений с особенностями нарративной структуры литературного произведения. В качестве материала для анализа используются произведения современной русской прозы — произведения Е. Водолазкина, Ш. Идиатуллина,

В. Пелевина, М. Кучерской, М. Степновой, О. Ермакова, А. Волоса, А. Иванова, Г. Яхиной, А. Сальникова и др.

Характер компаративных конструкций и их распределение в тексте во многом связаны с точкой зрения повествователя или персонажа. В прозе XX в. возрастает роль точки зрения персонажа, активно развивается несобственно-авторское повествование [Кожевникова 1994: 245–246], этот процесс продолжается и углубляется и в XXI в. Выбор образа сравнения может определяться оптической, оценочной, пространственно-временной точкой зрения героя произведения. Например, в романе М. Степновой «Сад» с точки зрения врача Мейзеля дается сопоставление внешности Туси и Нюты, при этом используются разные образы сравнения: *Да, эта, несомненно, хороша — изящная даже в уродливом платье… Статуэточка. Вот — поклонилась слегка, с таким достоинством, будто во дворце родилась, а не в кадушке. И Туся рядом — как дворняжка беспородная: широкошеяя, коренастая*… Точку зрения персонажа в этом случае актуализируют особенности синтаксического строения контекста.

В этнофэнтези Ш. Идиатуллина «Последние времена» круг образов сравнения компаративных тропов ограничен наименованиями реалий, которые окружают персонажей описываемого периода в древности, что выделяет их точку зрения. Это, как правило, названия растений, продуктов питания: *Айви завидовала даже Кулу, у которого не было никого. Лучше уж никого, чем вот так — как зернышко в огромном хлебном поле, где все зерна в колосьях одинаковые*; *Эта мысль выедала голову, как черная пыльца выедает просо, медленно и неотвратимо*; *Та* [голова] *норовила разойтись, как коробочка перезревшего мака*.

В романе О. Ермакова «Родник Олафа», повествующем о путешествии средневекового мальчика Спиридона, сравнения и метафоры также во многом определяются кругозором героя: *Солнце начинает потихоньку оплывать с елей, как мед с ложки. И туман становится как масленая каша*; *Густо пахнет смолой и хвоей, хоть режь воздух аки мед*. Показательно, что маркером сравнения в последнем предложении служит древнерусский союз *аки*, выделяющий точку зрения человека Средневековья.

Точка зрения персонажа и, соответственно, выбор образа сравнения могут определяться возрастом героя, его профессией, временем действия произведения, национальной культурой, к которой относится персонаж.

Так, например, в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев», в котором рассматриваются «темы детства и становления сознания» [Колядич 2018: 418], в повествовании от лица главного героя-подростка среди различных тропов встречаются персонифицирующие метафоры, отражающие детское мировосприятие, что проявляется в передаче характеризуемым природным реалиям признака невзрослости: *Море* ***игривое, но***

чумазенькое**: вылазишь — и солому с тиной с себя снимаешь пять минут*; *Даже солнышко **проковыряло дырку в тучах и быстренько мазнуло по нам слепящей ладошкой.

В романе Е. Водолазкина «Брисбен», главный герой которого — музыкант, в качестве образов сравнения компаративных конструкций выступают в основном музыкальные термины: слово *музыка* и его производные, названия музыкальных инструментов, наименования музыкальных жанров, музыкальных темпов, интервалов, способов извлечения звука, приемов игры, названия музыкальных произведений и др. [Николина, Петрова 2021]. Эти образы характеризуют широкий круг изображаемых предметов и явлений — звуки окружающего мира, например: *...каштаны висели на ветках зелеными ежиками, иногда желтели. Будучи сбитыми метким броском палки, ежики лопались на лету, распадались на половинки, освобождая полированные красавцы-каштаны. Они ударялись об асфальт с мелодичным звуком, несколько раз подпрыгивали и замирали где-нибудь у бордюра. Гладкие, блестящие, с обязательной неполированной макушкой. За глуховатым **пиццикато** каштана всякий раз раздавался звонкий **форшлаг** палки*, персонажей: «*Глеб впервые заметил, что у Кислицына невероятно большая голова, под которой болталось маленькое тело. Его друг напоминал **восьмушку на верхней линии нотного стана** — ту, у которой мачта с хвостиком уходит вниз. **Ре**, по всей видимости. Или **фа***; события жизни: — *Ну да... Понимаешь, в жизни одни события уравновешиваются другими. Одна и та же мелодия может прозвучать вначале в **миноре**, а затем в **мажоре**. Или наоборот*; язык, речь: *Его потрясла русская речь, какой он еще никогда не слышал. У нее была своя изысканная **мелодия** и, уж конечно, слова* и т. д.

Особенности национальной культуры также находят отражение в выборе метафор и сравнений, используемых автором и определяемых точкой зрения персонажа. Так, в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» образы сравнения в ряде случаев передаются татарскими лексемами, например: *В небе кругляш луны, как **тэнке***. В романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд» в метафорах и сравнениях отражаются особенности персидско-таджикской культуры: *Женщины, галдя, как **майнушки**, снова рассадили детишек на зеленой траве*; *Озаренный зев печи в рассветной мгле казался **пастью огнедышащего дэва***; *Он бы просто выхватил любимую из-за плетня и унес. Как **птица Симург**, как могучий **джинн**!*

Точка зрения персонажа не тождественна структуре повествования, его «голосу», который также может отражаться в использовании компаративных тропов. Это особенно ярко проявляется при передаче несобственно-прямой речи героев или гибридных форм их речи. Так, в романе М. Степновой «Сад» устойчивые сравнения, характерные для народной речи, представлены в речи крестьян и внутренней речи горничной: *Мужики на*

ярмарках хвастались, что наша-то барыня — ух, ей чего в рот ни положь, по самые дальше некуда отхватит, а ваш граф, как есть обалдуй, кисель недотепный, тютя!; *Голоса за окном тотчас смолкли, и быстро вошел Мейзель — бес, как есть бес... Заурчал, как голубь, когда голубку замолаживает, да еще глазами зыркнул — мол, пошла отсюда!*

Компаративные конструкции особенно часто используются в интроспективном повествовании — при передаче внутренней речи персонажа (повествователя) или описании его внутренних состояний. «Речевой презентацией наррации эффект гетероглоссии может быть использован весьма различно: от “войны языков” (Ролан Барт) до их тавтологии (нулевая гетероглоссия). Между этими пределами обнаруживаются модификации “текстовой интерференции” (В. Шмид), а также цитатного вкрапления чужих слов в текст нарратора» [Тюпа 2016: 47]. Так, в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» представлена особая модификация интерференции субъектных планов повествователя и персонажей. Доминирует в тексте голос нарратора, однако при этом регулярно используются метафоры и сравнения, мотивированные внутренним состоянием героев или их воспоминаниями. Например, при описании состояния Петрова-старшего повторяются метафоры и сравнения, связанные с его психосоматикой и объединенные образом жара: ...*Петрову снова стало жарко и он снова почувствовал себя только что выключившим душ, только теперь это было чувство, что он выключил воду уже после того, как намылился, но до того, как слить с себя образовавшуюся на коже пену*; *Петров стал уже заранее расстегивать пуговицы, чтобы снова его не накрыло волной жара*; *Петров смотрел на голубое пламя под желтоватым от времени чайником, сделанным в виде полусферы, и начинал чувствовать, что внутри домашнего тепла сам начинает нагреваться, как чайник, хотя нет, жар внутри Петрова был не жидкий, не как в чайнике, он был скорее таким, какой бывает у печных кирпичей — сухой, тяжелый и долгий*. При описании Петровой, в свою очередь, повторяется образ холодной спирали, побуждающей ее к агрессивным действиям: *Вообще, одержимость Петровой походила на холодную спираль, двигавшуюся у нее внутри, где-то в области солнечного сплетения. Спираль появлялась сама собой, от каких-то внешних впечатлений, совершенных каких-нибудь глупостей и глупостями же и заканчивалась. Однажды весной, при виде кактуса, цветущего красными цветами на библиотечном подоконнике, спираль заполыхала внутри Петровой с такой силой, что казалось, будто спираль вовсе не холодна, а горяча*; *Хотя в том, что она сама делала, она почти не видела ничего плохого, по крайней мере, в те моменты, когда холодная спираль крутилась в ее животе*.

Повторяющиеся образы дополняются метафорами и сравнениями, связанными с воспоминаниями героев: *жарче становилось и Петрову, но это*

был уже такой жар, какой с трудом балансирует на грани озноба, словно та Снегурочка из детства сунула свою руку не в ладонь Петрову, а за шиворот, или даже не за шиворот сунула, а пролезла рукой под рубашку со стороны живота и коснулась ребер.

Само слово персонажа при этом не используется, однако характер метафор и сравнений позволяет говорить об их субъектном плане, поскольку они отражают ощущения персонажей, доступные только их восприятию.

В романе В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» цитатное вкрапление, отражающее слово героя («переход через Альпы»), разворачивается в тексте в цепь метафор, относящихся к семантическим полям «Война» и «Покорение стихии»: *На выходные Игорь Андреевич был занят с семьей. Он приезжал обычно в будни, часов в девять-десять утра, выкроив время между домашним завтраком и дневным совещанием в мэрии (он называл такую утреннюю встречу «**переходом через Альпы**»)*; *Игорь Андреевич **переходил через Альпы** каждую неделю два раза, почти всегда с трудностями. Проблему вполне можно было решить гуманитарными методами — но Таня инстинктом чувствовала, что быть с Игорем Андреевичем чересчур уступчивой и ласковой не следует, потому что ему в этом спорте важнее всего именно **Альпы**, то есть **победа над враждебной стихией***; *Таня хмурилась, сопротивлялась, постанывала, недовольно морщилась, как бы вырывалась из его рук на свободу — но, разумеется, только после того, как **войска Игоря Андреевича уже кое-как проникали в долину, и конфузия его знаменам не грозила**. Игорь Андреевич не на шутку заводился, начинал шумно дышать и **одерживал очередной блицкриг***; *Объяснить кому-нибудь **принципы высокогорного боя** Таня вряд ли смогла бы, потому что не формулировала их даже для себя*; *В общем, **на альпийском фронте шли бои**, и Игорь Андреевич молодел с каждым днем*.

Эти метафоры представлены в авторской речи и одновременно отражают как точку зрения героини, так и точку зрения Игоря Андреевича. В результате в тексте усиливается интерференция субъектно-речевых планов персонажей и повествователя.

Компаративные конструкции разных типов в современной прозе могут противопоставлять планы разных персонажей и служить сигналом их внутреннего конфликта. Так, в романе М. Кучерской «Тетя Мотя», в котором используются элементы несобственно-авторского повествования, оппозицию образуют метафоры и сравнения, характерные для планов главной героини и ее мужа Николая. В субъектно-речевом плане Николая представлены преимущественно стилистически сниженные, стертые общеязыковые или бытовые метафоры: *Разочек хохотнула, **колокольчиком таким динь-динь**, это он типа пошутил*; *Теперь ему показалось, что не семь, а двадцать семь лет прошло с тех пор, как он ходил к ней влюбленным*

лопухом. Для субъектно-речевого плана героини, напротив, характерны более сложные по структуре и более индивидуальные метафоры и сравнения: *У каждого слова —* ***живое тело, напоминающее космический кораблик***; *У слов есть* ***летучее акустическое тело****, грамматическая оболочка из приставок-суффиксов-окончаний, и сложенный из этого и много чего другого смысл,* ***сердце*** *смысла,* ***стук-стук***; *…тетя обнаружила: люди, которые сочиняют газетные заметки, ведать не ведают о языковой вселенной.* ***Черным-черны, пустым-пусты*** *их слова. И* ***надуты***. ***Вместо ветвящихся, текущих по небу деревьев — мертвый хворост, неопрятные кучи***.

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» у каждого из главных героев своя система компаративных тропов, при этом преобладающее их количество характерно для субъектно-речевого плана Зулейхи. Представленные в нем метафоры и сравнения наиболее разнообразны. Среди них доминируют зооморфные тропы, например: *…смерть ждала каждого — таилась в нем самом или ходила совсем рядом,* ***кошкой ластилась*** *к ногам*; *Тюремный человек с* ***песьими*** *повадками выковыривает из неприметной щели в стене глубоко запрятанную спичку*; *Велика страна, где живет Зулейха. Велика и красна, как* ***бычья кровь****. Зулейха стоит перед огромной, во всю стену, картой, по которой распласталось гигантское алое пятно, похожее на* ***беременного слизня****, — Советский Союз*. Наряду с зооморфными тропами часто встречаются кулинарные метафоры и сравнения: *Мысли в голове до сих пор — тяжелые, неповоротливые, как* ***хлебное тесто****; блестит чернявый золотым зубом, подмигивая Зулейхе сначала одним глазом, затем другим. Белки у него мутные, как* ***овсяная затируха****, а зрачки мелкие,* ***комочками***; *Наряден, как* ***торт****, бывший дом генерал-губернатора… Острые башенки кремля — как* ***сахарные головки***. Эти компаративные конструкции отражают особенности мировосприятия Зулейхи. Некоторые метафоры при этом отражают ее самооценку. Так, героиня в тексте неоднократно называется ***мокрой курицей***. Этой оценочной метафорой Зулейху именуют ее свекровь Упыриха и муж Муртаза, а вслед за ними и она сама. Однако в контексте всего произведения эта метафора переосмысливается. Зулейха, преодолевая слабость, обретает внутреннюю силу. В отличие от плана Зулейхи, в плане красноармейца Игнатова преобладают метафоры-штампы, например: *Так, постепенно, Игнатов доходит до конца ленинградского списка. Несколько не то учителей, не то университетских преподавателей; типографский работник; банковский служащий; пара заводских инженеров или механиков; домохозяйка и пара людей без определенного занятия (тунеядцы —* ***язва на теле общества****) и даже невесть как затесавшаяся в это общество модистка*. Особенно интересен в романе субъектно-речевой план сына Зулейхи Юзуфа. Для его построения характерны прием остранения и использование образов

окружающей природы, мотивированное ограниченностью его кругозора в результате жизни на поселении. Представляя себе незнакомый ему Ленинград, он переименовывает его архитектурные сооружения известным ему словом ***барак***, сравнивает их с природными реалиями: *мимо зеленого, как* ***трава****, и высокого, с* ***могучую ель, барака*** *Эрмитажа; мимо желтого* ***барака*** *Адмиралтейства, крыша которого украшена длинной и ровной, как* ***молодая сосна****, иглой с парусным корабликом на острие; мимо серого* ***барака*** *Биржи и толстых красных* ***бревен****-ростр*.

Компаративные конструкции могут служить средством разграничения разных темпоральных планов повествования. Например, в романе М. Степновой «Женщины Лазаря» различаются метафоры и сравнения, характеризующие героиню в юности и в зрелые годы и отражающие ее точку зрения в разные периоды жизни. При изображении юной героини Галочки используются тропы, передающие ее романтическое отношение к жизни: *А еще Николай Иванович был необыкновенно красивый, просто невероятно — яркоглазый, златоволосый, улыбчивый, он казался Галочке каким-то праздничным* ***Лелем****, воплощением сразу всех русских народных сказок, под которые она засыпала в детстве*; *Галочка улыбалась Машкову сквозь ресницы, сквозь голые ветки, сквозь лучистые фонари… <…> …и даже заледеневшие харчки на тротуаре казались* ***полудрагоценными — лунный опал, зеленоватый оникс, туберкулезно-бурый гематит***. При описании ее в дальнейшем после душевного перелома, произошедшего с ней, в тексте концентрируются тропы с отрицательной оценкой, характеризующие ее саму: *Словно* ***изувеченная собака Павлова, которой удалили затылочные доли мозга,*** *потерянная в пространстве, лишенная ради чьего-то садистского любопытства и зрения, и слуха, она упорно ползла по невидимому кругу, раз за разом возвращаясь к той последней точке, на которой закончилась ее счастливая, нормальная, человеческая жизнь*; ее будущего ребенка: ***Чудовище*** *внутри нее было довольней некуда*; Линдта: *Потом Линдт засмеялся, обнажив крупные зубы, —* ***будто кто-то быстро провернул скрипучую костяную шестерню****, и Галочке снова стало пронзительно неприятно.* ***Словно она находилась в одной комнате с каким-то гигантским омерзительным насекомым***.

В романе Е. Водолазкина «Авиатор» разный характер носят метафоры и сравнения, используемые при описании детства героя и его настоящего, в частности, зооморфные тропы. В воспоминаниях Платонова животным уподобляются в основном предметы, это происходит на основе внешних впечатлений и непосредственных ощущений, например, паровоз — ***личинка***: *Поезд был виден издалека и подходил медленно. Как только он появлялся над точкой слияния рельсов, встречавшие поворачивались к нему лицом. Заметив, уже не выпускали из виду. Они еще говорили друг с другом,*

еще интересовались сиверскими новостями, но по-настоящему внимание их было приковано к ползущей по рельсам ***личинке****, к ее необъяснимому превращению в паровоз*. В повествовании взрослого Платонова зооморфные тропы носят уже другой характер. Они чаще отражают не непосредственные впечатления, а характеризуют лиц, особенности их внутреннего мира или же участвуют в размышлениях повествователя на социально-политические темы [Николина, Петрова 2019].

Характер тропов во многом зависит от типа повествования и характера нарратора. В повествовании от 1-го лица, для которого характерны субъективность, достоверность и ограниченность пространственно-временной точкой зрения повествователя (рассказчика) [Атарова, Лесскис 1976; Николина 2003], чаще используются стилистически сниженные, разговорные и просторечные метафоры и сравнения, например в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев», ряд глав которого строится как повествование от 1-го лица, при этом нарратором выступает подросток: *...диск-гигант Высоцкого. Вот его я любил. И в лагере всегда просил Петровича поставить Высоцкого. А он,* ***удод****, Ротару с Леонтьевым ставил*; *А я и сам не понял, зачем даю крутого.* ***Махаться*** *ведь совсем не хотел и почти не мог — хотя, если начнется, отобьюсь, наверное*; *Все болело, особенно левый бок и нога... в животе мелко* ***трясся*** *гадостный* ***холодец****, который запросился наружу, как только я его отдельно почувствовал*.

Та же тенденция, но еще более ярко, проявляется в сказе и сказоподобных формах повествования. Так, в романе А. Понизовского «Обращение в слух» представлены аудиозаписи историй простых людей, при стилизации которых автор обращается к сказу, «актуализируя в данной повествовательной форме такие черты, как неподготовленность, спонтанность» [Колмакова 2016: 132], автор передает естественность народной речи. В историях персонажей, соответственно, широко представлены просторечные метафоры и сравнения: *Туда в село пойдёт* [мать], *в другое село пойдёт, и я за ней* ***в хвосте, в хвосте*** *постоянно — хожу побираюсь вместе с ней*; *И вы знаете, как по жизни бывает: так тебя* ***к стенке прижмёт*** *— ну, думаешь,* ***нету выхода****. А потом — раз-раз, смотришь, всё* ***прокрутилось*** *как-то,* ***прокрутилось*** *— и пошло опять своим чередом...*

В контаминированных формах повествования, объединяющего повествование от 1-го и 3-го лица, характер и количество компаративных тропов могут служить сигналом, разграничивающим эти нарративные типы. Например, повествование от 1-го лица в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» появляется во второй части произведения (с 26-й главы) и вновь сменяется повествованием от 3-го лица в последних главах, при этом в повествовании от 1-го лица резко увеличивается количество сравнений и метафор, возрастает степень образности текста.

Если в повествовании от 3-го лица тропы носят в основном бытовой характер, то в повествовании от 1-го лица преобладают сложные, индивидуализированные образы, раскрывающие глубину личности героя, см., например: *Дикий, огненный край неба дымно и слепо глядит на нас бездонным водоворотом солнца. Надувная плюшка и пригоршни человечков на ней — посреди грозного таежного океана. Это как нож у горла, как первая любовь, как последние стихи*; *Не просто огромная, а чудовищно огромная скала, как гребенчатый динозавр в траве, лежит на левом берегу в еловых дебрях*; *Прямо перед нами беззвучно поднимается жуткий идол Чертового Пальца. Кажется, он вырастает прямо из недр ископаемой перми, от погребенных в толще костей зверощеров. Он гипнотизирует, как вставшая дыбом кобра. Я чувствую его безмолвный, незрячий, нечеловеческий взгляд сквозь опущенные каменные веки*; *...на желтой воде закручиваются две воронки, и узор их напоминает рельеф ионической капители. Когти тоски, что целый год ржавели в моей душе, потихоньку разжимаются*. Смена типа повествования во многом меняет представления читателей о главном герое романа. Компаративные тропы обнаруживают его единение с природой, одухотворенность которой он глубоко чувствует и образно выражает, открытость миру и обретение веры в него.

Итак, распределение компаративных конструкций в современном прозаическом тексте тесно связано со структурой повествования. Выбор метафоры или сравнения определяется особенностями фокализации: учитывается возраст, профессия, национальность и другие свойства персонажа, влияющие на его точку зрения. Компаративные тропы позволяют разграничивать разные субъектно-речевые и темпоральные планы, служат средством передачи «голоса» персонажа. Для современной прозы характерна высокая степень интерференции планов повествователя и героя, что проявляется во взаимодействии тропов или развертывании одного из них в разных субъектно-речевых планах. Использование компаративных конструкций во многом зависит от типа повествования, соотнесенность их требует дальнейшего изучения.

Литература

Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР, сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 4. С. 343–356.

Гик А. В. Животные и люди. Семантические преобразования в романе Захара Прилепина «Обитель» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы. М.: Аквилон, 2021. С. 26–41.

Звездина Ю. В. Метафорический художественный образ в современной русской прозе // Ученые записки ЗабГУ. 2014. № 2 (55). С. 37–44.

Иванова Н. Б. Метафора в современной русской прозе // Метафорическая картина мира современной художественной прозы. М.: Аквилон, 2021. С. 95–106.

Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Институт русского языка РАН, 1994. 336 с.

Колмакова О. А. Коммуникативная стратегия в романе А. Понизовского «Обращение в слух» // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2016. Вып. 2. С. 109–116.

Колядич Т. М. Приемы описания главного героя в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» // Преподаватель XXI век. 2018. № 2. С. 417–425.

Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

Николина Н. А., Петрова З. Ю. Система компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Slavica XLVIII. Debrecen: Debrecen Univ. Press, 2019, pp. 101–112.

Николина Н. А., Петрова З. Ю. Образное поле «Музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Русская речь. 2021. № 4. С. 108–119.

Резанова З. И., Пановица В. Ю. Ключевые текстовые метафорические модели трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 382. С. 33–38.

Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Издательство «Intrada», 2016. 145 с.

References

Atarova K. N., Lesskis G. A. [Semantics and structure of the 1st person narrative in fiction]. *Izvestiya AN SSSR*, *ser. lit. I yaz*. 1976, vol. 35, no. 4, pp. 343–356. (In Russ.)

Gik A. V. [Animals and people. Semantic transformations in the novel "Abode" by Zakhar Prilepin]. *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: sbornik nauchnykh statei* [Metaphorical world image of the modern prose: A collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2021, pp. 26–41. (In Russ.)

Ivanova N. B. [Metaphor in new Russian prose]. *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: sbornik nauchnykh statei* [Metaphorical world image of the modern prose: A collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2021, pp. 95–106. (In Russ.)

Kolmakova O. A. [Communicative strategy in the novel "Becoming All Ears" by A. Ponizovsky]. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta*, 2016, no. 2, pp. 109–116. (In Russ.)

Kolyadich T. M. [The techniques for describing the protagonist in the novel "The City of Brezhnev" by Sh. Idiatullin]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2018, no. 2, pp. 417–425. (In Russ.)

Kozhevnikova N. A. *Tipy povestvovaniya v russkoi literature XIX–XX vv*. [Types of narrative in the XIX–XX centuries Russian literature]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 1994. 336 p.

Nikolina N. A. *Filologicheskii analiz teksta: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* [Philological analysis of the text: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow, Academia Publ., 2003. 256 p.

Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. [A system of comparative tropes in the novel "Aviator" by E. Vodolazkin]. *Slavica* XLVIII. Debrecen: Debrecen Univ. Press, 2019, pp. 101–112. (In Russ.)

Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. [Figurative field "Music" in the novel "Brisbane" by E. Vodolazkin]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2021, no. 4, pp. 108–119. (In Russ.)

Rezanova Z. I., Panovitsa V. Yu. [Key text metaphorical models of the trilogy by Dina Rubina "People of the Air"]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*, 2014, no. 382, pp. 33–38. (In Russ.)

Tyupa V. I. *Vvedenie v sravnitel'nuyu narratologiyu* [Introduction to comparative narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016. 145 p.

Zvezdina Yu. V. [Metaphorical imagery in modern Russian prose]. *Uchenye zapiski ZabGU*, 2014, no. 2 (55), pp. 37–44. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2022
С. / Pp. 119–127

Наука в лицах

На службе русского языка и российской науки (Людмила Алексеевна Вербицкая)

Science and Persons

In the Service of the Russian Language and Russia's Scholarship (Lyudmila Alekseevna Verbitskaya)

В середине 90-х годов XX века один журнал поместил кроссворд с вопросом «Ректор Санкт-Петербургского государственного университета» — 9 букв. Такого, скорее всего, не было за всю историю университетского образования в мире и совершенно точно — за более чем два столетия существования СПбГУ. Этим ректором была Людмила Алексеевна Вербицкая, удивительный человек, соединявший в себе качества замечательного ученого, филолога-русиста, выдающегося организатора науки

Людмила Алексеевна Вербицкая 1994–1995 гг.
Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1994–1995)

и яркого общественного деятеля, имя которого было известно далеко за пределами университета, города и даже страны. В этом небольшом очерке мы постараемся рассказать обо всех этих сторонах жизни и работы Людмилы Алексеевны.

Людмила Алексеевна Вербицкая (17.06.1936, Ленинград — 24.11.2019, Санкт-Петербург) родилась в Ленинграде, ее отец — Алексей Александрович Бубнов, секретарь Ленинградского горисполкома, был обвинен в рамках так называемого Ленинградского дела и в 1950 г. расстрелян; реабилитирован 14 мая 1954 года. С 1950 по 1953 г. Людмила находилась в детской трудовой исправительной колонии во Львове, где по ходатайству заместителя начальника колонии В. Н. Карповой обучалась в городской школе и поступила на филфак Львовского государственного университета, а в 1954 г. перевелась на филологический факультет Ленинградского университета, русское отделение которого окончила с отличием в 1958 г. В 1965 году защитила кандидатскую диссертацию, в 1977 году — докторскую. Прошла путь от лаборанта Кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков (1958–1961) до профессора (с 1979 г.). С 1985 года — заведующая кафедрой общего языкознания; проректор по учебной работе (1984–1986), первый проректор (с 1993 г.), и. о. ректора, ректор СПбГУ (1994–2008); президент СПбГУ (2008–2019); декан филологического ф-та (2010–2019); президент Российской академии образования (2013–2019).

Женщина во главе одного из ведущих университетов страны — явление нечастое, и в нашей стране, и за ее пределами. Не говоря уже о том, что ректор этот — не математик, не физик или химик. Впрочем, ко времени избрания ректором филолог Вербицкая уже успела проявить себя на посту первого проректора (традиционно эту должность также занимали представители точных наук), в частности, сыграв ведущую роль в уточнении даты основания нашего Университета (1724 г.) и поспособствовав возвращению ему очищенного от скверны исконного названия.

Тогда же у Л. А. Вербицкой появилась еще и возможность заступиться за то, что она любила едва ли не больше всего, — хороший русский язык. Очень скоро жители Петербурга узнали ректора СПбГУ «в лицо». Она смотрела на них с плакатов с призывом «...говорить как петербуржцы!».

Весьма значительными, хотя и менее заметными для широкой публики, были перемены внутри СПбГУ — от ремонта обветшалых зданий до изменения учебных программ. Прямо и непосредственно эти перемены коснулись профессорско-преподавательского состава, изрядно увеличившегося в те годы. С самого начала в основу кадровой политики был положен принцип: все, кто достойно проявил себя в той или иной области науки, должны знакомить со своими достижениями студентов Санкт-Петербургского государственного университета. В Университет стали приглашать ведущих ученых города (в том числе тех, кто, по разным причинам, прежде не допускался к преподаванию в Университете), а позже — всей страны и зарубежья. Это были те самые «лихие 90-е» годы, которые кто-то вспоминает с содроганием, а многие — как время надежд, когда появилась наконец возможность поделиться накопленными знаниями.

В должности ректора Санкт-Петербургского государственного университета Л. А. Вербицкой нужно было решать проблемы, зачастую совсем не научные. «В наше трудное время...» — напоминали сочувствующие. «А иные времена, не трудные, вы помните?» — спрашивала Людмила Алексеевна, отправляясь в студенческое общежитие в Петергоф или в Москву на встречу с очередным министром. «Вы ее когда-нибудь видите?» — спрашивали сотрудников кафедры. Преподаватели видели свою заведующую по крайней мере два раза в месяц на заседаниях кафедры, а студенты своего профессора — еженедельно на лекциях. (Ни того, ни другого Людмила Алексеевна не пропускала без крайней необходимости.)

В эти действительно непростые времена у ректора появилась реальная возможность оказывать влияние на одну из самых важных для нормального существования и развития любой страны областей — просвещение. Две его составляющие — наука и образование, по глубокому убеждению Л. А. Вербицкой неразрывно связанные между собой, — в идеале являются частью единого общемирового процесса, в стороне от которого на протяжении многих лет оставалась российская наука.

Ученые одного с Л. А. Вербицкой поколения слишком хорошо знали, что происходит с наукой в изоляции, когда нет возможности выслушать критику зарубежных коллег, указать им на их ошибки и вместе реализовать принцип «*Научное положение — это положение, которое можно опровергнуть*» (добавим: *и защитить*). Самое обидное в этой ситуации

Людмила Алексеевна Вербицкая 2010–2011 гг.
Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (2010–2011)

было то, что советские гуманитарии в основном неплохо знали, что происходит в их области за рубежом, тогда как их собственные достижения, за редким исключением, оставались неизвестными огромной части мирового научного сообщества. Это относилось и к конкретным исследованиям, и к целым направлениям и школам, в рамках которых эти исследования проводились. Одной из них была Школа Льва Владимировича Щербы (1880–1944), развивавшаяся в полемическом содружестве — не только с Московской фонологической школой, но и с Пражским лингвистическим кружком, и с американским дескриптивизмом, а также с новейшими течениями в языкознании, с одной стороны, а с другой — с выдающимися предшественниками, память о которых хранила российская наука. Такой подход, не ограниченный ни географией, ни хронологией, она готова была предложить ученому миру в качестве основы для равноправного диалога и сотрудничества.

По убеждению Л. А. Вербицкой, наука (соответственно и распространение научных идей) начинается со студенческой аудитории. Поэтому естественным первым шагом к сближению представлялась выработка сопоставимых образовательных стандартов. Это и стало одной из причин присоединения России к Болонской конвенции[1]. Многими этот шаг расценивался как посягательство на основы «лучшего в мире образования», «учившего мыслить». Людмила Алексеевна лучше многих знала достоинства и недостатки российского и советского образования. К первым, несомненно, относилась широта, не ограниченная сиюминутными практическими потребностями: «Что значит “бесполезные знания”. Кто знает, что завтра понадобится или послезавтра?» В одной из поездок Л. А. Вербицкая познакомилась с популярным на Западе принципом «*Умение прежде знаний* (*Skill before knowledge*)». В этом она усмотрела аналог отечественного лозунга «Образование должно быть востребовано». «Кем востребовано? — интересовалась Людмила Алексеевна. — Сами-то они чему учились? Потребности в образовании пусть определяет тот, кто сам хорошо образован. Кто знает, что уже лишнее, а чего не хватает».

[1] *Болонская декларация* — совместное заявление европейских министров образования «Зона европейского высшего образования», сделанное в г. Болонья (Италия) 19 июля 1999 г. На сегодняшний день документ подписали 48 стран. Россия присоединилась к Болонскому соглашению в 2003 году.

При этом главный недостаток естественно видеть в ограничениях любого рода, прежде всего, конечно, идеологических. «Что же это за такое "лучшее в мире", — спрашивала Людмила Алексеевна, — когда добрая половина писателей под запретом? Про историю и говорить нечего... И как вы хотите, чтобы люди при этом мыслили? По катехизису — вопрос-ответ?» Последнее относилось к экзаменам, прежде всего к вступительным экзаменам в вуз, где, по мысли противников формального подхода, и проверялось «умение мыслить». «Что можно продемонстрировать за пятнадцать минут? — удивлялась Людмила Алексеевна. — Максимум, что ты думаешь так же, как экзаменатор, а вы оба — как учебник. Вопросы должны быть конкретными, а критерии оценки — четкими. Иначе — болтовня с одной стороны и произвол с другой».

Для проверки конкретных знаний до сих пор не придумано ничего лучше тестирования. Противников у него едва ли не больше, чем сторонников. Их доводы — «дурацкие вопросы», «узость», «ответ можно угадать» — Л. А. Вербицкая прекрасно знала и во многом разделяла. Отсюда — обоснованные ответы на критику: «Формулировки можно отредактировать, глупые вопросы поменять на умные. Было бы кому все это делать. Этому учиться надо». Или про ограниченный объем проверяемых знаний («узость»): «Чему научите, то и проверять станете. А научите тому, что сами знаете». Последнее — в ответ на призывы отказаться от Единого государственного экзамена. Осознавая все его недостатки, понимая, сколько времени понадобится для доведения его до приемлемого состояния и сколько — для того, чтобы ученики и учителя поняли, что тестирование должно быть особой системой, направленной не на «натаскивание» и «угадывание», но лишь на объективную проверку полученных знаний. Объективность и была тем главным достоинством, которое Л. А. Вербицкая усматривала в пресловутом ЕГЭ.

Очень скоро выяснилось, что в СПбГУ достойны обучаться не только выпускники элитарных столичных гимназий:

> «Вы знаете, сколько у нас сейчас иногородних студентов? Не поверите: 70 процентов! Кажется, очень неплохие. И наш университет выбирали вполне осознанно, и город: «Родители здесь учились. Бабушка родилась в Ленинграде». Кстати, у большинства очень хороший русский язык. Как у бабушек».

Эти студенты слушали лекции Людмилы Алексеевны. От нее узнавали о языкознании и языковедческих школах — петербургской, московской. И о том, что во все времена оставалось главным ее делом — об орфоэпии. Последнюю Л. А. Вербицкая определяет как «раздел языкознания, изучающий произносительные нормы» и как «совокупность произносительных

норм национального языка, обеспечивающую сохранение единообразия его звукового оформления»[2]. Здесь «правильное» противопоставляется «неправильному», нежелательному, в каком-то смысле даже недопустимому, но отнюдь не невозможному, поскольку «неправильности» существуют в речи многих (иногда даже большинства) носителей языка. Может сложиться впечатление, что *орфоэпия* — прикладная наука, а задачи ее — исключительно прескриптивные — разработка норм «правильного произношения». Между тем, это — только часть, несомненно важнейшая, большой области лингвистики, куда входит — не менее важное — обоснование выбора того, что становится языковой «нормой». Объясняя кому-то суть этого понятия, Людмила Алексеевна процитировала в качестве иллюстрации реплику одного из персонажей пьесы М. А. Булгакова «Зойкина квартира»: *…к смокингу ни в коем случае нельзя надевать желтые ботинки*.

> «Почему нельзя? — спрашивала она. — Протекают? Нет. Просто *договорились*, что нельзя. Установили такую *норму*. Вот сковороду, вместо шапки, действительно нельзя; и перчатки, вместо валенок. У них функция другая. А функцию задает система».

Система и норма — два центральных понятия в учении Льва Владимировича Щербы, к школе которого принадлежала Л. А. Вербицкая. Норма предполагает выбор (сознательный или стихийный) из того, что предлагает языковая *система*. Последняя складывается, как правило, на протяжении длительного времени, в результате процессов, происходящих в синтаксисе, морфологии и звуковом строе каждого языка, точнее его диалектов и говоров, в которых представлены результаты языкового развития, различные, но относящиеся к одной общей системе. Диалекты встречаются или, наоборот, расходятся, из них заимствуются те или иные формы, что не нарушает отношений, сложившихся в системе данного языка. В какой-то момент один из говоров утверждается в качестве эталонного, престижного, то есть становится нормой. Как правило, это — говор столицы, где как раз чаще всего и встречаются носители различных диалектов: «В Москве поселяются представители как северновеликорусского, окающего, наречия, так и южновеликорусского, акающего. Народные говоры объединенных местностей начинают функционировать как диалекты формирующегося великорусского общенародного языка»[3]. Позднее московский говор перекочевал в новую столицу, где на него воздействовали окружающие Петербург — Петроград — Ленинград северно-

[2] Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 351.

[3] Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. С. 23.

и средневеликорусские говоры[4]. Так сложились две нормы русского литературного языка — московская и петербургская (ленинградская), когда-то явственно различные, но впоследствии значительно смешавшиеся.

> Уже много лет в начале каждого учебного года на кафедре общего языкознания (ныне имени Л. А. Вербицкой) происходит знакомство с первокурсниками: студенты рассказывают о себе, своих интересах, планах на будущее. В какой-то момент сотрудники кафедры стали замечать, что студенты начали говорить «как-то не так» — изменился характер гласных, появилась нетипичная для Петербурга интонация... Назывались разные причины «изменения», вплоть до самых невероятных — влияние диск-жокеев, подражавших американцам. «Господи! — воскликнула Людмила Алексеевна. — Это же так очевидно: отменили прописку, город открылся, в него съехались люди из разных городов и весей, все со своими говорами. Перемешались. Как в 1703 году».

В этом замечании вся орфоэпия, целый комплекс наук: история языка и просто история, диалектология и все аспекты языкознания — фонетика, морфология, синтаксис. Все они обозначены в предисловии к книге Л. А. Вербицкой «Русская орфоэпия», предметом которой является «произношение отдельных звуков, их сочетаний, отдельных слов в тексте, отдельных грамматических форм, в некоторых случаях сочетаний слов...»[5]. Книга имеет подзаголовок: «К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей произносительной нормы». В книге много таблиц, осциллограмм, спектрограмм — целых слов, произносимых различными дикторами, и отдельных звуков в различных окружениях и различных произносительных стилях и регистрах. Все это дает ясное представление о норме в ее идеальном состоянии и о факторах, определяющих отклонения от нормы, такие как влияние просторечия, тип речи и даже индивидуальные особенности диктора.

На основе этой монографии в 1977 г. Людмила Алексеевна защитила докторскую диссертацию «Современное русское литературное произношение (Экспериментально-фонетическое исследование)». Этому предшествовали исследования, отраженные в ее кандидатской диссертации «Звуковые единицы русской речи и их соотношение с оттенками и фонемами» (1965), в многочисленных статьях, начиная с самых первых, написанных в соавторстве с Л. Р. Зиндером и Л. В. Бондарко[6]. Уже на

---

[4] Вербицкая Л. А. Указ. соч. С. 71.

[5] Вербицкая Л. А. Указ. соч. С. 3.

[6] Зависимость временных характеристик согласных от их фонетического положения // Вопросы радиоэлектроники. 1960. № 3; Акустическая характеристика твердых и мягких согласных в русском языке // Вопросы радиоэлектроники. 1964. Вып. 4.

этом этапе просматривается орфоэпическая направленность научных интересов Л. А. Вербицкой, отразившаяся в ряде ее публикаций: «Некоторые вопросы русской орфоэпии» (Русский язык за рубежом. 1970. № 2), «К специфике так называемых ленинградской и московской орфоэпических норм» (Вопросы теоретической и практической фонетики. М., 1973). Эта тема по-разному развивалась в более поздних работах, таких как «Вариантность современной произносительной нормы русского литературного языка» (Вестник ЛГУ. 1977. № 8), «К вопросу о соотношении нормы и вариантов» (Звуковой строй языка. М., 1979), «The Phonemic System Change in Pronunciation Norm» (The 10th International Congress of Phonetic Sciences. Utrecht, 1983), «Языковая норма: реальность или вымысел?» (Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований, к 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета СПбГУ Л. В. Бондарко. 2002), вплоть до написанной в соавторстве с двумя юристами работы «Требования к устной речи при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации»[7], выходящей за пределы собственно языкознания. А широкому кругу филологов, и не только филологов, была адресована многократно переизданная и получившая заслуженную известность книга «Давайте говорить правильно» (М.: Высшая школа, 1993, 2003 и др.).

Лингвистические обоснования различных аспектов орфоэпии создавались на всем протяжении научной деятельности Л. А. Вербицкой, начиная с самых ранних ее публикаций, таких как «Некоторые характеристики современной произносительной нормы с точки зрения объективных данных»[8] или «Акустическая характеристика эталонов русских гласных»[9]. Методам получения объективных данных, в том числе инструментальных, Л. А. Вербицкая училась под руководством учеников Л. В. Щербы — Маргариты Ивановны Матусевич (1895–1979) и Льва Рафаиловича Зиндера (1904–1995). Оба по очереди заведовали кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков (с 1941 по 1966 и с 1966 по 1977 соответственно), храня и развивая традиции своего учителя. В это же время кафедрой скандинавской филологии заведовал ее основатель Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903–1981), кафедрой классической филологии — Аристид Иванович Доватур (1897–1982). Эти и другие выдающиеся ученые, работавшие на филологическом факультете ЛГУ, определяли

[7] Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «Язык и литература». Вып. 4. СПб., 2017. Соавторы — Н. М. Кропачев и С. А. Белов.

[8] Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975.

[9] Вопросы радиоэлектроники. 1964. Вып. 4.

интеллектуальный климат, в котором развивались последующие поколения учеников Ленинградской, а впоследствии Петербургской филологической школы, в том числе Л. А. Вербицкая. Ей в 1985 году Юрий Сергеевич Маслов (1914–1990) передал заведование кафедрой общего языкознания.

Об учителях, коллегах и друзьях Л. А. Вербицкая рассказывала в своих лекциях, с этими рассказами она не раз выступала на ежегодном расширенном заседании кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков — Щербовской кафедре. Это «рабочее название» сохранилось и когда заседание стало официально именоваться чтениями «Памяти учителей». В число учителей вошли сначала ученики Л. В. Щербы — М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндер. Потом — Лия Васильевна Бондарко (1932–2007), а в 2019 году и сама Людмила Алексеевна Вербицкая — великая женщина, которая всегда хотела «сделать как лучше» и которой это очень часто удавалось.

В. Б. Касевич, Ю. А. Клейнер, Н. Д. Светозарова

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*
Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*
Корректор *В. Л. Цумарева*
Верстка *С. В. Родионовой*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 28.02.2022 г.
Формат 60×88 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 210 экз.
Зак. 17/1а
Цена свободная

УЧРЕДИТЕЛИ:
Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬ:
Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия

Ключевые направления:

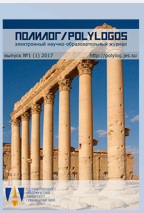
- **формирование учебно-методических комплексов**
- **внедрение мировых стандартов научной периодики и коммуникации**
- **популяризация науки**

Принципы деятельности:

- **сетевое взаимодействие ведущих научных центров**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **интеграция науки и образования**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 2356 от 15 ноября 2016 г.